

**АНДРЕЙ
ПОПОВ**

ОХОТНИЧИЙ пес

2017

Мир, в котором магия и технология — это одно и то же, мир, в котором боги среди людей, обряженные в желтушные тряпки презренного золота, единолично двигают прогресс благодаря своим тайным знаниям Искусства, но все равно остаются для большинства имперских граждан второсортным и вредоносным мусором человеческого рода. В таком неустойчивом мире захлебывающихся от выбросов мануфактур мегаполисов, истомленных бесчеловечным трудом пролетариев, пандемии нищеты, разгула преступности и межнациональных распрей, несанкционированная магия несет угрозу зыбкому общественному порядку. И только ауто-да-ферам по силе сдержать обозленных запретами и табу магов в узде, и особенно в этом деле хорош Иен — государственный охотник на магов-отступников, Маллеус Малефикарум, Молот ведьм из плоти и крови, обладающий сверхчувствительным обонянием как у пса. Охотничьего пса.

Попов Андрей Алексеевич
Охотничий пес

Посвящается друзьям и родителям.

Глава первая

Экипаж с тройкой чугунных лошадей в упряжке одиноко плелся по расколотой асфальтовой дороге. Немигающие огоньки вместо глаз мертвенно светились коралловым заревом из провалов пустых глазниц. Едкий пар валил из выхлопных отверстий по бокам могучих шей механизированных жеребцов. Кони ржали, выдыхая в воздух, пропитанный запахами серы, жженого сахара, гнили, пота, прелого сыра и горелого железа, зловонный чад. Зловещий лязг шестерней, пружиннок, и жалобный стон чугунных ног, поднимающих клубы пыли, утопали в гомоне уличного шума.

Иен тщился прикрыть лицо платком, зверский смрад бил в его сверхчувствительные ноздри. Из помутневшего окна экипажа, отдернув занавес из парчовой ткани коричневого цвета, он наблюдал за жизни каруселью наиотвратительнейшего и грязнейшего из самых неблагополучных районов города. Урбанистическая мечта, запечатленная в безжизненный гранит фабричных зданий и хитросплетения судеб рабочих, изнуренных тяжелым трудом. Заводские кварталы — раковая опухоль Каннескара. С тех самых пор как Иен оставил отчий дом в далекой рыбацкой деревушке шестнадцать лет назад, зреть промышленные города во всем их сомнительном великолепии, задыхающиеся от шлаков, ядов и грехов, ему приходилось беспрестанно.

Панорама за окном уходила вправо.

Между плотно посаженных многоуровневых зданий металлообрабатывающих цехов и фабрик химикалий слабо виднелся выход на набережную. Синяя полоска реки казалась миражом, окутанная удушливым заводским маревом. Свежеокрашенные в зеленую краску подъемные краны возвышались над бесцветными домами, точно фантастические колоссы. Толпы разношерстного отребья, брошенного цивилизованным обществом на самое дно, и заставленного отчаянно биться за последнюю кроху плесневелого хлеба, вкалывали здесь в поте лица. Истомленные трудом пролетарии суеились как термиты, поднимая в густой от жара воздух облака смердящего пота.

Экипаж выехал вдоль здания администрации, окруженного остроконечными пиками и прутьями кованого забора, увитого серо-охровым от индустриальной пыли плющом, и оказался на мощеной мостовой. Впереди возвышался аспидно-черный обелиск из мрамора с небесно-голубой призмой в наконечнике: мемориал жертвам Марицкого побоища. Его калечили ругательства расистского содержания намазанные малярной краской, кои сейчас старательно отмывали угольно-черные чумазы мальчишки-полукровки из Иных. Экипаж наехал колесом на трамвайные рельсы и изрядно покачнулся.

Збынек, вороновый лохматый пес с торчащими ушами, до сего момента безмятежно спавший на полу, резко всполошился и злобно забухтел. Маркус, флегматично почитывая желтую газетенку "Правдоруб", сидя напротив коллеги, все так же оставался невозмутим и молчалив, хотя его глаз едва-едва подергивало. Маркус Логан был коренаст, круглолиц, как и все уроженцы Ригэсса. У него были коротко стриженные волосы цвета перца с солью и аккуратная платиновая борода. Нездоровый желтоватый оттенок его губ выдавал в нем завсегдатая пивнушек. Одевался он так: поверх накрахмаленной сорочки темная жилетка в диагональную полоску, на пуговицах инициалы "ML", брюки, да лакированные туфли, начищенные до глянцевого лоска.

Кожаный саквояж цвета слоновой кости с позолоченной застежкой он сложил рядом с

собой.

В Маркусе безошибочно угадывалась армейская закваска, но слабость к спиртному у посторонних складывало о нем дурное первое впечатление.

— Погляди-ка, — нарушил молчание он. — В Старых кварталах какая-то неразбериха. Взрыв на площади Циммермана, девятеро в тяжелом состоянии, один погиб на месте.

Не дождавшись ответа коллеги, он продолжил:

— Пишут, что самоход Обера МакРибуса подорвали какие-то вредители, они на ходу бросили в самоход самодельную взрывчатку. Взрывом задело ехавший навстречу омнибус под завязку набитый пассажирами.

Иен задумчиво почесал наголо выбритый подбородок и уточнил:

— Обер... Кто он такой, черт возьми?

— Лечащий маг нашего достопочтенного генерал-губернатора.

— Ах, кто-то не хочет, чтобы она поправлялась? — произнес Иен и отвернулся, снова уставившись в окно. — И не удивительно.

— С каких пор тебе это кажется неудивительным?

— Ну, с тех пор как ей стало наплевать на собственных граждан, к примеру? Все шло к тому, чтобы народ начал действовать.

Марека Хонканен, генерал-губернатор Ригэсса, южной провинции империи Милоска последние годы не снискивала особой популярности у остервенелого от налогов народа. Ее полная незаинтересованность в собственных гражданах привела к небывалому разгулу преступности и пандемии безработицы. Губернаторша была смертельно больна, и об этом все прекрасно знали, но при всем при этом она не спешила передать власть сыну, которого народ-то любил больше из-за всей его благотворительности.

— Когда Аарон вручил бразды правления старшему сыну, тот утвердил в Каннескаре на посту генерал-губернатора любимую сводную сестрицу (и одному только Богу ведомо, за что любимую), все полетело в тартарары, — запричитал Иен и добавил с нескрываемым раздражением: — Нам улыбнулась фортуна, что из наидостойнейших восемнадцати детей Аарона Милосердного, его сынок на пост генерал-губернатора выбрал ее. Я даже слышал, что дочь Диабеллы не от монаршего папы, а вообще от своего же кузена барона Хонканен, это объясняет, отчего ее дочь нездоровой уродилась.

— Хорош ерничать. Почему ты вечно такой противник власти?

— Это вовсе не так, — запротестовал он. — Я не против действующей власти, я против глупости.

Диабелла была одной из девятнадцати жен в гареме экзархия Аарона Милосердного.

Марека же, как ее единственная дочь, унаследовавшая фамилию матери и главенство над аристократическим домом Хонканен, была сестрой теперешнего Великого экзархия, Георгия Справедливого. Так повелось, что имя вождя империи имело скорее ироническое значение, ведь и его отец Милосердный был известен тем, что без суда и дознания велел предать огню на городской площади младенцев из остановившегося в столице цыганского табора многие годы назад, которых простой люд подозревал в отравлении питьевой воды в водохранилище. А теперь и его сын принимал весьма противоречивые решения и носил имя Справедливого шутки ради, не иначе.

— Чертовы анархисты, что с них взять? — пробубнил Марк, и, глядя на недоуменное лицо коллеги, уточнил. — Не ты, а те, что убили врача.

— Люди недовольны, их недовольство можно понять.

— Люди всегда всем недовольны, — парировал он. — Убийство ни в чем не повинного мага никак не оправдывает их недовольство.

— Высокого ты мнения о людях.

— Ты неисправимый идеалист.

— Ты ошибаешься.

Впрочем, в юности Иен был максималистом и идеалистом, но это прошло вкупе с пубертатными прыщами. Мегаполисы империи — это безжалостные паровые джунгли, и если ты хочешь выжить — умеешь вертеться, это он понял сразу, как покинул свою деревню.

Экипаж кое-как вскарабкался на широченный мощный мост над речным каналом, украшенный бронзовыми златокрылыми львами, разинувшими свои клыкастые пасти, то ли в угрожающем рыке, то ли в полусонном зевке. В темно-мутной воде бутылочного тона в копиях солнечных лучей поблескивала русалочья чешуя, над неровной гладью стелилась едва различимая сизая дымка, и поднимался устойчивый запах тухлой рыбы и водорослей. Канал пересекали гондольеры в остроносых лодчонках. Воздух становился чище, и сквозь редящие смоговые тучки отчаянно пробивалось пунцовое заходящее солнце, чем дальше экипаж отъезжал от Заводских кварталов на северо-восток города. Иен открыл форточку и выбросил наружу закоптившийся платок.

Маркус выудил из кармана фляжку с виски и жадно припал губами к горлышку.

— Сейчас наклюкаешься, и проку от тебя не будет, — предупредил Иен.

— Мне так лучше думается, — просипел Маркус в ответ.

— Сдается мне, ты заблуждаешься, мой друг.

— Цыц, мальчишка. Я-то лучше знаю, что для меня лучше, а что хуже, — он спрятал фляжку и добавил: — Яйца кур не учат, слышал о таком?

Экипаж резко затормозил, и чугунные кони испустили пар и раскатистое ржание.

Иен приоткрыл дверцу, высунулся наружу и окликнул возничего.

— Никак не могу, начальник, — прощепетал он. — Там эти, полицаи не пускают.

Иен неслышно выругался и покинул экипаж.

В лицо ему выстрелила вечерняя прохлада, пунцовое солнце практически скрылось за низкими домами, окаймляя пушистые облака малиновым светом. Впереди дорога была перекрыта полицейскими самоходными омнибусами, выкрашенными в иссиня-черный тон с решетчатыми окнами. Навстречу к Иену вышел полицейский, юноша с невыразительной внешностью и рыжеватыми волосами. Полицейская форма на нем представляла ансамбль из угольно-черной гимнастерки с красным кантом, аксельбантом и кивером с имперским гербом — грифоном, изрыгающим три языка пламени.

— Проезд закрыт, уважаемый, — произнес он. — Разворачивайтесь.

Иен вздохнул и вытащил из внутреннего кармана своего темно-серого сюртука жетон из окисленного серебра с выгравированной литерой "С" и показал парню.

— Простите, сэр... — осекся парень и отступил.

Иен запрятал жетон и возвратился к возничему, протягивая тому немного медяков.

Возничий, полугретчанин, поблагодарил его на гаркающем диалекте, Марк и Збынек покинули экипаж, и тогда тройка чугунных лошадей растворилась в малиновых сумерках города под резкий стук копыт и ржание проржавленных глоток.

"Оставь надежду, всяк сюда входящий" — эти слова, в напоминание всем грешникам о Тартаре, оказались выгравированы пред арочным входом на Бульвар розы на кирпичной стене. Несколько полисменов сопровождали троицу через арочный проем, и они вышли к

растянутому посреди улицы желтому медицинскому шатру. Отдернув полог, Иен первым проник внутрь. На смотровых столах находились вздувшиеся тела, накрытые простынями, казавшиеся еще более жутковатыми из-за света зеленоватых газовых рожков.

Иен обходил смотровые столы, когда всех троих окликнули со спины.

Это была полноватая дама в возрасте с неприятным лицом и сальной кожей. Из-под оптических имплантатов из непрозрачного криолитового стекла, делавших ее похожей на ослепшую пророчицу, змеились связки лоз-кабелей, скрывающиеся под парчовую ткань одежды. Ее редкие темные кудри падали из-под белой шапочки и липли к влажному лбу. Кипенная моцетта была накинута на плечи поверх золотистой мантии, окантованной по краям орнаментальной вышивкой по виду заплетенной виноградной лозы. На обвислой груди маг носила магический амулет с красным опалом, инкрустированным в железную основу по виду элегантно загнутых лепестков лилии на толстой цепочке. Ее холеные руки украшали кольца Наивысших полномочий с коралловыми самоцветами.

— Здравия желаю, Гурдун, — лучезарно улыбнулся Иен.

Она лишь насмешливо хмыкнула. Гурдун тиа Кар всегда недолгобливала его, скорее всего за специфику его профессии.

— Вы опоздали, — упрекнула его тиа Кар, одна из Четырех глав Тетраконклава, органа управления, регулирующего деятельность магического сообщества всего города.

— Мы заканчивали с делами за городом, и вернулись только-только.

— Лучше поздно, чем никогда, — заключила она.

Маркус тем временем уже занимался первым трупом, игнорируя их присутствие. Он неторопливо извлек из своего саквояжа врачебные инструменты и проводил собственную экспертную оценку. Гурдун недовольно нахмурилась, но промолчала. Останки мужчины, отдающие запахом бальзамических масел и трупного яда, покрывали чумные бубоны.

— Все началось несколько дней назад, — начала она. — Сначала одно потрошеное тело нашли в канале, на следующую ночь еще одно, так продолжалось до сегодня, когда нашли третью жертву. Полицейские провели опознание, но, тем не менее, никакой связи между убитыми обнаружено не было, кроме того, что все они были завсегдатаями Бульвара розы, как и наибольшая мужская половина города.

Маркус сделал надрез под вздувшимся животом мертвеца, и наружу вывалились его мутно-серые внутренности, похожие на сырые сардельки, от вида которых тетраконклава скривила в гримасе отвращения свое некрасивое лицо. Она, по всей вероятности, не часто покидала стены своего кабинета для полевой работы, это забавное наблюдение заставило Иена ехидно улыбнуться.

Шатер наполнился сладковатым запахом разложения.

— Давайте-ка, я угадаю, — сказал Иен. — Каждый из трех убитых был особым образом заклеямен и обескровлен? В противном случае Тетраконклав не обратил внимания на эти убийства. Это Бульвар. Здесь ведь каждый день находят десятки жмуриков, а еще больше вылавливают в речных каналах по всему городу.

— Как всегда вы правы, Маршак, — сказала она желчно.

— Далее последовала вспышка эпидемии бубонной чумы, — он поднял на нее взгляд карих глаз.

— И, как вы понимаете, чума имеет магическую природу, — усмехнулась она недобро. — Пчеловоды затребовали полицию, забили тревогу. Все проезды перекрыты, район взят под принудительный карантин.

— Что еще вы можете нам сообщить?

— Вот эти господа, — показала она на тела под покрывалами. — Они были вынесены из карантинной зоны с час назад, в основном высокопоставленные персоны. Узнаете?

— Карделиус Китч, прокуратор полиции, Демос Брекберри, он незаконнорожденный племянник генерал-губернатора и... — он запнулся на последнем трупе.

Маркус прочистил горло:

— Берри МакМерфин, он главный архивариус городского управления, его назначили пару недель назад. Читай газеты, "Правдоруб", к примеру, там была его фотография.

— Я эту макулатуру, лизоблюдствующую властям, не читаю, ты же знаешь.

— Они умерли, стоило нам вынести их из карантина, — кашлянула тетраконклавка и продолжила: — Мы приняли единственно верное решение, установить медицинский шатер на очерченной границе карантинной зоны, для того чтобы иметь возможность обследовать пострадавших живьем. Но пока наши исследования не дали никаких результатов.

Маркус завершил свою аутопсию, стянул одноразовые резиновые перчатки и бросил их на край стола. Збынек возбужденно завилял хвостом и заскулил, ютясь в его ногах.

— Пожалуй, нам следует осмотреться, — улыбнулся Иен.

Вся троица вышла на Бульвар розы в сопровождении рыжего полисмена, Мартина.

Гурдун настаивала на его присутствии, но полисмен, в отличие от Иена или Марка, не обладал иммунитетом к магии магов, а значит, рисковал подхватить колдовскую чуму. Истребление несанкционированных магов, борьба с явлениями ведьмовского характера и различными колдунствами — работенка для ауто-да-фера, охотника на нелегализованных магов на службе империи, но не для кого-то еще.

Новая эра всего архского континента ознаменовалась сокрушительной победой отцов-основателей церкви Святой Марианны в многолетней войне магов против людей, известной как Великая маговская война. Человечеству грозило абсолютное уничтожение в неравной борьбе, тогда бой магам дал духовно-рыцарский орден марианских меченосцев, а последнее поле боя, где окончилась та война, ныне называется Обледенелыми землями, и теперь из-за концентрации магических аномалий там невозможно находиться, и человек там быстро заболевает и умирает, такая она, непостижимая и разрушительная сила магии. С тех пор Марианская церковь обладала безраздельным правом на использование любых противомagических инструментов в охоте на ведьм, обеспечивая тем самым себе огромное политическое влияние. Четыреста же с хвостиком лет спустя Гвидо Завоеватель, барон с небольшим клочком земли на далеком севере Милоск, с помощью рати завербованных им магов низверг архских королей, захватил все обозримые земли континента и объявил себя единоправным правителем новообразованной империи, назвав ее в честь своей маленькой заснеженной родины.

Следующим шагом Гвидо стала организация тайной полиции империи, Секретария, в состав которого были вхожи магоборцы ауто-да-феры, экзорцисты, пчеловоды и прочие хорошие люди. Их целью было установление тотального контроля над всеми структурами жизни граждан империи и устранение потенциальных угроз в лице нелегализованных магов. Первым ауто-да-ферам прививалась невосприимчивость к большинству магических эффектов (но не ко всем, например, иммунитет не спасал от нападений магических духов), и таким образом, для них было недоступно совершенство новой медицины, основанной на практиках врачебной магии. Поэтому ко всем действующим ауто-да-ферам приписывается так называемый апотекарь, специалист в области традиционной медицины.

Таковым аптекарем был Маркус Логан, а Иен первоклассным ауто-да-фером.

Они вчетвером, Иен, Маркус, Збынек и полицейский оказались на центральной аллее Бульвара, ведущей к набережной. За отреставрированными зданьями, где находились справные публичные дома и элитные курьезы, в переплетениях узких улочек, спрятались от Божьего ока дешевенькие бордели для куда менее состоятельных клиентов. Малиновое небо вызревало над рококошущим мегаполисом, в переулках Бульвара розы сновали чумные заболевшие. Немолодая дама с воспалениями, схватила за штанину Иена мертвой хваткой, когда он проходил мимо. Полицейский ударил каблуком сапога по ее подбородку и отшел ногой в сторону.

Збынек любопытно обнюхал хныкающую женщину, чихнул и поплелся дальше.

Запахи кала и мочи насквозь провоняли все вокруг.

Бульвар розы, или, как его называли раньше, Бардак, облюбовали блудные дамочки еще несколько веков назад, когда вдоль набережной имелась стоянка кораблей. Каннескар был построен на левом берегу быстротечной реки Занюшка, прозванной так неприглядно из-за характерного запаха тины и тухлятины. Из-за удобного географического положения и протяженности по реке проходил Занюшский торговый путь. Бардак с распростертыми объятьями принимал всяких гостей, рыболовов и матросов, держащих многодневный путь к южному морскому проливу. Бардак закрыли по указу предыдущего генерал-губернатора из этических соображений богобоязненного Адольфа Кара, а стоянку кораблей перенесли. Спустя годы единственный сын Мареки Хонканен, Леопольд, содействовал возрождению Бардака, души истомленных речных путников и попоек. Идея легализовать проституцию была связана с желанием сына генерал-губернаторши улучшить к матушке расположение разозленного пролетариата.

Главную улицу Бульвара перестроили, вдоль реконструированных зданий высадили изгородь из роз, цветов, красующихся на фамильном гербе Хонканен. Старая архитектура домов терпимости и монетной любви отдавала классическим стилем, духом старой школы замысла доимперских зодчих. Здания орнаментировали пилястры с капителью, гипсовые карнизы и барельефы с изображением женской наготы и половых утех. Наиболее видные бордели для богатых клиентов украшали изваяния богов плодородия языческого пантеона в коротких хитонах с заложенными складками ткани на оголенных плечах. Их кучерявые головы увенчивали оливковые ветви из латуни.

Обычно по вечерам здесь бурлила жизнь: за расписанными витринами плясали юные девушки в вульгарных одеждах, приглашая случайного прохожего заглянуть на огонек, и играли уличные музыканты, а в окнах и на балкончиках, увитых виноградом, выставляли алые фонарики. Сегодня на центральной аллее было запустение по понятным причинам. Когда они вчетвером, наконец, дошли до набережной, солнце окончательно скрылось за горизонтом, освещая последний розоватый лоскут неба огненным заревом.

Среди различного мусора на набережной шумно копошились дюймовые крохоборы, безобидные магические духи-воришки и злостные хулиганы. Иен смежил веки и глубоко вздохнул, втягивая своим сверхчувствительным носом тошнотворный лакричный запах, исходящий от течений магического ветра, и всякие другие запахи окружающего его мира. Вслед за запахами он возносился прямо над крышами домов, он простирал чутье все дальше и дальше, касался сверхчувствительными нюхательными рецепторами кирпичной кладки, исследуя, разнюхивая, точно ищейка или призрачная гончая. Его с ног до головы охватывали запахи индустриального города. Улицы насквозь воняли мочой и животными

испражнениями. Асфальтовые дороги и мостовые отдавали слежавшейся пылью. Речные каналы пахли водорослями, тиной, протухшей водой, радужными топливными пятнами и химикатами, что ежедневно сливают множественные городские мануфактуры в артерии реки, отравляя рыбу, которую продают на торжищах...

Назойливое брэнчание прозрачных крыльев мух перебило его концентрацию, и он выпал из транса. Полицейский уже разжег ручной фонарь, когда напустилась ночь, а из-за кургузых темно-лиловых облачков стеснительно выглядывал серебристый серп ущербной луны. Иен слышал стойкий приторный аромат, тянущийся из близлежащего переуллка, и за коробками и бесформенной грудой мусора, где возились дюймовые человечки, он нашел расчерченный человеческой кровью многоугольник, вписанный в кольцо магических рун-летаний. Сладковато-лакричный аромат тянулся сквозь брешь в мыслимом пространстве и бил ему в нос струей фантомного жара.

— Первый знак... другие должны быть поблизости, — пробормотал он.

— Вода наилучший проводник магии, — пояснил Маркус, глядя на растерянное лицо полицейского. — Маг использует воду подобно резонатору, потому он и рисует магические круги рядом с источником воды. В древности, преследуемые церковью, ведьмы и колдуны свои колдовские штучки проделывали возле рек или под дождем. Сейчас с водопроводом они в любое время могут навести порчу даже в ясный день, но привычка делать это возле воды глубоко въелась в их культуру.

— Как вам удалось отыскать что-то без спектральных очков, да и каких-либо других приспособлений для регистрирования уровня магии? — спросил Мартин, дивясь.

— Я способен учуять все, даже мельчайшие магические кварки, которые составляют магический фон, — сказал Иен. — Это мой врожденный дар. Сверхчувствительное обоняние как у собаки, как говорят.

— Вы Охотничий пес?! — его глаза округлились.

Иена как будто молнией поразило, его лицо перекривило от неприязни. Так называли его коллеги-завистники по цеху.

— Я попрошу, — нахмурился он. — Я не люблю это прозвище.

— Прошу прощенья, — Мартин виновато потупил взгляд.

— Собственно, откуда ты слышал обо мне? — задал он вопрос, смягчившись.

— Мой двоюродный брат рассказывал мне о вас. Он работает в Каерфелле, в Магнум Официум младшим архивариусом, — признался он. — Вы легенда, Маллеус Малефикарум Молот ведьм из плоти и крови, как о вас не слышать?

Магнум Официум это центральный орган исполнительной власти. Великий экзархий состоит во главе, далее следуют его законные представители, самые сливки аристократии, и руководство тайной полиции. Для сколько-то осведомленных людей Охотничий пес был своего рода знаменитостью, слава бежала впереди него, хотя почти никто не представлял, как он выглядит, или как его зовут.

— Что ж, приятно слышать, — солгал он, выслушивая, свалившийся поток лести.

Он резко остановился и принялся.

— Маркус, ты тоже это чувствуешь? — спросил он.

— Пахнет тухлой рыбой, — кивнул аптекарь.

Иен выхватил ручной фонарь у Мартина и перевалился через бетонную перегородку, вглядываясь в неровную речную гладь. Марк пошаркал туфлей мусорную кучу, в ней что-то заливиисто звякнуло, тогда он наклонился, подобрал мутно-зеленую бутылку и швырнул в

реку. За всплеском последовало следующее: из черной глади вырвалось нечто большое, толстобрюхое, поблескивающее перламутрово-белой чешуей и плавниками, похожее на гигантского тюленя или ламантина, оно перевалилось набок и сгнуло в речной бездне, расплескав шлейф брызг.

— Что... что это было такое, черт возьми? — вырвалось у Мартина.

— Русалка, — объяснил Иен.

— Русалка? — переспросил он, будто не поверил своим ушам. — Такая здоровенная?

— Как всем известно, магические духи появляются там, где происходила магия. Чем мощнее магический фон, тем серьезнее его последствия. Бытовая магия, вроде стиральных машин и самоотапливаемых печей не приносит столько вреда, сколько его приносит по-настоящему черная магия, от которой могут появляться довольно крупные и вредоносные духи. Мне стоит сообщить об этой русалке в Секретарий, пускай они направят экзорциста к нам изловить эту рыбу-харю, пока она не съела кого-нибудь.

Ежедневно в гребных винтах кораблей и прогулочных катеров погибают сотни этих неразумных животных. Магия давно стала неотъемлемой частью жизни цивилизованного общества, поэтому появлению магических духов никто не удивляется. Крупная особь, как та, что нашел Иен, может перевернуть небольшое судно, и проглотить взрослого человека с потрохами.

Вскоре они обнаружили в разных переулках поблизости еще круги колдовства.

— Похоже, это фокусирующие ключи? — предположил Маркус.

— Фокусирующие ключи? — переспросил недоумевающий Мартин.

— Специальные магические знаки, вырабатывающие силовое поле, внутри которого действует функциональный круг.

— Где же искать этот... функциональный круг? — спросил полицейский.

— В этом, мой юный друг, и есть вопрос, — хохотнул Маркус и пригубил из фляги.

— Почему бы просто-напросто не смыть их водой... эти силовые знаки?

— Это не так просто, — констатировал он. — Они защищены консервационной магией.

Иен выхватил у Маркуса фляжку, облив последнего с головы до ног дешевым виски, и выплеснул содержимое на рисунок. Жидкость тотчас потекла с круга, не размазав четко вырисованные руны.

— Я, конечно, могу и сам стереть этот знак, — пробормотал Иен, пальцами стерев с пыльной мостовой кровавые письмена. — Иммуитет против магии срывает на ура, и я могу преодолеть консервационный барьер, но неуверен, что найду все имеющиеся знаки. Их тут должно быть за каждым углом, в каждом доме по несколько штук, и, тем не менее, из-за магического шумового фона, я не смогу вынюхать местоположения их всех, запахи сливаются в какофонию и создают в голове кашу. Если мы уничтожим функциональный круг, то заклятье будет нейтрализовано, хоть и не сразу. Функциональный рисунок нельзя укрыть защитными чарами, он постоянно нуждается в дорисовке. Длительное воздействие смазывает линии рун, и потому у мага должен быть бочонок ритуальной крови про запас...

За их спинами послышались шаги, и первым просигнализировал о появлении гостей ошетилившийся пес, разошедшийся раскатистым лаем. С центральной аллеи набережную обступили трое крупногабаритных железнодорожников в оранжевых робах на джинсовых комбинезонах. Блюдо света от фонаря лакало их хмурые лица во вздувшихся бубонах.

— Имперская полиция, — объявил Мартин. — Будьте благоразумны, и тогда никто не пострадает.

Звероподобные железнодорожники подступили ближе.

Мартин сделал предупреждающий выстрел в воздух, но они не отступили, прибавив в шаг.

Первый нападавший в промасленном комбинезоне всего в несколько шагов оказался рядом с Иеном. Мужчина замахнулся своими огромными кулачищами, но Иен отскочил и ударил здоровяка ручным фонарем по голове, посыпали осколки и искры. Здоровяк на это никак не отреагировал и продолжил наступление. Иену оставалось только уклоняться от яростных выпадов кулаками, когда гигант вырвал фонарь из его рук и отбросил в сторону. Прозвучали хлопки выстрелов, запахло порохом, Мартин целил в нападавших громил, но это не помогало. Иен выхватил из кожаной кобуры свой револьвер и всадил противнику золоченую пулю промеж глаз. Железнодорожник тотчас замертво завалился на мостовую, взметая серое облачко строительной пыли. Тем временем, со вторым нападавшим Маркус вступил в рукопашную схватку. Он выбил у противника из рук железный прут и распорол припрятанным в рукаве посеребренным выкидным лезвием тому сонную артерию. Кровь заструилась из открывшейся раны, и амбал пал, как мешок с кирпичами.

Раздался душераздирающий вопль, заставивший Маркуса и Иена обернуться.

Последний здоровила всадил похожие на желтые кукурузники зубы полицейскому в плечо через ткань одежды. Збынек накинулся на него сбоку, но тот сбросил скулящего пса на мощеную дорогу.

Иен, наконец, выстрелил.

— Я в порядке... в порядке, — заверил Мартин, когда Марк подошел к нему осмотреть рану.

— Да, рана несерьезная, — подтвердил Маркус. — Однако следует обработать.

Иен поднял битый фонарь и принялся осматривать тела в свете дрыгающегося огня. Он обратил внимание на множественные дырки от обычных пуль, оставленные Мартином на телах убитых, они приходились на жизненно важные органы. Но ублюдков остановили только золоченые пули из арсенала Иена и выкидное лезвие с посеребренным напылением Маркуса. Это говорило о многом. Всякий, кто профессионально занимался уничтожением магов и магических духов использовал оружие из железных сплавов с переходными металлами медной подгруппы, ведь золото, серебро и, конечно, медь являлись и являются наихудшими проводниками магии. Револьверы, пистолеты, шпаги, мечи и прочие орудия умерщвления, используемые ауто-да-ферами, гравировали противомagическими знаками и позолотой, чтобы магический враг не мог воспользоваться оружием против охотника.

— Этими несчастными управлял маг, и он затаился где-то поблизости. Мы должны уходить, — констатировал Иен.

Маркус заканчивал промывать плечо Мартина перекисью и уточнил у коллеги:

— В чем дело?

— Мы должны вернуться к Гурдун тиа Кар, взять больше сопровождающих. Маг где-то здесь. Я чую его, но никак не могу установить его точное местоположение. Магический фон из-за фокусирующих ключей блокирует мою чувствительность.

Маркус убрал медикаменты в саквояж, защелкнул застёжки и поднялся, пригубил из фляги и дал отпить содержимого Мартину, от чего того перекосило. Они незамедлительно покинули набережную.

Людей, появляющихся в переулках, становилось все больше.

Множества глаз наблюдали за темной аллеей, как муха фасеточными глазами.

Иен чуял сладковато-приторный аромат магического вмешательства, это заставляло его тревожиться. Они молчали, их замогильное молчание нарушало навязчивое жужжание трупных мух, слетевшихся отовсюду на запахи мочи и кала.

Иен обнаружил, что за ними уже простерлась процессия людей, держались они всего в десятке метров от них. В крошечной темноте было трудно различить выражения их лиц, но намерения у них были далеко не дружелюбными, это было явно.

Лохматый пес забормотал, почуяв неладное, и это неладное чуял и Иен не в меньшей степени.

— За нами хвост, — шепнул Маркус. — Что мы будем с ними делать?

— Не останавливаемся, — сообщил он очевидную мысль. — И не провоцируем их. Нам осталось всего два квартала.

Оглушительное жужжание тонуло в барабанной поступи толпы.

Стало непереносимо жарко, воздух был спертый, как перед началом грозы. Горький и липкий пот начал проступать у Иена под одеждой, налипшей на его кожу.

Из ближайшего закоулка к ним навстречу бросился горлопаниющий мужчина.

Полицейский отреагировал рефлекторно, запалив в него бесполезными пулями.

Звуки выстрелов раздались эхом по аллее. Но кричащий муж прекратил наступление только после золоченой пули, и тотчас орда больных устремила в погоню. Они бежали, штормовой гвалт толпы раздавался по всей протяженной аллее. Мартин разряжал обойму револьвера, паля в молоко. Иен забрасывал нарезанные полосками цветные бумажки себе за спину; противомагические знаки, набросанные на них, так называемых *метках*, больше полезны как средство для дезориентации потенциального противника, чтобы охотник мог нанести удар. Наступившие на *метки* преследователи утрачивали установленную связь со своим заклинателем-кукловодом и мертвым грузом падали на мощеную дорогу, из-за чего бежавшие позади них спотыкались.

Впереди показался медицинский шатер и группа полицейских.

— Вон из карантинной зоны! — заорал Иен всем.

Полицейские впереди начали обстрел из ружей, троица бежала, пригнувшись, собака пронеслась впереди всех чернеющей торпедой. Мартин метнулся на охотника и аптекаря с нечеловеческим воплем на четвереньках, как охотящийся зверь.

Это его разом захватила колдовская чума.

Иену пришлось выстрелить в него.

* * *

К полуночи разразилась нешуточная гроза.

Студеная вода обрушилась на город с хищным ревом из иссиня-черных туч. Желто-розовые низкорослые домики Бульвара потемнели от воды. Крупные капли забарабанили точно топот бесчисленных ног по крышам зданий, дорогам и мостовым, поднимая клубы слежавшейся пыли. Удушливые запахи улиц тут же смолкли.

За вспышкой ослепляющего света молнии последовал раскат грома.

Чернильные небеса взорвались насмешливым хохотом.

Иен и Маркус стояли и докуривали сигареты под растянутой плотной парусиной, по которой нещадно колотил дождь. Иен любил иногда закурить, чтобы расслабить нервы и заткнуть тот орзапахов раздражающий его обонятельные рецепторы круглые сутки. Сизый

дым сигарет собирался под парусиной. К газовой лампе, поставленной на стол напротив недвижимого тела рыжеволосого полицейского, липли хлопающие крылышками ночные бабочки и совки. Озябший Збынек жалостливо поскуливал в ногах у Иена. Марк затушил бычок сигареты о дно стеклянной пепельницы и стал надевать одноразовые перчатки.

— Вот здесь, видишь, Иен? Бубонные воспаления... давай осмотрим укус.

Маркус обошел стол по кругу, хмыкнул, попросил подсветить ему. Он поковырялся в ранках пинцетом несколько секунд и извлек изумрудную муху калифориды. Он позвал магов-медсестер, они помогли трепанировать полицейского, тогда им предстало ужасное зрелище: изжеванный мозг полисмена облепляли, будто просыпанные рисовые зернышки, крохотули опарыши, они судорожно расползлись из-за раздражающего их кружка света.

— Никакая это не бубонная чума, как видишь.

Одна маг-медсестра за их спинами разошлась рвотными воплями.

— Видимость болезни для прикрытия, — согласился Иен. — Это некромантия.

Среди бесчисленных запрещенных законом практик в магии одной из самых темных и бесчеловечных считается некромантия, то есть оживление мертвецов. Маги-некроманты в современной науке назывались реаниматорами. Иену вспомнилась старая детская сказка "Почти мертвый король", в которой одна добрая волшебница похитила сердце жестокого короля, взявшая за основу исторические события из доимперской эпохи. В старые времена король-узурпатор, известный под именем Дориан Оскаливший, в одном из захватнических походов вернулся из соседнего государства с возом пленников, и среди них была ведьма по имени Дарла. Она выбралась из острога, пробралась к королю, остановила его сердце, а затем перезапустила его с помощью некромантии и ведра жертвенной крови его дочерей. Дарле удавалось дурачить подданных короля десятилетия, пока обман не был раскрыт, и ее не четвертовали марианские церковники, притом им не было важно, что ее закулисное правление принесло в королевство небывалое процветание.

— Значит все дело в мухах, — подвел итоги Марк. — Через них маг управляет людьми, как кукловод марионетками, действуя на каком-то расстоянии. Когда мы вступили на его территорию, он натянул ниточки и дал команду "фас".

— Мы имеем дело с очень серьезным колдовством. Наш беглец — это повелитель мух высочайшего мастерства.

— Значит, что все заболевшие... ну... — он замялся.

— Как видишь, их уже не спасти. Этот ублюдок заплатит сполна, помяни мое слово.

Возвращаться на Бульвар, пока не прекратится дождь, они не рискнули.

Как-никак вода — наилучший проводник магии. Гурдун поспешила покинуть шатер задолго до их возвращения. Иен, не спавший более суток, решил прикорнуть в гостинице в квартале от оккупированного полицией Бульвара розы, пережидая ненастный ливень.

Маркус предпочел скоротать ночь с кружкой ржаного пива в близлежащем пабе.

Збынек остался с ним.

Комната Иену досталась под чердаком.

Запахи дешевого стирального порошка и накрахмаленных простыней ударяли ему в нос. В комнатухе было немного очень старой мебели. Он приглушил масляную лампу на старомодном туалетном столике, и швырнул горстку медных монет в расписную вазочку, чтобы отпугнуть крохоборов, и они не закусили его во сне, поскольку иммунитет к магии магов не распространяется на них, магических духов. Не раздеваясь, он лег на жалостливо скрипнувший матрас, сваленный на проржавевшую пружинную кровать, и смежил веки.

Во сне ему снова причудилась *она*. Она, босоногая, в безразмерном атласном платье цвета материнского молока, брела сквозь маковое поле, точно одинокий парусник в море. Осиную талию перетягивал шнурованный корсет, полог платья колыхался, подхваченный легким эфиром. Золотистые кудри, с вплетенными в них васильками, падали на оголенные плечи. Пунцовое заходящее солнце окаймляло ее полыхающим ореолом. Рдяные маковые головки вспыхивали на солнце, точно мириады самоцветов.

В прозрачном воздухе стоял маковый дурман.

— Анна! — закричал Иен ей в след.

Она обернулась, из-за бьющего света за ее спиной лица не было видно.

— Иен, — она произнесла его имя. — Иен, проснись.

Земля под его ногами разверзлась, и он провалился в пучину.

Его сердце бешено колотилось, под одеждой проступил холодный пот. В ушах стоял церковный колокольный звон. На него нахлынули воспоминания.

— Анна, — произнес он одними губами, и подметил, что тянет руку к потолку.

Он выудил пальцами из кармана свалявшегося сюртука карманные часы.

Четыре часа утра.

За окном просветлело пасмурное небо, ливень, наконец-то, прекратился.

Иен встал, разгладил свою одежду, и присмотрелся к себе в отражении треснувшего пополам зеркала в раме на туалетном столике. Худощавое лицо вкупе с оливковой кожей делали его похожим на ожившего мертвеца, глаза карие с серым ободком, волосы всегда взлохмачены изжелта-бледного цвета охры. Сейчас он был одет в серый сюртук из легкой шерстиной ткани, в рубашку сливочного цвета, в темные брюки и в сиреневый шелковый платок, завязанный на шее. Многие шутили, что этот платок дамский, но это не заботило его.

Иен забрал медяки в свой кошелек и незамедлительно покинул гостиницу. Он вышел на прохладную улицу, где отдавало озоном после грозы. Грозовой сезон — первый месяц лета, и из-за ливней Иен мог чувствовать себя не в своей тарелке, когда вода прибывает к земле все запахи мира, делая его дар бесполезным. Хоть он любил иногда покурить, чтобы отдохнуть от бесконечных запахов, вечно окружающих его, но ровно так же, как другие люди любят иногда побыть в тишине или дать отдохнуть глазам в темноте.

Маркуса он встретил на подходе к Бульвару розы.

Он был в стельку.

— Все в абажуре, мой юный друг... — прошептал Маркус и тут же свалился на землю.

Полицейские собрались по первому требованию Иена, и начали подготавливаться к зачистке. Первым делом, Иен взбрызнул всю их амуницию эфирным маслом из саквояжа аптекаря, для того, для того чтобы от их боеприпасов был хотя бы какой-то прок против рати реаниматора. Масло использовали экзорцисты в борьбе против опасных магических духов, оно могло подойти против миньонов реаниматора. Следовало перебить магическую фокусировку и создать в силовом поле пустотный шум, поэтому Иен принялся очерчивать мелом на стенах зданий вдоль Бульвара противомagические знаки, на это у него ушло чуть больше часа.

Еще минут двадцать подготовки, и Иен с полицейским конвоем вышел на Бульвар. Збынек шагал возле него как бравый солдатик.

Их первоочередной задачей было уничтожение зомби, вслед за тем Иен планировал отыскать реаниматора и лично отправить его в морозные пустыни Тартара, где его ожидал с

распростертыми объятьями сам Лучафэр, Родитель лжи.

Ватага воскрешенных мертвецов обрушилась на отряд Иена как цунами.

Началась стрельба, и воздух наполнился густыми запахами пороха и жженой плоти. Чумные больные начали заметно подгнивать, поврежденные гниением ткани ухудшали их увертливость. Даже повелитель мух высочайшего уровня силы не может регенерировать такое значительное количество живых мертвецов непрерывно. Он заваливал полицейских тухлым мясом, уповая на превосходящее число своих миньонов. Трупные мухи жужжали, упорно лезли в глаза и уши, стараясь отвлечь полицейских от стрельбы. Иен разбрасывал *метки*, и мертвецы падали, как мешки с кирпичами. Збынек разрывал живую мертвечину, вгрызаясь в червивую плоть и, хоть остановить наступление зомби он не мог, он силился защитить полицейских с тыла.

На них бросались железнодорожники в оранжевых робах, студенты в шитых на заказ костюмчиках, благородные господа, матерые матросы, ухоженные шлюхи из справных публичных домов и дешевые портовые девки, и их сутенеры. Полицейские простреливали им головы и отстреливали конечности, но ожившие мертвецы набрасывались с неистовым ревом, не зная усталости, боли и страха. Магический фон начал постепенно расслаиваться, отряд, занимающийся зачисткой, уничтожил значительную часть рати реаниматора.

Сладко-приторный аромат магии, смешенный со старческим духом, тошнотворными запахами пота и человеческой крови простерлись над улицами Бульвара розы. Иен почуял протухлую душу мага, неповторимый букет его свершений и жизненных решений.

Маг ослабел.

Маг был до смерти напуган.

Иен окликнул двух полисменов, и приказал им проследовать за ним, а Збынек бежал за ними. Они выдвинулись в сторону злополучной гостиницы, где реаниматор прятался на втором этаже, попутно отбиваясь от наступающей биомассы. Входная дверь гостиницы была завалена изнутри баррикадой из мебели, на окнах решетки, поэтому они поспешили выломать дверь в соседнем доме и по служебной лестнице взобраться на плоскую крышу, откуда соскочили на балкон гостиничного номера. Иен чуял мага через стены, взвел курок на револьвере и метнулся в соседний номер.

Охотничий пес настиг свою трепыхающуюся добычу.

Маг-некромант растерялся, когда в номер ворвались полицейские и охотник, сорвав дверь с петель. Выражение глубочайшего удивления застыло на стариковском лице, после чего маг бросился наутек. Полицейские шагнули ему навстречу, целя из ружей, когда он выкрикнул заклинание и миллионы зеленобрюхих мух напустились на полисменов живой стеной и маленькими тельцами забарабанили их, точно дробинки от выстрела дробовика. Их пригвоздило к стене, оба выронили из охладевших рук ружья и сползли, оставляя за собой на безвкусных обоях в цветочек бурый шлейф, на налившийся кровью пол.

Нуллифицирующая аура ауто-да-фера нейтрализовала атаку, Иен стоял ровно на том же месте, как будто ничего и не произошло. Он прицелился сквозь скоп безумствующих насекомых, выстрелил и попал точно в цель. Некромант взвизгнул от резанувшей его боли и переваливался из окна, разбив стекло. Иен выглянул из-за опустелой оконной рамы. Маг проковылял с прострелянной лодыжкой за близлежащий узенький проулок.

— Теперь не уйдет, дружище, — сказал он Збынеку.

Они вдвоем неторопливо шли по проулкам, ориентируясь на кровавый след босых ног, вскоре они повстречались с магом лицом к лицу. Подстреленный в лодыжку старик в

мешковатом монашеском балахоне на голое тело быстро-быстро семенил конечностями, в горьких попытках отползти от обидчика, но упирался в стену. Золоченая пуля полностью блокировала его способности к пассивной магической регенерации. Золото способно при долговременном контакте убить мага без попадания в жизненно важные органы. Но Иен не собирался ждать, им завладевала тупая жажда уничтожить мага, как лейкоцит жаждет побороть чужеродного захватчика в теле.

Поразмыслив над тем, насколько тщетно, допрашивать магов-ренегатов на пороге их смерти, он произнес, обращаясь к псу:

— Кушать подано, — это было их кодовое слово.

Черный пес обнажил свои клыки, подступая к жавшемуся в калачик старичку. В нос Иену саданул сладковато-гнилостный аромат лакрицы. Он осторожно переглянулся через плечо, убедиться, что за ними никто не наблюдает. Когда он повернулся к псу обратно, чудовищная трансформация была завершена. Пес значительно увеличился в размерах, из-под его дегтярной шкуры протянулись голые желтоватые кости, похожие на вывернутые ребра, и пугающие костяные трубки, выплевывающие в воздух розоватый пар. Иен закрыл глаза, чтобы не видеть, что будет происходить с магом.

Когда отвратительное пиршество лжепса закончилось, Иен разомкнул веки.

Збынек, лохматый пес с ушами торчком весело лаял на сгорбившегося бездыханного мага.

Маг казался нетронутым, будто умер от золоченой пули.

Однако кое-что поменялось, то, что не будет замечено никем, кроме Иена.

Некромант утратил свой неповторимый запах.

Запах его прогнившей насквозь души.

* * *

В полдень того же дня, Иен с протрезвевшим Марком отобедали в кафе "Счастливая подкова" в Речном порту. Из пышущей жаром кухни до Иена доносились дивные запахи мяса с чесночком, топленого бараньего жира, заокеанских приправ, свежее испеченного лукового хлеба, муки, всяких масел. Он протягивал свое сверхчувствительное обоняние все дальше, улавливая запахи рыбы с причала, свежескошенной травы в яблонево́м саду на другом конце города и бесконечное множество других запахов.

Для Маркуса он заказал крепкого кофе.

— Так что, все кончено? — спросил аптекарь.

— После гибели мага некому было поддерживать функциональный круг, и эпидемия рассосалась сама собой спустя час, — подтвердил он. — Кстати, обнаружили выжившие, что несказанно меня радует. Они все попрятались за импровизированными баррикадами в окраинных домах, и сутки боялись высунуться, и это спасло их от участия в вечеринке.

— Значит, оживленные мертвецы пали, — Марк отпил кофе без сахара и зажмурился.

— Маги-криминалисты обследовали Бульвар розы вдоль и поперек. Функциональный круг нашли на мансарде той же гостиницы, где он прятался, еще запрещенные фолианты и шифрограммы, их проверят дешифровщики.

— Что с магическим амулетом мага?

— По данным всеимперского маговского реестра, этот амулет принадлежал Тобсену Хенсену, санкционированному магу из Орлика, шахтерского городка далеко на северной

границе Арисской провинции. Он лечил шахтеров, официально два года назад пропал без вести.

— М-да... — промычал он, — Бессмыслица какая-то. Что заставило законопослушного мага вдруг сбежать и совершить столь отвратительное деяние?

По чистому синему небу позли пузатые цеппелины, бросая сизый топливный шлейф в прозрачный воздух. На таком расстоянии они казались крохотными жуками. В живой изгороди из кустов лапчатки жужжали осы и порхали бабочки. Ярко-желтое полуденное солнце ложилось на Каннескарские улицы золотистыми лучами, разбрасывая коротенькие тени.

— Это нам еще предстоит выяснить, — ответил Иен.

Глава вторая

Было уже почти девять вечера, когда людные улицы Приюта наполнил колокольный звон, доносящийся из замшелой капеллы. Капелла представляла собой зданьице-четверик из белого камня с башней колокольной. Над ступенчатым арочным порталом с деревянной двустворчатой дверью зияли стрельчатые глазницы витражей, составленных из кусочков разноцветного стекла в абстрактный мозаичный узор. На пороге этой капеллы собрались немногочисленные прихожане, их встречал обрюзгший капеллан в подряснике с кулоном окрыленного ключика на его разжиревшей шее. На грохочущей как улей рассерженных ос улице кричали клирики, зазывая детей-беспризорников для раздачи бесплатной еды.

На город неумолимо напускались малиновые сумерки. Фонарщики разожгли фонари на сгорбленных столбах покрывшихся налетом красноватой ржавчины, их блеклый свет хлестал грязноватые стены и шиферные крыши. Из ослепительно-черных дыр дымоходов, устремленных краснокирпичными дулами в набрякшее сливками кургузых облаков небо, тянули башенки черно-угольного чада.

Проезжие части накрывал сизый выхлопной туман.

Курносая беременная девчушка с волосами цвета соломы и крапинками веснушек на красивом личике шла по улице вдоль оживленной дороги. На ней была надета простецкая коричневатая юбка с рюшками и безразмерная шляпка с искусственными подсолнушками. В руках она держала перевязанную лентами веточку белоснежной сирени.

Ее лицо сияло от счастья, словно начищенный пятак.

Проходя мимо рабочих, в пропахших насквозь трудовым потом и каленым железом комбинефонах, мамаш с орущими младенцами на руках, просящих милостыню, цыганят и полукровок, она лучезарно улыбалась всем им. Не все отвечали ей улыбкой на улыбку, но ей было все равно. Она была счастлива, и просто намеревалась поделиться этим счастьем с окружающим ее неприветливым миром, где всегда не хватало простого человеческого тепла. Она вышла на высаженную цветущим тополем авеню. Надоедливый тополиный пух, напоминающий снежные хлопья летел в лицо, схваченный ветром. Озорная детвора все норовила поджечь тополиный пух, свалившийся на тротуаре.

Миновав авеню, она вышла вдоль железнодорожных путей и остановилась напротив накренившегося вправо дома на четыре этажа. На входе с таблички из светло-золотистой латуни читалось название: "Кротовья нора", паршивая гостиница на границе Приюта.

Она вошла внутрь, дала жалкую горстку медных монет угрюмому управляющему, и стала неспешно подниматься по крутой бетонной лестнице в свою убогую комнатенку под самой крышей. Поднявшись на лестничную площадку, прилегающую к ее комнате, где не горели рожки, она начала искать замок от двери на ощупь. Здесь на лестничной площадке ее обдало сквозняком из раскрытого для проветривания окна, отчего девушка заиндевела. Через картонные стены она прислушивалась к возне постояльцев. Доносился недовольный младенческий плач, супружеские ссоры и пьяный ор чьего-то мужа-алкаша. Затрепетали озорно стекла в оконных рамах, и с потолка посыпала штукатурка, когда мимо гостиницы пронесся девятичасовой пассажирский поезд.

Наконец, ей удалось всунуть ключ в замочную скважину и повернуть его по часовой стрелке дважды, прежде замок щелкнул, и дверь приоткрылась. К сожалению, девушка не заметила затаившегося на лестничной площадке в махровой темноте таинственного *его*.

Он бесшумно приблизился к ней и одним расчетливым хладнокровным движением палача вспорол молочно-белую шею.

Немой вопль застыл на розовато-алых губах, белоснежную сирень оросили кровавые брызги, и они рассыпались по кафельному полу, ударяясь гроздьями цветков.

* * *

Для Эрнста Лоренсена, сорокалетнего детектива-инспектора полиции существовало две самые нелюбимые вещи: это остывший кофе и колдовские штучки. Поэтому сегодня его настроение было хуже некуда, поскольку нерадивый ассистент Бинкли Оувен принес начальнику самый холодный кофе на его памяти, и с вечера предыдущего дня произошло зверское убийство, и беглое обследование места преступления заставило полагать, в деле не обошлось без злой магии. Тело обнаружили ранним утром, когда жена управляющего собирала простыни для стирки. Девушка была основательно выпотрошена, штукатуреная стена над ее бритой головой была изрисована углем пиктограммой в виде восьмиконечной звезды с незнакомыми детективу-инспектору знаками по лучам.

Эрнст вытер со лба пол носовым платком.

— Бинкли, — обратился он к ассистенту. — Немедленно пошли за Охотничьим псом...

* * *

Иена разбудил гудок шифровальной машинки подсоединенной к телеграфу.

Он разомкнул слипшиеся веки и сфокусировал зрение. В комнате было темно, лишь сквозь задернутые шторы сочилась куцая полоска солнечного света, в котором танцевали пылинки. Он встал и отдернул шторы, пуская в комнату больше утра. Гостиничный номер "Проходного двора", в котором он обустроил штаб-квартиру, был обставлен не новой, но качественной мебелью: две одноместные кровати на резных деревянных ножках по форме бараньих голов, шифровальная машинка и телеграф громоздились на крохотном столике, а по полу змеились провода. У самого изголовья кроватей были вбиты настенные газовые лампы с матовым розоватым стеклом, похожим на клубничный лед каким почуют детей на праздниках. На поставленной косо в углу комнаты обшитой пестрым гобеленом тахте лежал ворох одежды уже отдающей душком.

Маркус, укутавшись в простыни, спал без задних ног.

Збынек подремывал возле его кровати на плетеной собачьей лежанке.

— Марк, вставай. До торжества летнего солнцестояния неделя, а ты уже беспробудно пьянствуешь за казенный счет. Похмелье не спасет тебя от работы.

Иен выдернул из шифровальной машинки телеграмму и торопливо прочел.

— Просыпайся, алкаш, есть дело, не требующее отлагательств.

— Оставь меня, старушка, я в печали... — промямлил он в ответ.

Нелегко быть единственным ауто-да-фером в округе, мыслилось Иену каждое утро.

Иен оделся и спустился в харчевню, приюхиваясь к приятным запахам с кухни.

— Здорово, — улыбнулся ему содержатель гостиницы Арни.

Иен корректно ответил ему сдержанной улыбкой.

Арни был славным малым, хоть и краснолюдкой. По большей части у краснолюдков

скверный характер: тестостерон в них бьет ключом и низкорослость им не помеха. Арни отличался от собратьев тем, что был спокойным, коммуникабельным и располагающим к себе, иначе бы он не построил собственный бизнес, пусть и в не самом благополучном районе, а уж получить в постоянные клиенты работников тайной полиции экзархия — это не каждому дано, за их проживание щедро расплачивалось государство.

Так или иначе, Иену растолкать Маркуса не удалось, потому он отправился на дело в гордом одиночестве, не считая Збынека. В Гадюшнике царило оживление. Иен при первой возможности поймал извозчика, в коляску была запряжена напоминавшая взрослую мою механизированная птица. Магией запечатанная в тюрьму плоти и металла душа приводила богопротивное устройство в движение. Дурно пахнущее разлагающееся мясо животного крыли чугунные латы сегментированного панциря, пустые глазницы горели огнем.

Сегодня такие переделанные в транспорт скотины были пережитком прошлого, и с наступлением индустриальной эпохи на замену им пришли несвоенравные и относительно безопасные паровые самоходки, работающие на термальных печатях и магической пыли. Иен добрался до места в считанные полчаса, у него было приятное настроение, пока...

— Боже мой...

Утро выдалось по-настоящему жарким, и не из-за температуры воздуха, хотя солнце шпарило, будь здоров. Она лежала в неестественной позе, точно переломанная брошенная кукла, совершенно нагая в луже собственной червленной крови. В ответ на нелицеприятное зрелище у Иена запротестовал желудок, норовя показать всем криминалистам, что он съел на завтрак. Иен вовсе не был впечатлителен, но невыносимый запах отбойным молотком бил прямо в его сверхчувствительные ноздри.

— Маршак, я жду объяснений, — потребовал детектив-инспектор.

Иен кивнул и взялся изучать пиктограмму, закрывая платком чувствительный нос от зловонного трупа. На первый взгляд он не увидел ничего примечательного, и более того, оставленный убийцей знак не имел смысла. Иен знал множество запрещенных магических знаков, но этот не сопоставлялся, ни с одной из известных ему.

— Если бы они у меня были, детектив, объяснения, — произнес Иен.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я понятия не имею, что здесь произошло, — признался он. — Я не чувствую следов магии, уж поверьте моему нюху.

Правда, тут так тошнотворно воняло!

Вполне вероятно, паршивая вонь просто делала его нюх бесполезным.

Эрнст Лоренсен, детектив-инспектор Каннескарской полиции был человеком весьма вспыльчивым и недоверчивым. Это был приземистый лысеющий мужчина с пшеничными усами над губой в форме лошадиной подковы. У него были карие проникновенные глаза, очерченные золотистой коронкой вокруг зрачка. Он всегда одевался в клетчатый пиджак поверх жилетки цвета хаки. Как профессионала Иен целил его достаточно высоко. Он раскрыл множество, казалось бы, тупиковых дел, при всем при этом в вопросах магии, он был абсолютным профаном.

— В первую очередь, вам надо обратить свое внимание на то, что знак нарисован не кровью, а углем, — решил объяснить он.

— Какая к Лучафэру разница?

— Разница в том, что уголь не используется магами для магических ритуалов, только жертвенная кровь животных или людей. А еще эта странная пиктограмма не соотносится ни

с одной из известных мне магических знаков, если это не какая-нибудь малоизвестная магия или новая разработка. Как, к слову, злоумышленник пробрался сюда?

— Он проник по пожарной лестнице через открытое окно, — покрывив лицом, ответил детектив-инспектор. Его окликнул полицейский маг-эскулап, возившийся с телом, с того момента, как Иен оказался на лестничной площадке.

— Она была беременна, — сообщил юноша.

— Что? — переспросил детектив, вытирая пот со лба.

— Беременна, сэр, — повторил полицейский маг.

Лоренсен и Иен вытаращились на поджаристого девятнадцатилетнего парнишку с темными стриженными волосами, только маленький завязанный бантом хвостик торчком висел у него сзади. На маге была стандартизированная полицейская форма, поверх через плечо переброшена желтоватая лента из парчовой ткани на булавке — элемент одежды для полицейских магов взамен общепринятой мантии. Его концентрирующей магию амулет с красноватым опалом свисал с длинной шеи.

Он снял перепачканные медицинские перчатки.

— Тогда где же ребенок? — спросил Иен.

— Не имею представления, сэр, — маг развел руками.

— Конечно! Культисты, это же очевидно, как я сразу не додумался?

За последние несколько лет среди малообразованных людей появлялось все больше помешанных на околочеловеческих суевериях. Цивилизованным пресвященным обществом они опровергались как лженаучные, но необразованный люд из пролетариев и босяки из полулюдей верили в эти байки, пили грольскую мочу или ели фекалии животных, когда планеты выстраивались в определенном порядке. В самом худшем случае, они занимались кровавыми ритуалами, жертвами которых частенько становились дети.

— В таком случае, это не в моей компетенции, — заявил он. — Сектанты есть проблема полиции, никак не ауто-да-феров. Жертвоприношения заокеанским языческим божествам, и всякая фетишизация не имеет ничего общего с настоящей магией. Всего хорошего.

— Что? — встрепенулся детектив-инспектор. — Вы не можете так просто уйти!

— Однако именно так и собираюсь сделать, детектив — запротестовал Иен, желая как можно скорее покинуть провонявшее помещение. — Взять и просто уйти.

— Простите, ауто-да-фер, сэр, — отозвался юноша маг, протягивая Иену в руку что-то маленькое, что только что обнаружил в молочных пальцах мертвячки.

Он дал ему крохотную брошку, сделанную в форме жука-скарабея из зачарованного небесного металла (упавшего метеорита), маслянисто-баклажанового тона с красноватым алчным отблеском. Жук отдавал дьявольским жаром, Иен почувствовал это через ладонь. А кроме того он ощутил резкий мерзостный гнилостный запах, ударивший ему в лицо. От непереносимого зловония у него навернулись слезы, и чуть было не вырвало. Он выронил брошь, та звонко поскакала по кафельному полу, тем временем Иен бросился к открытому окну и перевалился через оконную раму, хватая ртом драгоценный воздух, точно бы рыба, вытащенная из воды.

— Маршак? — закричал ему в спину детектив. — Маршак, что с вами?

— Уберите... уберите это... — прохрипел он, с трудом сдерживая рвотные массы.

Маг подобрал брошь и завернул ее в плотную парчовую ткань, тогда тошнотворный запах пропал, и Иен снова мог дышать.

— Что с вами происходит, что это такое, черт возьми? — спросил детектив и кивнул на

сверток в руках мага.

— Предмет ювелирного мастерства альвейг, заколдованный талисман, выкованный из осколка падающей звезды.

— Вы же сказали, что не почуяли здесь признаков магии.

— В том-то дело, — начал объяснять он, когда начал мало-помалу приходить в себя. — Признаками человеческого волшебства здесь и не пахнет. Это альвейгские чары, магия иной эволюционной линии.

— Объясните, что это значит! — глаза детектива-инспектора поползли на лоб, но тут вмешался маг:

— Невозможно дать полный ответ на ваш вопрос, детектив, не углубившись в тернии академической магии. Все в мире начинается с *Миротечения*, это такая фундаментальная сила, составляющая материальную вселенную, что течет через истончения в пространстве реальности. Максимальное сосредоточение этой силы в точках соприкосновения нашего и нематериального миров составляет зоны магических отклонений, или аномалий. Многие исследователи магии считают, что именно мощнейший всплеск магических отклонений в свое время создал жизнь, это зовут *Животворством*. Марианская церковь приписывает акт творения демиургу Первоотцу, и так этот термин перекочевал из религии в научную среду, хоть это не совсем правильно. На Южном материке смертельный для человека фон магических отклонений, что даже маги вскоре серьезно заболевают, стоит им появиться на материке, вследствие чего его практически невозможно изучать, и остается полагаться только на рассказы местных народов и фотокарточки. Нелюдские народы, Иные, живущие на материке, адаптировались к отклонениям, потому они так не похожи на нас, людей. Их такая отличная от нашей эволюция проистекала под влиянием губительных сил. Сами же Иные, конечно же, считают себя выходцами из разных миров, некогда столкнувшихся в небесном катаклизме, и на останках их старых миров возник всеединый мир, но маги уже и так доказали, что они лишь злая шутка природы.

Иен невольно вспомнил о левиафанах и кракенах, обитающих по мировому океану, из-за которых долгое время люди с Арха не могли добраться до Южного материка и куда-то еще. Эти реликтовые магические духи первыми появились на планете с Животворства и терроризировали первых мореплавателей людей. Когда маги создали первый воздушный транспорт, человечество в первый раз пересекло весь мировой океан и повстречалось со своими альтернативными собратьями.

Их быстро научили новоархскому языку и наладили торговые отношения.

— Великолепная подготовка... как вас? — заметил охотник.

— Ульрих, — вальяжно поклонился маг. — Спасибо за лестную оценку.

— В материальной вселенной миротечение оставляет материализованный отпечаток в виде мельчайших магических кварков, которые я могу схватывать своим удивительным нюхом, — продолжил мысль Иен, не забыв похвастать своими уникальными качествами и осведомленностью в некоторых аспектах академической магии. — Маги способны одной силой разума управлять течениями магических кварков, оставляя характерный отпечаток запаха. Человеческая магия имеет один и тот же запах каждый раз, сладковато-лакричный, потому мне ее легко отследить. *Иная* магия для моей человеческой природы слишком чужда и потому... мне невыносимо ее обонять.

— Все это весьма познавательно, но что из этого следует? — недовольно пробрюзжал детектив-инспектор.

Иен призадумался.

Ответ был очевиден, хоть Иен вовсе не хотелось его давать, признавая свою ошибку. Всеведущая интуиция детектива его не обманула, и в деле не обошлось без магии. Из всех иных рас именно альвейги, мастера тончайшего ювелирного ремесла и артефактов, магией не уступают по силе человеческой. Не в тех руках их артефакты способны учинить бездну проблем. Но Иен подозревал, что здесь все не просто, и, обдумав все еще раз, он ответил:

— Я в деле, товарищи.

* * *

Стоял жаркий летний полдень.

Когда Иен с детективом-инспектором вышли из казенного самохода на паровой тяге, они попали на протяженную улицу, построенную вдоль речного канала рядом старинных фахверковых домов с терракотово-мандариновой черепицей. Верхние этажи скрывались за листвой разветвившихся смоковниц. Над скрытыми выхлопным маревом переулками, извилистыми лабиринтами улочек, прилегающих к узким речным канальцам и скверами, беспорядочно носились чайки, гогоча что-то на своем чаячьем языке. В канале плескались русалки, и гондольеры гнали их прочь со своего пути веслами, выкрикивая нецензурную брань. На западную, так называемую, человечью, половину города Иным и полукровкам была заказана, потому тесные улочки Старого квартала, расположенного на юго-западной стороне мегаполиса были относительно неоживленны и пусты. Люди зло реагировали на нелюдей, и частенько доходило до кровавых побоев среди бела дня, в которые никогда не лезли органы правопорядка, поэтому Иные и дети-метисы предпочитали держаться своей половины и не пересекать условные границы.

— Похоже, здесь, — произнес детектив-инспектор. — Цирюльников тупик, дом триста шесть.

— У погибшей есть родственники? — полюбопытствовал Иен.

— Перед нашим выездом я просил своего помощника Бинкли получить личные дела потерпевшей и ее живых родственников из городского реестра. Она жила с папашей еще с полгода назад, когда в последний раз проводилась перепись.

— Как же удалось установить, кем она была? — осведомился Иен. — Неужели ее кто-то смог-таки опознать?

— Нет-нет, — он отрицательно замотал головой. — В гостинице она остановилась под не своим именем, назвавшись Люси Эванс. Но полисмены провели осмотр личных вещей погибшей, и нашли это, — он вытащил из кармана книжонку в грязно-зеленом переплете и оттесненным на обложке имперским грифоном. — Удостоверение личности покойной, и ее звали Мэри Чепмен, а не Люси. Она снимала мансарду последние три месяца и исправно платила, была тиха и предельно вежлива.

— У нее были посетители?

— Да, некая подозрительная рыжеволосая чернокожая особа, — он вытер вступивший пот со лба. — Так ее описали управляющий и супруга.

Они вошли в дом, где их встретил завхоз и проводил на третий этаж.

— Открывайте, это полиция, — забарабанил детектив в деревянную дверь квартиры с облупившейся голубой краской.

Спустя целую вечность дверь им открыл пожилой мужчина с истощенным лицом и

потерянным затуманенным взглядом.

— Мистер Чепмен, — обратился детектив, когда их, наконец, пропустили в квартиру, и он уведомил Чепмена Томаса о смерти его дочери, опустив нелицеприятные подробности. — Как давно вы ее видели в последний раз?

Отец почившей, древняя мумия, был безутешен.

Воспаленные красные глаза его были полны слез, горячие капли скатывались по его впалым щекам. Этот старикан с дочерна обгорелыми и перевязанными марлевым бинтом руками не мог удержать и чашку с успокаивающим чаем. По необъяснимой причине Иен не испытывал к жалостливому старцу сострадания, только черствую брезгливость.

— Мистер Чепмен, — нажал инспектор.

— Несколько месяцев назад... — пробормотал он скрипучим как несмазанная тележка голосом.

— Мистер Чепмен, точнее.

— Я... четыре... нет, три месяца.

— Вы знали, где она жила? — он отрицательно закивал. — Расскажите, что случилось в день перед ее уходом, вы поссорились?

— Накануне мы рассорились с ней, да, верно... В последнее время она... беспрестанно якшалась с потаскухой рыжей. Я не знаю, кто она такая, правда. Мэри... очень изменилась, вела себя ненормально, понимаете? Мы ведь очень-очень отделились, она стала скрытной, стала недоговаривать и пропадать черт знает где, а раньше жили, душа в душу... эвоно как вышло-то... моя доченька...

Иен расхаживал в сторонке и вынюхивал признаки магии, воздух в квартире был спертый, несло канализацией, но никак не невообразимым смрадом альвейгской ворожбы. Квартира напоминала не жилище человека, а плесневелую пещеру гролля, здорового нечистоплотного людоеда из северных гор. Всевозможный сор был случайно рассыпан по грязному полу, жалостливо скулила под ногами трухлявая древесина, норовя прогнуться под весом Иена, что ему стало страшновато здесь находиться.

— Через окно по простыням спустилась ночью, вещей никаких не забрала...

— Расскажите, какая она была, ваша дочь, — попросил детектив.

На мгновение он замолчал и уставился в какую-то точку на полу.

— Она была добросердечной, добропорядочной и по-ребячески глупой...

— В каком это смысле, позвольте спросить?

— Она была непомерно доверчива и не в меру любопытна как та любопытная кошка... ну, как в поговорке... простите. Она была похожа на свою маменьку. Эмили умерла спустя только год после рождения доченьки, представляете, как мне было нелегко?! Последние девятнадцать лет мы жили с доченькой одни. Все было нормально, хотя воспитывать дочь было нелегко, вы же понимаете...

— Ясно, — заключил инспектор, и уточнил: — Вы знали, что она была беременна?

Этот вопрос в лоб застал Томаса врасплох, он выронил чашку из дрожащих пальцев, разбив ее в дребезги. Прозрачная зеленоватая жидкость чая расплескалась по полу. Сразу после Иен и Эрнст незамедлительно покинули дом. Солнце безжалостно пекло, Лоренсен предложил им прогуляться до ближайшего паба, где в рабочий полдень должно быть мало посетителей, дабы обсудить услышанное, пока полицейские расспрашивают соседей.

— Смотри куда идешь! — плюнул он, столкнувшись с босоногим бродягой, укутанным в балахон с головы до ног.

"Рогоносец", так назывался паб, куда они вошли, он находился всего лишь в одном квартале от места, где они припарковали полицейскую самоходку. Они устроились прямо у окна с малиново-бурыми шторами. Иен осмотрел залу: слабо освещенное керосиновыми рожками помещение было отделано деревом и обставлено грубой, но крепкой деревянной мебелью. Над барной стойкой на посетителей укоризненно глядели головы оленей и лосей с разветвившимися рогами. Толстоватая официантка приняла заказ на пинту медовухи для детектива, Иена же до сих пор подташнивало, и он ничего не заказал.

— Что у нас есть? — спросил Лоренсен у меня, когда они остались наедине.

— Ничего, — честно ответил Иен. — У него дома чисто... ну, образно говоря.

— Значит, никакой магии?

Иен утвердительно кивнул, Эрнст бросил на стол коричневую папку:

— Все это довольно странно, читай, это личное дело папаши.

— "Томас Чепмен (нынешнее имя), Фалкон Берг (имя, данное при рождении), город Марицы (место рождения)..." — прочитал Иен и поднял на Эрнста глаза. — Он сменил имя, ну и что?

— Он служивый, был отстранен за буйный характер и неоправданную жестокость, проявленную во время добровольной службы в составе марицских карательных отрядов. Фалкон Берг был вынужден сменить имя и перебраться в другой город, так он переехал в Каннескар, где и женился на Эмили Липпек, а после ее смерти остался воспитывать дочь в одиночку. До совсем недавнего времени работал монтером на железнодорожных путях, последние полгода живет на заработок от чистки обуви.

— Марицские карательные? — Иен присвистнул.

Много лет назад в городе Марицы далеко на юго-востоке империи случился самый масштабный и кровопролитнейший бунт Иных во всей имперской истории. Начиналось все с периодических забастовок, демонстраций и систематических поджогов забегаловок, куда люди отказывались пускать "чужих". Тогда имперцы впервые ощутили довлеющее большинство мигрантов. Последней каплей стало загрязнение водохранилища рабочим из краснолюдков, питьевая вода во всем городе была отравлена химикатами. В ту страшную ночь погибло много детей и стариков. Во время пожарища, который учинили ксенофобы в черте гетто, прожорливое пламя распространилось до "человечьей" половины мегаполиса, и так началась полномасштабная межрасовая война, известная как Марицское побоище.

Чтобы положить конец кровавой бойне и бесчинствам властью были организованы специальные карательные отряды, обязанные использовать любые средства, только чтобы остановить расовую войну. В заварушке была вырезана почти что треть населения города, главным образом Иных и полукровок. Карательные отряды были неумолимо жестоки.

Каратели ставили жертвам праведных издевательств уничижающие метки, собирали трофеи из их оторванных фаланг, из каких делали ужасающие бусы и украшения. Эти события всколыхнули сообщество Иных по всей империи, и власти были вынуждены пойти на поводу у нечеловеческого большинства и дать им больше прав. Появились, так называемые, нечеловеческие грамоты. Сначала их выдавали лишь семьям пострадавших в Марицском побоище, затем, когда страсти поутихли за них стали брать немалые пошлины с каждого, кто хотел, чтобы к нему относились чуть более достойно, чем к таракану на помойке.

— Значит, Берг бежал от своего постыдного прошлого, — заключил Иен.

— Скорее от жаждущих отмщения родственников тех, кого он истреблял. Его соседи

утверждают, будто дочь с отцом не ладили никогда, они ссорились и горланили на весь дом по любому пустяку. Это есть в полицейских отчетах за последние несколько лет.

— Он проявлял в отношении нее рукоприкладство?

— Нет, однако же, он нередко запирали девушку в комнате на несколько дней, хоть и не морил голодом, но все-таки. Одни считают, что он совершенно ненормальный, другим, напротив, думается, что дочь была неуправляемой и изводила отца.

После непродолжительной паузы, так и не дождавшись какого-нибудь комментария от собеседника, он продолжил:

— После прочтения личного дела ее папаши, я предположил, что это...

— Кровная месть.

— Есть такая вероятность, что кто-то отыгрался на его дочурке за все хорошее.

— Однако спустя столько лет...

Он пожал плечами. Месть, как известно, это блюдо, которое подают холодным.

— Остается понять только, причем здесь нерожденный ребенок и альвейгские чары.

Иен согласился с этим.

Они просидели в пабе еще некоторое время, обсуждая сложившуюся ситуацию.

Расплатившись, они вышли на узенькую дорожку и возвращались к припаркованной в квартале от паба самоходке, когда Эрнст увидел, забравшуюся на выступ третьего этажа дома триста шесть, девушку, старающуюся что-то высмотреть в грязное окно.

Она была очень приметная: рыжеволосая и чернокожая.

— Хэй! — крикнул инспектор, Збынек залаял.

Девушка оступилась, упала и пропала в темных кустах можжевельника, разросшихся под окнами дома в тени смоковниц. Она невредимая вскочила на ноги и с быстротой пули метнулась в узкий пролет между домами. Она была удивительно быстрой и проворной.

— Остановись, именем полиции! — закричал Эрнст ей вслед и, выхватив из кармана клетчатого пиджака полицейский свисток, задул в него.

Иен погнался за ней иначе: он протянулся за ней сверхчувствительным обонянием, в нос ему ударили запахи хозяйственного мыла, дешевой курительной смеси, волос, кожи и... ее индивидуальный запах.

— Ушла, чертовка! — выругался детектив-инспектор.

— Я чую ее, — с триумфом сообщил он инспектору. — Я запомнил ее запах, так что не уйдет.

Охотничий пес снова вышел на охоту.

* * *

Между густо посаженных торговых рядов Базарщины проридались полисмены через гурьбу всякой швали в грязных обносках. Они с четверть часа расталкивали горланиющих людей в поисках рыжеволосой и чернокожей беглянки. Базарщина раскинулась на авеню, высаженной тополями. Под открытым небом торжище обрастало грязноватыми бежевыми брезентовыми палатками на полкилометра вдоль оживленной дороги. Сюда привозили стародавнюю рыбеху, поношенное тряпье, поломанные вещи от скупщиков, отсыревшую муку, уже подгнивающие овощи, фрукты, одним словом — падаль. В сопровождении двух полисменов Иен выступил в kloкочущий поток толпящихся людей-падальщиков. Вокруг квохтали гнилозубые старухи, плакали дети, орали лавочники, горлобесили оплеванные и

облеваннные алкоголики.

Тухлые рыбы головы, слежавшаяся на солнцепеке требуха и сладковато-гниловатый запах с жаром потеющих человеческих тел взметались над авеню смрадным туманом. Зловонный угар опалял сверхчувствительные ноздри Иена, каждый вдох сопровождался булавочной болью в легкие. Навстречу бил тепловатый ветер, раздувая запахи разложения животных потрохов и кислого молока.

— Я нашел ее...

Ее уникальный запах, присущий всем и каждому.

Она надеялась, что в мельтешащей как муравейник толчее ее невозможно найти, но никак не могла знать о способностях своего преследователя. Когда она заметила Иена на подходе, то сорвалась с места и убежала вон. Он с полисменами увяз в столпотворении, и полицейские сделали предупредительные выстрелы в воздух, высвобождая путь от людей. Они продолжали преследование до самого Ристалища, где, наконец, повязали ее и повезли к детективу для разъяснительной беседы.

— Зачем ты подсматривала в окна? — он пристально уставился на нее.

Сидя напротив девчонки в кузове полицейского броневика Иен присматривался и лучше принюхивался к ней. Чернокожая девица была юна и привлекательна. Объемистые волосы цвета спелой тыквы лучились завитушками и визуальнo округляли узкое курносое лицо. На ее остром подбородке была неглубокая ссадина, а на плече синяк.

— Хорошая работа, Маршак, — поблагодарил его Эрнст.

Он благодарно кивнул. Збынек лежал в его ногах и скучно подремывал.

— Ваш нюх просто находка, — продолжал он. — Если бы вы были полицейским...

— Попрошу вас, детектив, — перебил его Иен. — Есть дела куда важнее, чем обсуждать мои неоспоримые таланты.

— Верно, Маршак, — опешил он и вернулся к девчонке: — Будем молчать, да?

Она не смотрела на него, ссутулившись и опустив взгляд на свои закованные в тугие наручники руки.

Иен не слушал их разговор, пробуя разложить в своей голове каждый оттенок запаха девчонки, чтобы понять, что в ней особенного.

— Да по тебе же тюрьма плачет, — продолжал угрожать он. — Попытка спрятаться от органов правопорядка и, судя по полученным тобой ссадинам, ты изрядно сопротивлялась при задержании, а это уже тянет на некоторый срок.

— Ты полукровка, да? — задал Иен свой назревший вопрос.

Она удивленно вытаращила глаза, в них читалось недоумение, смешанное с испугом.

— Я чую. Я не обнаружил этого при первой встрече, но теперь мне это очевидно, что ты не совсем человек.

— Это так, — с дрожью в голосе призналась она. — Я недоросль. Моя мать человек, но отец краснолюдок.

— Удивительно, но внешне это никак не проявляется, — улыбнулся охотник. — Если не брать в расчет запах. Тебе повезло, ведь ты можешь не прятаться от людей.

И он был абсолютно прав: она действительно выглядела совсем как человек и могла не бояться и не прятаться в гетто и свинарниках, а жить на человеческой половине города куда достойнее, чем ее "низкосортный" народ.

Подавляющее большинство людского населения империи придерживается мнения, что смешение крови человеческой с Иной есть непростительное злодеяние и преступление

против законов природы и Божьих. Но, несмотря на предубеждения людей, комитет по контролю над численностью Иных и полукровок закрывает глаза на все увеличивающийся год от года в прогрессии процент доли нелюди от всего населения империи. Некогда кто-то из видных чиновников изрек: "не нам же, нормальным людям, выскребать канализации от нечистот, надрываться на рудниках, и пахать на полях? Но кто-то должен это делать". Потому властям проще мириться с этим. Людям вообще свойственно все ненавидеть и это вполне естественно. Непривычное, чем бы оно ни было, людьми принимается как угроза к спокойному существованию, как риск не выжить и не чувствовать себя в безопасности.

— Как тебя зовут? — спросил Иен.

— Люси Эванс, — пробормотала она. — Это фамилия матери... отца я не знаю.

— Что ты делала на карнизе того дома?

— Подсматривал за Чепменом, — призналась она.

— Расскажи, как ты связана с ним и его дочерью.

— Я знала Мэри давно. Она была чудесной подругой, непредвзятой, не то, что другие люди. Впервые мы повстречались полгода назад, в Цирке ля Бурдон.

— В Ристалище? Цирк Иных и полукровок? — уточнил детектив.

Ля Бурдон был известен в Каннескаре каждой собаке и каждому коту, отличавшийся от всех шоу в Ристалище, тем, что антрепренер Мессулини Сильвано брал артистов лишь только из Иных и полукровок, давая им достойную работу и крышу над головой.

— Да. Она приходила с какими-то друзьями тогда, я их больше никогда не видела. Я эквилибристка, — объяснила она. — Мы подружились с ней, потом она навещала нас, ведь дома ей было беспокойно, у них с папашей были отношения... не очень. Так она и познакомилась с Ярлеком...

— Ярлеком? — Иен поднял бровь. — Иной?

— Да, он мне названный брат, тоже циркач. Его семья иммигрировала на континент, когда он был еще маленьким. У них завязались отношения, а потом она сбежала из дома, когда поняла, что беременна. Они вскоре поженились в гетто, потом Ярлек отдавал ей все, что зарабатывал, а я приносила ей свою одежду, ведь она сбежала из дома, ничего не взяв с собой.

— Она сбежала, потому что боялась, что о внуке-полукровке узнает ее отец?

— Разумеется! — вспыхнула она. — Люди всегда мешают нас, полукровок, с дерьмом! А потом ее убили... Я боялась, что мой брат, мой названный брат сделает что-то ужасное с ее горе папашей, хотела остановить его, не дать совершить роковую ошибку.

— Отчего ты так решила?

— Он так сказал! — взвизгнула она. — Он сказал, что он должен умереть следующим!

* * *

День близился к завершению, устоявшаяся уличная жарница потихоньку отпускала, а изводившая Иена тошнота от находки альвейгской побрякушки сменилась болезненным сосанием в желудке и чувством голода. Он стал вынюхивать кафе подкрепиться, и они с Эрнстом направились в дешевую столовку на углу улицы с видом на речной канал. Иен взял суп с клецками и несколько подгорелых гренок, пережаренных на оливковом масле.

— Что думаете? — спросил он. — Это Ярлек постарался, когда узнал, кто Чепмен-Берг?

— Нет, — отрицательно закивал детектив. — Пока вы отлавливали эту Люси, мои люди

передали мне отчеты о проведенном расспросе соседей. Еще я тщательней проштудировал личное дело этого Берга, теперь мне сдается, дочь покровил собственный папаша.

Иен поперхнулся гренкой.

— Марицские карательные имеют дурную славу, очень многие из тех, кто вступал в них, чувствовали в побоище исключительно лишь ради охоты на Иных и полукровок из-за расовой дискриминации. Таковым был и этот, как вы выразились, Чепмен-Берг, он был и навсегда останется конченным расистом с выраженной тягой к проявлению садизма. Маг-спиритуалист в ходе интервьюирования написал ему нелицеприятный психологический портрет, и его со скандалом вышвырнули вон, как и его сослуживцев. Детство он провел в дисциплинарном доме для несовершеннолетних воров среди детей полукровок, где его частенько били мальчишки постарше. Один раз даже чуть не угрохали, вмешалась нянька, а выходит, что зря. Таких людей, как он, надо в еще зачаточном состоянии приканчивать. В добровольцы брали людей с улицы за неимением альтернатив, солдат просто не хватало для дальнейшего сдерживания кровопролитий, и властям пришлось импровизировать. Он мог рассвирепеть, узнав о беременности дочери, и убить ее, чтобы только, не дай Бог, не дать родиться получеловеческому уродцу.

— Он же такой больной, — запротестовал Иен. — Вы видели, в каком состоянии у него руки. Он чашку заварки удержать не может, что говорить о большем?

— Внешность обманчива, не мне вам об этом говорить, — безапелляционно заявил он. — Полагаю, поменяв имя, он похоронил и свою жизнь до женитьбы, и истинная личина его пребывала в принужденной ремиссии, пока беременность дочери не нажала на больную мозоль, и он не слетел с катушек. Следует поискать в квартире Чепмена оружие убийства, и проследить, дабы этот Ярлек не наделал глупостей. Я не могу на все сто процентов быть уверен в виновности старика, да и позволять множиться убийцам-линчевателям в городе не стану, какая бы причина мстить у него не была.

Лоренсен вызвал наряд полицейских, и они незамедлительно отправились обратно к дому Чепмена-Берга, и, только выйдя салон самохода, Иен отчетливо ощутил запах крови, доносящийся из злополучной квартиры. Завхоз был оглушен ударом по голове, а дверь в квартиру сорвана с петель. Когда они проследовали внутрь, поняли, что опоздали. Фалкон Берг или Томас Чепмен, был, очевидно, мертв и основательно распотрошен. Убийца, тот самый босоногий бродяга, околачивающийся поблизости еще с полудня, стоял в крови, на нем был тот же балахон.

— Стоять, оружие на пол! — бросил детектив, убийца проигнорировал распоряжение и сорвался с места.

Он подскочил к Эрнсту и ударил босой ступней того прямо в грудь, отчего детектив-инспектор ойкнул и завалился назад, выронив из руки револьвер. Тогда сопровождавшие его полисмены открыли пальбу. Один праведный выстрел угодил убийце в плечо, отчего тот заревел по-звериному и с разбега выпрыгнул в окно. Посыпало стекло, схватывающее солнце короткими всполохами света, точно огненные искры или капельки дождя в ясный день. Он приземлился на мощеную дорогу, перекувыркнувшись, и, подбирая балахон, с нечеловеческой прытью рванулся по улице, прилегавшей к речному каналу. Доблестные полисмены кинулись вослед. Потребовалось немало усилий, чтобы загнать преследуемого в тупик, где его тотчас окружила четверка полисменов.

К этому моменту подоспели и Иен с Лоренсеном и нахохлившимся псом.

— Сдавайся, ты арестован! — закричал детектив-инспектор, наставив на него ствол.

Он скинул балахон, оголяя свое худощавое татуированное тело. Его долговязые руки напоминали сложенные пополам клешни богомола или выкидные ножищи, покрытые рядами угольных и окровавленных костяных крючьев. Провалы глазниц воззирали на всех присутствующих, его краснокожее лицо перекосила гримаса всепоглощающей ненависти. Алекха не собирался сдаваться. Он устремился на одного юношу полицейского и точным движением клешни обезглавил его, взбрызнув горячей кровью свое ужасающее безглазое лицо. Полицейские в ответ изрешетили Иного из револьверов, и преступник пал замертво в луже белесой, точно молоко, жидкости, бывшей для алекх кровью.

Через некоторое время Иен с детективом ждали приезда Ульриха из полицейского участка в квартире покойного Чепмена-Берга. Его распотрошенные останки они скрыли простынями, через которые проступали кровавые пятна. Полицейские проводили досмотр квартиры, когда под трухлявыми половицами они обнаружили различные подозрительные вещи: старые фотокарточки молодого Фалкона с его сослуживцами, трофейные фаланги и высушенные языки Иных, окровавленный нож, а кроме, овальный предмет размером едва крупнее, чем со страусиное яйцо цвета чайной розы с маслянистым отблеском.

— Неужели это то, о чем я думаю? — восторгался Ульрих, вертя в руках этот предмет, когда прибыл на место.

Иен с Эрнстом удивленно посмотрели на мага, и он объяснил:

— Алекхи, немногочисленные обитатели пустынь с полуострова Алкалины, Южного материка размножаются для нас, людей, очень непривычно: эмбрион развивается в утробе матери четыре месяца, и после покрывается мембраной, которая при контакте с воздухом становится непробиваемой оболочкой. Племенные акушерки извлекают плод, и ребенок в естественном инкубаторе развивается сам, укрытый непрошибаемой скорлупой от любого посягательства. Выживать в суровых пустынях Алкалины крайне тяжело, потому природа алекхов позволила им абстрагироваться от цикла беременности, для того чтобы мужчины и женщины племени могли неотрывно трудиться на благо семьи. Похоже, что это ребенок Мэри Чепмен, — дивился он. — Половые связи алекх с людьми нечасто происходят, потому мы не фиксировали случаев, подобных этому.

— Не удивительно, что это такое редкое явление, — усмехнулся Лоренсен. — Как девка вообще могла клюнуть на такого уродца?

— Кажется, я догадываюсь, — произнес Иен. — Я мало осведомлен в физиологических особенностях этих Иных, однако знаю одно: что они способны видеть истинную сущность любого и безошибочно определяют то, кто хороший, а кто нет. Отчего они предпочитают носить глазные повязки, чтобы не видеть всю человеческую безобразность во всей красе. Он увидел добродетельность Мэри и поразился ее внутренней искренностью и красотой. В свою очередь, она же была столь непредвзята, что разглядела в Ярлеке нечто большее, чем просто "урода", как вы выразились, детектив-инспектор.

— Похоже, папаше это не понравилось, — заключил очевидное он. — Девчонка бежала от предубеждений отца-расиста. А потом он убил ее и хотел избавиться от внука-выродка. А пиктограмму на стене начертил, вспомнив старые привычки, после тотального геноцида нелюдского народа Марицы. У их карательных отрядов были свои ужасающие традиции и церемониалы. Плод, по-видимому, раздолбить он не смог, и потому он забрал его с собой, чтобы попытаться снова попозже.

— Картина складывается сама собой, — пробормотал Иен. — Ярлеку хватило одного взгляда на отца, чтобы безошибочно определить, что перед ним кровавый убийца. Слабый

вид и болезненность не обманули его внутреннее зрение. Поэтому, ослепленный горечью утраты и ненавистью, он совершил вендетту над стариком. Остается только один вопрос. Как же альвейгская брошка?

— Совсем забыл, — Ульрих ударил ладонью себя по голове. — Я установил назначение этой занимательной вещицы. Предназначение брошки является защитная функция.

— Предполагаю, побрякушку ей дал отец ребенка для самообороны, — сказал Эрнст. — У Чепмена пальцы рук были обгоревшими. Зуб даю, это из-за броши.

— Вот, что мне в нем не понравилось, — проговорил Иен. — Я продолжал чувствовать ожоги альвейгских чар. Скорее всего, брошка была семейной драгоценностью Ярлека.

С давних пор алекхи наладили торговлю со своими соседями, редчайшие самоцветы и курительные смеси из высушенного на солнце толченого мяса хугуров они обменивали на волшебные обереги и талисманы альвейг. Тем вечером Иен вернулся в штаб-квартиру к позднему ужину, он застал в харчевне протрезвевшего Маркуса с Арни, разгоревшимися в беседе. Он с жаром рассказывал о том, как вычитал в газете "Правдоруб" как неизвестные подожгли квартиру Обера МакРибуса, но все чего Иену хотелось, так это принять пенную ванну и завалиться спать.

Лоренсеном было принято решение отдать ребенка Мэри и Ярлека на содержание и усыновление Люси Эванс. Дети-полукровки мало волнуют органы опеки, потому в отчете детектив-инспектор просто скрыл находку, мол, пусть лучше ребенка воспитывает кто-то сравнительно близкий, чем, если он попадет в детдом, где его обязательно сломают.

Коснувшись головой подушки, Иен сразу же заснул.

Ночью ему снова приснилась Анна.

Проснувшись, он долго впяливался в потолок под трели возбужденных цикад и храп Маркуса и Збынека.

— Анна... — прошептал он одними губами.

Тяжеловесные тучи гнетуще распластались по небу, душа утреннее солнце.

Отражаясь в аспидно-черных витринах, солнечные копыя взрывались на городских улицах озорными зайчиками. В стылом воздухе висел характерный озоновый запах дождя. Аэростаты и пузатые цеппелины вяло тянулись над ликом города, отбрасывая выхлопной хвост. Полицейские патрульные броневики сновали то тут, то там, разгоняя всякую шваль, чистильщики и маляры выскребали от мусора и декорировали центральную часть города пред празднеством летнего солнцестояния. Людские массы суетно квохтали и горланили, предвкушая наступление ночи пьянства и бесстыдного разгула.

Каннескар сегодня оживленно гудел как пчелиный рой.

Малосимпатичный и тучный мужчина с моржовым рыльцем и водянистыми глазами вышел на площадь Баттен-Марш, запыхавшись. Его ржавая красно-оранжевая бородища запрятывала в спутанных волосах розоватые губы с язвочками, а залосненное пухлощекое рыльце обезображивали белоголовые прыщи. Одет мужчина был с иголки в шерстяной пиджак на нефритовых пуговицах, пропотевшую накрахмаленную сорочку персикового цвета и брюки, да в длинноносые лакированные туфли костяного цвета. Однако весь этот лоск не придавал ему стати, скорее наоборот, заставлял его выглядеть карикатурно.

В центре мощеной галькой плазы на Баттен-Марш возвышался грандиозный фонтан. В вершине каменной глыбы, вполовину погруженной в пенящуюся воду внутри бассейна квадратной формы, находился бюст Гвидо Завоевателя. Его жесткое лицо в окаймлении кудрявящихся волос выражало непреклонность. Вынув свою правую ладонь из складчатой ткани экзархасского одеяния, он простирал ее к небу, из нее вниз била вода. В основании постамента скульптуры магов держались за полы облачения, вытаращившись на колосса с обожанием.

Вдали раздавался трамвайный перезвон.

Морж вдумчиво выбирал дальнейшее направление пути, опершись пухлой ладонью о низкий бортик фонтана, как вдруг случилось следующее: в одно мгновение суставы его рук и ног вывернулись, издав оглушительный хлопок. Беззвучно раскрывая рот, он под тяжестью собственного веса перевалился в фонтан, разбрызгивая воду, на солнце капли блестели как подброшенные жемчужные бусины. Беспорядочно двигая конечностями, он стремительно пошел к устланному монетами дну резервуара, выпуская изо рта колонну драгоценного воздуха.

* * *

Иен с Маркусом отправились на вызов к полудню.

Начала накапывать мелкая морось, скупые солнечные лучи едва пробивались сквозь бледный холст облаков. Полицейская самоходка, которую сообразовали прислать Иену к порогу штаб-квартиры, для того чтобы ему не пристало добираться собственным ходом по непролазным заторам (для торжественного парада перекрыли центральную улицу), встала у медицинского шатра на площади Баттен-Марш. Иен первым вышел из салона на улицу и тут же вступил начищенной лаком обувью в неглубокую лужу и выругался в сердцах.

Вслед за ним вышли аптекарь и Збынек.

— Мы опаздываем, — напомнил Маркус.

Иен понимающе кивнул, отдернул полог шатра и вошел внутрь, и тотчас в его нос врезался гнилостный аромат магии. Молодой маг-эскулап в желтой мантии и кипенной шапочке, небрежно лежащей на золотистых кудрях, обернулся. Курносый круглолицый оголец с красным опалом, инкрустированным в его амулет на шее, удивленно заморгал.

— Господин ауто-да-фер, — он взволнованно кинулся с рукопожатием и представился, будто бы Иену было дело до его имени: — Пит Хиггинс, очень приятно познакомиться! — и стоило его руки коснуться колющей пустотной ауры Иена, Пита отбросило, как от тока.

— Полегче, паря, — невесело засмеялся Иен, юноша извинился, улыбаясь, но потирал свою руку, будто бы она еще болела, как от ожога.

Маркус неторопливо вошел следующим, мокрая собака засеменила ему вслед.

Внутри шатра было несветло, имеющееся пространство освещала одна керосиновая лампа. Покойник размещался на алюминиевом смотровом столе, накрытый зеленоватым полотном ткани. Маркус отдернул полотно, являя исковерканного колдовством мужчину. Сладкий аромат магии, смешенный с отвратительным запахом пота, застоявшейся воды и дорогого одеколona марки "Аристократка" ударил Иену в лицо. Марк пригубил из фляги, пошарив рукой, выудил из саквояжа пару одноразовых перчаток, чехол с хирургическими инструментами, и принялся проводить аутопсию.

Пит Хиггинс наблюдал за ним, точно замороженный.

Оно немудрено: традиционная медицина с наступлением эры лицензирования магов канула в лету, и на сегодняшний день медицинская помощь и профилактика заболеваний населения доступна для всех имперцев практически бесплатно, с некоторыми оговорками. Дежурные маги-врачи день и ночью патрулируют города, в пункты первой помощи может обратиться каждый, а полное обслуживание можно получить за денежное пожертвование. Малоимущие граждане, неспособные оплачивать дорогие пожертвования в Медицинский корпус магов, получают лимитированное врачебное обслуживание по карточкам, которые выдаются вместо заработной платы.

Так некоторым семьям каждый месяц приходится решать: умереть от чахотки или от голода, и все-таки, такой расклад куда лучше того, что было до принятия лицензирования магов. Маркус, до вступления в ряды Секретария, почерпнул знания народной медицины от своей матушки, деревенской травницы. В отдаленных деревнях нечасто бывают маги, и потому аграрии вынуждены выживать своими силами.

— Полицейские оставили для меня дело? — кашлянул Иен в кулак, привлекая к себе внимание замороженного примитивными копаниями Маркуса мага.

— Именно так! — встрепнулся маг и передал охотнику коричневую папку со стола, где лежал ворох тряпья почившего.

Иен быстро просмотрел бумаги, беззвучно проговаривая шапку досье:

— "Макгоуэн Аргус, тридцать два года, заместитель управляющего химзавода Дома Хонканен, начальник цеха номер..." — закончив читать, он поднял глаза. — Так он погиб от воздействия магии?

— Нет, — односложно ответил маг и добавил: — Захлебнулся. Когда его скривило, он свалился в фонтан Де Гвидо. — Прохожие попытались его спасти, но он был... тяжелым.

— В легких полно воды, — добавил Маркус, находясь по локоть во внутренностях как бы подтверждая слова мага.

— Вода как резонатор усиливает магический след, — вдумчиво произнес Иен. — От

этого Макгоуэна разит магией, потому я не могу установить источник колдовства.

— Вам не придется искать источник, сэр, — заявил Пит.

— В каком это смысле?

Он передал необыкновенный предмет: небесно-голубой шестигранник, заключенный в железную рамочку. Внутри него находились в движении шестерни, а на просвечиваемых гранях из полупрозрачного стекла тоненьким контуром начерчены магические символы. Механизм намертво встал, очутившись на ладони ауто-да-фера, когда опустошающая аура отменила магический эффект. Шестигранник был невелик и умещался в руке.

— Это что еще? — осведомился Иен.

— Не имею понятия, — он пожал плечами. — Я несведущ в инженерной магии, но этот предмет явно относится к ней, этот предмет был у пострадавшего среди вещей.

Иен повертел шестигранник, вручил магу обратно, и таинственный механизм внутри снова пришел в движение, отбивая едва слышимое ритмичное пощелкивание.

— Любопытнейше, — Иен перевел взгляд на сваленный ворох вещей погибшего. — Это все ему принадлежало?

Маг энергично закивал, Иен же начал возиться в промокшем шмотье и обнаружил во внутреннем кармане пиджака замятый пропускной билет в бойцовский клуб и увесистый кошель златников, монет достоинством в тысячу медяков и одну сотню серебряков.

— Одежка у него не самая дешевая, да, Маркус?

— Похоже, но кем он работал? — он снял попачканные одноразовые перчатки и мыл в принесенном магом тазу руки от крови.

— Заместитель управляющего химзавода, — сообщил Иен ему. — Я сомневаюсь, что он смог бы позволить себе все это на зарплату.

Черный пес вопросительно поднял остроконечные уши, не открывая глаз, полеживая на голом асфальте. Иен выхватил стеклянный кубик из рук мага и завернул в ткань, пряча его в широкий карман своего сюртука. После на самоходке они направились в Ристалище, пробираясь через заторы, и вскоре им пришлось покинуть комфортабельный салон, чтобы дальше идти на своих двоих, так как движение остановилось вовсе. Они шли по дорогам, промозглым от мороси, переступая переливающиеся топливной радугой лужи и спящих на картонных подстилках бесприютных увальней. Уходя от главных улиц мегаполиса на юго-восток все дальше, Каннескар казался Иену более неподдельным и искренним.

Вычищенные к торжеству солнцестояния ратушная эспланада, да реставрированные припудренные усадьбы, усаженные смоковницами, сменялись грязноватыми кирпичными станами запаршивевших зданий. Иен призывал Каннескар, разлагающуюся под солнцем мертвечину, в которой суматошливо ковыряются, перемаранные в собственном же кале, и люди, и Иные. Разорванное тело поверженного индустриализацией древнего божества, на чьих переломанных костях взгромоздился исполинский улей из железобетона и лжи.

Воняет, этот город воняет.

Иен протягивал сверхчувствительное обоняние над затхлыми городскими улицами, от них несло дождевой влажностью, прелым сыром и аммиачным запахом мочи. Занюшка тянула водорослевой амброй, русалочьим запахом, да разлагающимися в темных водах реки человеческими и нечеловечьими трупами и канализационным зловонием.

Ристалище находилось выше печально известного гетто Иных.

Здесь ежедневно сотни тысяч разноразных граждан и иммигрантов прожигали свои сбережения в игорных домах и на скачках и упивались грошовым разбавленным пойлом.

Здания маслянисто-угольные от впитавшейся в стены копоти и черноты человеческих душ утопали в сверкании вывесочных голографитов, состоящих из захваченного магией света. Иен, Марк и Збынек остановились перед зданием, над входом которого висел голографит с названием яркими огненными буквами: "Фаворит".

— Погодь, — преградил нам путь вышибала. — Без пропуска ни шагу.

Иен показал ему свой жетон с выгравированной литерой "С", вышибалу как ветром сдуло, и они прошли в большую залу, освещенную приглушенными газовыми рожками. В помещении было не продохнуть. В середине переполненной второсортными посетителями залы возвышался бойцовский ринг, огражденный веревочными канатами.

Перебивая мужланский гомон, организатор боя без правил объявил:

— Уважаемые! Делайте ваши ставки! — делать ставки он предлагал на одного из двух бойцов: широкоплечего громилу и четырехфутового краснолюдка с бритой головой.

Бойцы были оба обнажены, демонстрируя разгоряченным зрителям свои татуировки и рельефы мышц. В спертом воздухе клуба Иен отчетливо чувствовал фекальное зловоние пота немых тел пролетариев, можжевельниковой водки, тестостерона, нестиранных трусов, а кроме того, гусениц дурман-мотылька и сонного мака.

Ставки были сделаны, прозвучал оглушительный фанфарный рев, означающий, что битва началась.

Здоровый зэк закружил с краснолюдком в танце. Что-то сверкнуло в руке мужчины, это было лезвие стилета, коротышку оставили безоружным. Он напустился на коротышку, рассекая лезвием воздух, последний юрко ускользал от каждого выпада. Немного уходя в сторону, подпустив соперника ближе, Иной вышиб лезвие из широченной длани зека. Оно звякнуло, упав на пол. Неумный зэк хищной птицей накинулся на нечеловека с кулаками, который с нечеловеческой быстротой прошмыгнул под выпрямленную руку, подловив ее, и под аккомпанемент хрустнувшей кости, он сломал тому локоть. От боли глаза человека-горы повылазили из орбит, их накрыла красная пелена ненависти.

Иной взял оброненное лезвие и под зрительские овации воткнул громиле в кадык, взбрызнув свое беспристрастное белесое лицо ало-рубиновыми стразами крови. Вслед за случившимся на ринг вбежал маг в желтой мантии, и, сев перед поверженным бойцом на колени, начал оказывать ему первую помощь. Похоже, что Мигель подкупил дежурящего мага: дельце-то непыльное, и не связанное с риском попасться на несанкционированной деятельности, ведь жалование рядовых магов оставляет желать лучшего. Маги получают минимальный фиксированный оклад, зато им предоставляется квартира в общежитии, а профсоюз справно защищает магического брата от всякой несправедливости. Если какой-нибудь ауто-да-фер казнит невинного мага, будет разбирательство и зачастую не в пользу убийцы.

Результат схватки был предопределен самой природой: краснолюдки, раса карликов, тем не менее, обладающих несоразмерной физической силой. В империи Милоска они выполняют самую тяжелую работу в каменоломнях и шахтах, за которую не желает никто браться из людей. Иен, расталкивая орду орущих людей, кое-как пробрался к лестнице на второй этаж, где находился личный кабинет Мигеля.

— Иен, дорогой! — его напмаженный рот растянулся в клоунской улыбке. — Сколько лет, сколько зим!

— Без фамильярностей, я к тебе по делу.

— Ну конечно, друзья для тебя вообще ничего не значат, — обиженно декларировал он.

— Прекращай, ты прекрасно знаешь, что у меня дел не впрокорот.

— Знаю-знаю, — отмахнулся он. — Иен Маршак защищает простор люд от магического зла! Настоящий герой мифов.

Мигель Дураара был сухощавым и женоподобным юношей получеловеком, младше Иена. Его мать была человеком, а папаша гретчином. Отпрысков метисов таких родителей называют кобальтами. У него были заостренные уши, унаследованные от отца, в округлых сережках, кожа серая, точно выточенная из скалы и красноватые волосы. Его виски были наголо выбриты, оставшиеся волосы заплетены в длинную косу. Он одевался в малиновый пиджак с рюшами, брюки клеш в белую полосу и жемчужное ожерелье на плоскую грудь с пружинками красноватых волосков.

Он создавал впечатление мужчины известной ориентации, однако кому было на это не плевать?

Гоблины (или гретчины) — многочисленная раса, входящая в торговый Тригорный союз с краснолюдками и альвейгами на их родном материке. Они ловки и быстры, но, в пылу сражения поддаются звериному бешенству и теряют самоконтроль. Родина их находится на полуострове Скала, заселенном безжалостными зверями и сокрытом туманом. Тяжелые условия жизни сделали их первоклассными воинами. Ныне гретчины основной торговый партнер Тиосской провинции империи Милоска. Они торгуют добытыми краснолюдками с Розового пика полуострова Уступы драгоценными металлами, различными охотничьими трофеями со своих лютых лесов и разнообразными животными в клетках.

Несколько лет назад, когда Иен только прилетел в Каннескар, его первое дело было связано с ловлей поставщиков контрабанды запрещенных артефактов (преимущественно альвейгских). Мигеля полиция арестовала по анонимной наводке и обвинила в торговле артефактами, которые были обнаружены в вентиляции его бойцовского клуба. Иен сразу почуял, что дело пахнет подставой. Мигель обладал эйдетической памятью, и в точности помнил каждого, с кем встречался по лицам. За день до внезапного полицейского налета, он встречался с газовиками, прибывшими для плановой ревизии газопровода, но никаких записей об этом в газовой службе Иен не нашел. Иной дал описание лиц лжегазовиков, и дело оставалось за пчеловодами и особым подразделением полиции. Обманщиков нашли за сутки, их пытали маги-спиритуалисты и те развязали им языки, так полиция вышла на нанимателей.

— Что ты скажешь об этом? — Иен показал ему пропускной билет Макгоуэна. — Знаю, что пропускные билеты в твой клуб номерные.

— Сейчас погляжу, — он беспардонно выхватил билет из руки собеседника и принялся рыться в многостраничном журнале посетителей.

— Нашел, — он хлопнул в ладони. — Этот мясокомбинат приходил позавчера. Он меня попросту обобрал, иначе не скажешь!

— В каком это смысле?

— Выигрывал каждую ставку на бой, раз за разом, а к полуночи ушел с кругленькой суммой, вот копия чека.

— Надо же, — изумился Иен. — Как это возможно? Разве все бои не отретпетированы вплоть до получаемых ран, на случай которых ты держишь мага-врача?

— Тсс! Не пали кантору, — он откинулся на спинку кресла. — Конечно это только шоу, и провонявшая пьянь делает ставки на удачу, а мы переигрываем результаты боя в свою пользу. Однако толстобрюхий побеждал, даже когда мы меняли сценарий на ходу, только

постоянно куда-то отходил. Я не подметил этого сразу, потому не проследил лично за его ставками. Потом стало слишком поздно, он уже ушел довольный собой, что меня обокрал.

— Похоже, он вас провел как слепых щенков.

— И, кстати, он приходил не один, с ним была женщина, — произнес он и подставил руки домиком под подбородок. — Роковая брюнетка.

— Вот оно что, — Иен поддался вперед, заинтересовавшись.

— Так что, этот проныра сжульничал с колдовством? Я чувствовал, что здесь что-то не так. Надеюсь, ты его поймаешь.

— Он уже мертв.

— Значит так ему и надо, бессовестному злодею! — выпалил в сердцах он.

Уж кто бы говорил о совести.

— Послушай, ты не приторговываешь гусеницами дурман-мотылька?

— Тебя интересует? — глаза у Иного азартно блеснули.

— Нет, но посоветую тебе держаться подальше от этих дел, плохо кончишь.

— Вот только давай без нравоучений, — отмахнулся он.

— Я серьезно, — отрезал Иен. — После смерти Китча сменился прокуратор в полиции, полисмены озверели. Новый прокуратор Роккет Волох, он, говорят, страшный карьерист. Ристалище точно никогда не было прибежищем поборников морали и добродетели, но он позакрывал кучу игорных залов из-за запрещенных в ввозу дурманов. За последнее время все больше заворачивают торгашей дурманов, раньше они как-то откупались, но теперь...

— Знаю, — ответил он. — Правила игры усложнились. Я не буду, обещаю. Ну, что, не желаешь выпить чего-нибудь?

— Отчего же не выпить? — улыбнулся Иен и сразу ответил на свой же вопрос. — Ах, да, мне нужно продолжать расследование, поэтому не в этот раз, Мига.

Он дал Иену подробнейшее описание женщины, сопровождавшей Макгоуэна, затем Иен вышел в зрительскую залу, где завершился очередной постановочный бой, оттащивая от бара набубенившегося Маркуса, поспешил покинуть клуб.

Главная широченная улица Ристалища с одетыми в сажу и копоть стенами зданий и замутненными витринами вывела троицу к перекрестку, где они остановились в дешевой забегаловке, чтобы спрятаться от мороси. После перепалки с управляющим кафе, который наотрез отказывался впускать их с собакой (Иен дал ему горсточку медяков, и решил, что было бы нечестно, тыкать в носы всем и каждому секретарский жетон), они заняли столик у самого окна, пес лег рядом на шахматной плитке пола.

Чтобы протрезвить Марка, Иен заказал несколько чашек самого крепкого кофе, хотя то мазутное варево, отдающее сырой древесиной, что здесь выдавали за этот расчудесный маарский напиток, он бы кофе не назвал.

— Ну что, ты проиграл все наши сбережения?

— Сколько можно брызжать? — он обидно нахохлился. — Мне просто не повезло, и я не все проиграл. Ну, почти. И вообще сегодня праздник.

— Мне стоит припрятать твое жалование при себе, — пробурчал под нос Иен. — Но ты уместно упомянул о везении. Макгоуэн был везучим малым, — он вынул из кармана копию выигрышного чека, который ему передал Мигель, и показал его Марку.

— Сколько-сколько нулей? Это же целое состояние! Как пить дать дело в магической штуке.

— Весьма недурные способности дедукции, — хохотнул Иен.

— Молчал бы лучше, дружок.

— Нам нужно в полицейский участок, найти больше информации.

— Есть какие-то уже подозрения?

— Пока рано говорить наверняка. Чую, сегодня нас ждет превеселое празднование за работой.

— И здесь свехобоняние не нужно, — кисло добавил он.

Немного погодя, они покинули ту забегаловку, и вышли под козырек кафе покурить. Мерзопакостная морось сменилась шумным потоком серебристого дождя. Тяжелые капли сбивали неутихающий ор бесчисленных городских запахов, тогда Иену делалось неуютно: всегда, когда он переставал вдыхать запахи мира, он ощущал себя каким-то беспомощным и уязвимым.

Сигарный дым собирался под шиферным навесом причудливыми завихрениями.

Через свирепствующий ливневый поток подрагивающее колыхание голографитов с вывесок казино напоминало метание пламени свечи. Иен бросил недогоревший бычок под ноги, придавив его, и вышел широкой поступью под проливной дождь. Единственный, кто из них троих был доволен — так это Збынек. Он лапами шлепал лужи, разбрызгивая воду, и радостно вилял хвостом.

Несмотря на буйствующую стихию, Ристалище было оживлено.

Сутолочные ротозей-пешеходы, закрывая головы котелками, канотье и размокшими подтекшими газетами, шли, проклиная Бога за "расчудесный" день. Внезапно Иен почуял сладостный смрад поблизости от себя. Закутанный в плащ незнакомец сверкнул острием разделочного ножа и резанул им бедро Иена, будучи по правую руку от него. Незнакомец толкнул его в лужу, и бросился наутек через матерящуюся толпу.

— Иен? — Маркус помог ему подняться.

— Я в порядке... — процедил сквозь зубы он.

Похоже, нападавший только оцарапал его или?..

— Этот ублюдок короб украл! — осознал он, нащупав дыру в сюртуке.

Он еще ощущал запах магии, почти, что убитый некстати усилившимся дождем.

— Держите вора, — закричал он. — Збынек, фас!

Но запах безнадежно мерк, пока не пропал, и пес оставил погоню, потеряв след.

* * *

Чихающий магической пылью казенный самоход выехал на мощеную булыжником эспланаду, раскинувшейся перед л'Хасл, величественного храма марианского прихода, на сегодняшний день являющимся зданием городской полиции. Штаб полицейского участка, выполненный из ржаво-кровавого камня, одновременно и вдохновлял и ввергал в жуть, первобытную и всепожирающую. Замысловатый узор переплетенных как гуттаперчевые плети тел мужчин и женщин обезображивал, слово "украшал" тут явно не уместно, фасад. Две прямоугольные башни завершались статуями исполинов-ангелов, спихивающих бесов вниз, выполненных из почерневшей меди. Между триумфальными башнями возвышалась стеклянная пирамида. Внутри раздавался ропот толкущихся в приемной горожан и сотен заваленных бумажной работой полисменов.

Когда в полиции сменился прокуратор, для полицейских служащих прибавилось дел, ибо новый начальник занялся тотальным реформированием учреждения.

— Господин ауто-да-фер, — произнес знакомый голос за спиной Иена.

— Ульрих, — он обернулся к полицейскому магу и приветственно кивнул ему, — Мир катастрофически тесен, не так ли?

— Не могу не согласиться, однако я все-таки сам пожелал встретиться с вами, только вы запросили консультацию у мага.

— Весьма польщен, но я запрашивал мага-инженера.

— Я изучал принципы кузнечной магии достаточно глубоко.

— Вы разве *Исход*? — приподнял бровь он в недоумении и незаметной панике.

— Нет, конечно, — засмеялся маг. — Просто любознательный.

С незапамятных времен маги зачаровывали разнообразные инструменты, наделяя их магическими необычайными свойствами, лепили големов из глины и создавали обереги и талисманы. История знает множество примеров, когда результаты подобных трудов много и много раз кардинально меняли целый мир в руках одного или нескольких самолюбивых персон с глобальными амбициями переделать под себя жизни миллиардов людей. Третий век до Новой эры, владыка Асцийского княжества Архатек Смерть-Несущий вышел один на один против многотысячной армии врага только с одним мечом в руках, упомянутым в песнях как Драконов язык, и он одержал сокрушительную победу. Архатек этим мечом сравнивал с землей крепостные стены и дома. Асцийский князь был непобедимым в бою, и все-таки он был не бессмертен, как и все люди. Он был отравлен, а меч похищен. Спустя несколько веков меч был обнаружен в личной коллекции лорда Аркашка, и конфискован марианскими арбитрами как предмет запрещенного Искусства. История умалчивает этот факт, но предельно ясно, что смертоносное оружие князю Асцийского княжества выковал придворный маг.

— Замечательно, — протянул Иен. — Тогда, что вы можете нам сообщить об этом?

Иен ткнул пальцем в карандашный рисунок гексаэдра на желтоватом листе бумаги, который он кое-как намарал по памяти. Ульрих некоторое время, молча, присматривался к рисунку.

— А где оно сейчас? — растерянno спросил он.

— Свистнули из-под его псового носа, — вставил Маркус укорительно, не отрываясь от чтения "Правдоруба".

На первой странице газеты красовался заголовок: "поджигатели общежития магов, устроивших пожар в апартаментах Обера МакРибуса, не захвачены; подозревается банда магоненавистников". Далее шли упоминания назначения нового прокуратора полиции и его призыв к конфискации дурманов и досудебном наказании за их сбыт.

Ульрих разочарованно сказал:

— Поскольку вы не запомнили рисунка на сторонах, будет крайне трудно определить назначение этого предмета...

— Мы уверены, что эта вещь как-то связана с тем фактом, что погибший позавчера выиграл на азартных ставках большие деньги.

— Вот это уже интереснее, — заметил он. — А что погибший?

— Сегодня на Баттен-Марш у него самопроизвольно вывернулись суставы, после он утонул в фонтане, а раз он мертв, то и расспросить его о том, почему у него была игрушка, полицейские не могли. И когда прибыл маг-спиритуалист, было поздно устраивать сеанс, прошло слишком много времени с момента смерти, и его душа выветрилась из тела.

— Очень похоже на последствия вероятностной реконструкции, — он задумчиво потер

свой подбородок наманикюренными пальцами.

— Прошу прощение?

— Вероятностная реконструкция, — повторил маг-эскулап. — Прежде чем ответить на ваш вопрос, я вынужден освежить об этом свою память. Извините, мне нужно отлучиться, направить запрос в книгохранилище Каннескарской маговской школы. Я сомневаюсь, что этот трактат мне так скоро и без осложнений отдадут на руки, но стоит попытаться.

— Почему же?

— "Метафизика материальности", редкий и малодоступный для простого обывателя труд Элиота Олдеринга, существующий лишь в пяти экземплярах. Даже полиция не смеет выпрашивать этот старейший трактат в кратчайшие сроки.

— Я поставлю секретарскую печать, и вам тотчас доставят все, что потребуется.

Он засыпал охотника благодарностями, похоже, что эта книга его интересовала уже давно, ну, а Иену нужны были ответы. Он подписал требование на предоставление книги и оттеснил горячий воск секретарским жетоном. Гравированная литера "С" могла открыть многие двери. Каждая собака знала, кто такие, эти агенты тайной полиции, и что вставать у них на пути — неоправданный риск для жизни. Именно поэтому, когда за Иеном пришли пчеловоды и предъявили его отцу секретарский жетон, ему ничего другого не оставалось, как отдать сына им без споров и разбирательств. С детства Иен жил в монастыре Цвейке-Махани в небольшой рыбацкой деревеньке далеко на севере материка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он не знал своих настоящих родителей, однако батюшка Фауст, его приемный отец, воспитывал его как родного. В монастыре Иен обучался монастырскому делу и проводил свободное от учебы и молитв время в монастырской библиотеке. Еще в раннем возрасте обнаружился его уникальный собачий нюх, и тогда Фауст запретил ему о нем кому-либо рассказывать. Иену показалось, что отец отнесся к дару сына так, потому что подозревал в нем мага, ведь вдали от цивилизации городов, где магия была простой обыденностью, он и понятия не имел, кто они такие — маги. Знал только то, что их Искусство "от лукавого". И вот однажды он проговорился о своем нюхе деревенским мальчишкам, а после пришли пчеловоды, которых он всю жизнь знал как местных братьев-рыбаков, и они забрали его в столицу империи в штаб-квартиру Секретария. Там ему объяснили, что его обоняние — это редчайший талант и начали натаскивать на охотника на магов. Ему не давалось освоение теоретической базы обучения, но, когда начинались практические задания, Иену не стало равного. Он обнаруживал любые источники магии благодаря нюху, не используя никаких вспомогательных средств.

Тогда завистливые однокашники начали называть его Охотничьим псом.

Из-за ливня отменили торжественный парад празднества летнего солнцестояния по приказу генерал-губернатора. В полицейском участке Иен с Марком и Збынеком пробыли до самого вечера, до тех пор, пока им не доложили о месторасположении подозреваемой брюнетки, разысканной пчеловодами по ориентировкам Дурарара. Они в сопровождении полисменов отправились под проливной дождь обратно в Ристалище.

— Эрнст, я почти рад нашей встрече, — Иен пожал руку детективу-инспектору, когда они прибыли в игорный дом "Любимчики удачи".

— Взаимно, Маршак, — кисло улыбнулся он.

— Вижу, мы опять опоздали.

— Вы весьма проникательны, — с холодной усмешкой заявил он. — Женщина сбежала,

воспользовавшись сложившейся шумихой, как только полицейские начали облаву.

— О том, что она была здесь, сообщили пчеловоды по телеграфной линии?

— Да, — он вытер лоб платком. — Как вы понимаете, Маршак, взять ее своими силами они не могли, потому ждали наряд, но мы слегка задержались.

Имперские пчеловоды — это волки в овечьих шкурах, лазутчики, внедренные во все структуры деятельности страны, чья единственная задача шпионить за всеми гражданами империи и доносить обо всем в генеральный штаб. Их наиглавнейшее правило: никогда не выходить из роли. Бывают исключения, но зачастую они только шпионят и, ни во что не вмешиваются. Их набирают из сиротских домов, научают актерскому делу и при помощи медикаментов делают их неспособными испытывать эмоции и привязанности к людям. Они сменяют образы как благородная дама перчатки, или способны играть одну роль всю жизнь: возлюбленная подозреваемого в коррупции промышленника, дружелюбный сосед, живущий напротив, или жена какого-нибудь мафиози, с которой тот прожил полжизни и имеет с ней детей. Каждый мог оказаться пчеловодом, каждый знал, что их стоит бояться. Потому их и называли пчеловодами: незаметно для людей, проживающих свои маленькие никчемные жизни, они собирают полезную информацию, точно мед, напустив дыму лжи и притворства на ничего не подозревающих пчел-граждан.

— А хорошие новости есть, детектив?

— Мы получили ее фотокарточку, — сказал он. — Мы ее направили в городской реестр, чтобы провести идентификацию личности. Кроме того, у нас есть свидетель...

Брови Иена удивленно поползли вверх.

— Правда "свидетель", это громко сказано, — досадливо договорил он.

Детектив-инспектор препроводил его внутрь казино, внутри так пестрело красками, что у Иена с непривычки занемогли глаза. Полисмены уложили потерпевшего прямо на бильярдный стол. Суставы мужчины были вывернуты наоборот, как и у Макгоуэна, лицо исказилось в инсультной гримасе. Увидев детектива и охотника, он с жаром заговорил, но как-то странно, его слова, подобно рукам и ногам, были будто бы вывернуты наизнанку, и нельзя было понять, что он говорит. Хотя, если бы он мог говорить, слышно его бы почти не было из-за громкого оркестриона — шкафа, внутри которого был помещен пружинный или пневматический механизм с разнообразнейшими оркестровыми инструментами. При нажатии рычага запуска спрятанный за стеклянную раму оркестр приходил в движение, и звучала одна из навязчивых мелодий, заложенных в базу данных. Оркестрион играл грубо, но для питейных заведений и казино дороже было нанимать музыкантов из плоти и крови. Наконец механические пальцы и меха закончили галдеж, когда завершился цикл песни.

— Знакомая картина, да? — усмехнулся детектив. — Разница в том, что этот кадр не умудрился самоликвидироваться в фонтане. Колдовство перекривило его речь так, чтобы он не рассказал ничего никому.

— Его нужно отвезти в участок, провести с ним спиритический сеанс, если разум его не поврежден, — сказал Иен и выкрикнул: — Может кто-нибудь уже выключить эту чертову штуковину?

Похоже, кто-то из полицейских случайно врубил оркестрион по второму кругу.

Ночью, помимо дождя, разразилась свирепая гроза, и интуиция подсказывала Иену, что это все неспроста. Он чувствовал, как валится с ног, и, пока Марк отмечал упущенный праздник летнего солнцестояния в пивнушке, Иен снял мансарду в какой-то гостинице и попытался проспаться, задавливая голод. Непогода буйствовала, взрываясь раскатистым

хохотом грозы, выстукивала дождевой водой в окнах стихийной чечеткой.

Иен зажмурился, тщаь заснуть, но реальность не отпускала. Приоткрыв уставшие глаза, он периферийным зрением заметил какое-то движение в темноте комнатухи. Он встал, зажег лампу и заметил крохоборов, эти дюймовые человечки утаскивали мышиный трупик в дыру в обоях.

Он достал карманные часы, чтобы посмотреть время.

— Только час ночи, — выдохнул он.

Он приделся и покинул гостиницу раньше времени. Промокнув до нитки, он дошел до ближайшей ночной пивнушки, где надеялся отыскать Марка, и желательно живого. Как там было накурено и воняло мочой, которую по ошибке называли пивом! Марк отрывался в конкурсе выпивох. И из девяти участников уже шестеро протянули ноги с алкогольным отравлением, а Маркус еще только разогревался. Самая короткая ночь в году для нищего пролетариата всегда была поводом бесконтрольно накачаться в дешевых барах, чтобы на следующее утро их бездыханные и подъеденные русалками тела вылавливали из речных каналов. Изнурительный труд на железных дорогах и в металлообрабатывающих цехах за ничтожные гроши — вот удел каждого из них, это их жизнь, хотя жизнью в полном смысле слова это трудно называть. Иен заметил инспектора, сидевшего в дальнем конце зала и склонившегося над разложенными на столе бумагами, и подсел к нему.

— Не удалось отоспаться? — хмыкнул он, глядя на краснющие сонные глаза Иена.

— Нет. Удалось идентифицировать воровку?

— Возьмите, — он передвинул ему железную кружку с грязной жижицей, пахнущей размокшим деревом. — Кофе, какой есть.

— Благодарю, однако. Так что воровка?

— Идентифицировали, — кивнул он и подложил ему папку с личным делом. — Это все странно. Констанца Живаски, она родилась здесь, в Каннескаре, два года назад как сквозь землю провалилась. Официально она имеет статус "пропавшая без вести".

— Немаг? — удивился Иен, просматривая дело.

— Если и да, то нелегализованный маг. После получения статуса "пропавшей", дом ее был выставлен на перепродажу. У нее нет никаких родственников, а выкуплен дом был Хараллем Йенсеном.

— А это еще кто?

— Какой-то промышленник. Но он там не живет, и им выкуплено много помещений в Каннескаре. И вот, Живаски объявилась. Возможно, пока в ее старом доме никого нет, она там и перекантовывается.

Прозвучал победоносный клич, Марк выиграл в сомнительном соревновании, сделав непреднамеренно своих соперников недостаточно живыми и немножко мертвыми. Они перетравились ужасным пойлом, сделанным, вероятно, из разведенного водой спирта на коровьем помете. Высококласный врач, что уж там. После Лоренсен вызвал полицейских и объявил, что они едут к дому подозреваемой в Старый квартал. Безжалостный ливневый поток лил как из ведра, отбивая серебристыми струями холодной воды гневный аллегро по мощеным мостовым и асфальтовым дорогам.

Оказавшись на месте, они вышли из комфортабельного салона самохода навстречу неприветливой ночи и направились к косому двухэтажному дому по грязевым колеям и размытому тротуару.

Дом из серого кирпича, глядел бездонными впадинами оконных рам на мелькающие

полусферы света от ручных ламп полисменов. Они выбели входную дверь, вошли внутрь. Внутри Иен еще больше озяб, в помещении было холодно. Ободранные обои покрывались вздувшимися волдырями, а промозглый воздух отдавал загнивающими стенами и мхом. Продавленный диван тянул перепрелым сыром, из кухни исходили тошнотворные запахи испражнений, мочи и испорченной еды.

— Странно, — пробормотал Лоренсен. — В этом доме вообще никто не живет два года, но складывается ощущение, будто гораздо дольше.

— Я чую остатки еды, — вдруг произнес Иен.

— Значит, кто-то здесь все-таки проживает.

Он принялся и обнаружил еще больше запахов, скрытых за уродливыми стенами, дающих ему понять, что внешняя обшарпанность и неприглядность дома это лишь чья-то мастерская декорация.

— Очень слабо, но я чую здесь присутствие людей. Минимум двое, — подтвердил он. — Мужчина и женщина. Кроме того, дом насквозь провонял магией.

— Иен, думаю, тебе следует взглянуть на это, — пробурчал Маркус.

Он подошел к нему.

— Смотри, — он отдернул в сторону запыхавшийся коврик, и тогда в нос Иену ударил знакомый сладко-приторный запах. — Функциональный круг.

И верно, на полу потемневшей кровью был вырисован буквенный многогранник, он лил в потолок невидимый столп магической энергии. Немного похажив по обоим этажам, Иен разыскал еще три функциональных круга.

— Кровь не человеческая, а животная, — задумчиво произнес он. — Скрывающая магия для того, чтобы обмануть нас. Этот дом — ловко спроектированная фальшивка. Причем, я полагаю, наша с Марком невосприимчивость к магии не отменяет этот физический мираж из-за натянутых где-то в доме усилителей магии. Обычным осмотром мы преступников не найдем, но и они не могут ускользнуть, пока дом в оцеплении полиции. Я считаю, нам достаточно убрать кровь и ждать пока мираж рассосется сам собой.

— Может быть, поискать еще? — переспросил Эрнст с толикой усмешки в голосе.

— Не думаю, что это поможет, детектив. Преступники находятся внутри магического пузыря, где-то в доме. Полицейские будут натекать на них, но обходить мимо, пузырь будет как бы отталкивать их от себя, внушая каждому, что на том месте ничего нет.

Полицейские залили круги водой из водопровода, Иен нарисовал на стенах в каждой комнате по противомagicескому знаку. Полицейские с детективом попрятались от дождя под установленным на улице тентом из брезента. Иен с Маркусом и Збынеком затаились в броневику, наблюдая за домом из небольшого решетчатого окошка.

Маркус вытащил из внутреннего кармана жилетки свою фляжку и пригубил из нее.

— Может, тебе на сегодня хватит? — сказал ему Иен.

Он отмахнулся рукой.

— Никогда, мой юный друг. Не в этой жизни.

Маркус родился в семье деревенского кожевенника. Когда на юго-востоке материка разбушевалась ожесточенная людо-гретчинская война, совершеннолетний Марк покинул дом служить в военно-воздушном флоте империи. Клан гретчан-пиратов терроризировал на Восточном архипелаге воздухоплавательные пути торговых коммуникаций. Имперцы развязали войну с пиратами, в чьих загибающих руках как-то оказался флот дирижаблей. Маркус отслужил все одиннадцать лет, что шла война, после чего был госпитализирован от

серьезных ран, полученных при крушении армейского цеппелина. Некоторое время он отлеживался в реабилитационном центре для пострадавших офицеров, где маги-эскулапы боролись за его жизнь день и ночью. После его вышвырнули из вооруженных сил, так как полученные ранения сильно ограничивали его работоспособность.

С той поры он начал возмутительно много пить. Вернувшись в родную деревню, он заинтересовался традиционной медициной и решил сделаться сельским врачом как когда-то его мать.

Он женился и обзавелся сыновьями, и жизнь наладилась.

Вскоре пришли маги-отступники, они безжалостно сожгли деревню и жесточайшим образом поубивали всех ее обитателей. Маркус оказался единственным, кто выжил в той бойне ни за что, просто потому, что этого захотели озабоченные маги. Преисполненный отчаянием и ненавистью, он ушел в лес отшельником, подобно аскезам-староверам.

Однако Первоотца в своем одиночестве он не нашел. Вернувшись в цивилизованный мир, он окончательно решил пойти к ауто-да-ферам, дабы помочь уничтожению вставших на кривую дорожку магов. Маркус продолжал по-зверски много пить, и выглядело это так, будто он просто не хочет жить, но открыто сдаться для него как проситься в плен врагу на поле боя. Для офицера военно-воздушного флота это было непозволительно.

— Смотрю, ты все еще его носишь, — заметил он.

— О чем ты? — не понял Иен.

— Марианский атрибут.

Иен выудил из-под своего воротника тонкую цепочку с кулоном окрыленного ключа с серебряной эмалью и кварцевыми вставками, свисающим на ней, традиционный атрибут марианской веры.

— Веришь в эти небылицы? — плюнул он. — Вера есмь бич общества.

— Бога вполне возможно и нет, — ответил Иен. — Но это отцовское, а отец-то есть.

Он понимающе улыбнулся.

Иен не видел отца шестнадцать лет и даже не знал, жив ли он.

Телеграфные линии связи от городов к малозаселенным деревням не проводят, все-таки телеграф — новинка в области коммуникаций. Все передвижения секретарцев строго-настрого контролируются штаб-квартирой Секретария, и любая попытка вырваться из-под надзора шпионов-пчеловодов и неисполнение распоряжений командующих из Каерфелла жестоко наказывается пожизненным заключением в военной тюрьме. Самовольный побег ими расценивается как дезертирство, но законно получить от них разрешение на поездку домой никому из тайных агентов практически невозможно — бюрократический аппарат не позволяет заявлениям об отпуске добраться до верхних этажей штаба.

— Смотри, что-то происходит, — сказал вдруг Маркус.

Они выглянули через решетчатое окошко и увидели, что дом загорелся зеленоватым заревом. Иен выскочил из броневика вслед за полисменами. Пройдя внутрь, он видел, как преобразился дом: больше никаких облупленных обоев, вони и свалывшейся пылици. Иен рефлекторно выдернул из кобуры золоченый револьвер.

Они обшарили каждое помещение и обнаружили на втором ярусе дома магическую лабораторию, несколько антенн-усилителей магии, клетки с жертвенными животными, таз с ритуальной кровью и роковую брюнетку.

Ее тело было ужасающе исковеркано уже знакомым образом, а маг как-то сбежал.

Констанца лежала на смотровом столе и конвульсивно дрыгала зафиксированными конечностями, ее глаза панически бегали из стороны в сторону, рот лепетал перевернутые слова. Детектив-инспектор и свита охотника стояли за непрозрачным стеклом допросной в раздраженном оцепенении.

Полицейские внесли в допросную тяжелую аппаратуру и стали подключать трубки в гнездовые сопла, послышалось низкое гудение проводов. Они оставили помещение, когда пришел маг-спиритуалист. Он впрыснул Констанце анестезирующую сыворотку. Потом он намалевывал функциональный круг животной кровью, скрупулезно вырисовав каждый причудливый глиф на спиритической доске.

Он трепанировал ее череп слева над ухом, ее голова была выбрита заранее, вколол в ее височную долю разъемную жилу соединительного кабеля, являющийся продолжением аппаратуры, поставил на стол таз с водой и обмакнул ее голову. Закончив приготовления, он обратился киванием к невидимым зрителям по другую сторону непрозрачного стекла, и щелкнул по переключателям на приборах.

Спиритуалист коснулся головы женщины кончиками пальцев, по ним пробежались искры, издавая едва уловимое потрескивание, когда маг начал проговаривать магический речитатив. Обрисованный круг засветился мертвенной синью. Высококонтентрированный лакричный запах ударил в нос Иену даже через толстое стекло, заставив его поморщиться. Живаски распахнула глаза, ее красивое лицо коснулась судорога, а из лицевых отверстий под потолок хлынула струя ослепляющего белого света, от которого все зажмурились, а уши заложило от оглушительного воя, напоминавшего хоровое пение и бой колоколов. Сеанс продолжался недолго, после, маг оборвал связь, световая струя немедленно погасла, а от покрасневшей женщины потянул сизый дымок и запах горелой кожи.

После маг-спиритуалист сообщил Иену то, что ему удалось извлечь из ее подкорки.

Констанца познакомилась с Элиашем Мессарош года два назад, с магом, сбежавшим из Орлика, и последующая проверка засвидетельствовала, что тот тесно контактировал с реаниматором, с которым Иен столкнулся на Бульваре розы в начале этого лета. Они оба пропали после скандального инцидента в шахтах, в которых погибли шахтеры и полевые маги потому, что управляющие предприятием запретили поскорее разрыть завалы, чтобы не терять время и успеть выполнить план. У них с той женщиной завязались запрещенные отношения (так как законодательство империи запрещает магам вступать в отношения во избежание рождения потомственных уродцев). Потом у него откуда-то очутился фолиант с чертежами квантового реконструктора Олдеринга, мощного магического устройства для корректировки возможного будущего, и прототип, по-видимому, сломанный. Он доделал зловещее устройство раньше обещанного заказчику срока, который финансировал его, не жалея средств на разработку. Тайнственный меценат ее возлюбленного, возможно, это тот неизвестный Йенсен, выкупил конфискованный дом Живаски и оборудовал магическую лабораторию, а, кроме того, он снабдил не сертифицированными антеннами для усиления магического поля Мессароша для его дальнейших экспериментов.

Прежде чем передать реконструктор заказчику, пара поступила следующим образом: Констанца искала доверчивого азартного игрока, вместе они выигрывали большие ставки в казино или на ипподроме, после расходились. Через сутки после пользования квантовым реконструктором как по таймеру, жертв перекручивала порча, или активационной руной ее

активировали сами заговорщики. Без жестоко убиенных жертв такая сложная магия не работает, поэтому Констанца убивала заговорщиков, не способных дать сопротивление и позвать на помощь в уплату (так они полнили батарею реконструктора), присваивая весь выигрыш, тела же сбрасывала в речные каналы на съедение русалкам.

Это продолжалось несколько недель, пока Аргус Макгоуэн не кинул сообщницу и не заграбастал квантовый реконструктор себе. Мессарошу пришлось весь день выслеживать Иена, только бы выкрасть артефакт обратно. Когда они вышли по следам Констанцы, маг использовал реконструктор, дабы ускользнуть от преследования, пожертвовав названной супругой. Лоренсен проверил Харалла Йенсена, однако отыскать информацию касательно его смутной личности и приобретенных им помещений по всему Каннескару не удалось. Более того, все бумаги на его собственность оказались фальшивками. Зарегистрированные на это имя помещения были конфискованы полицией, и почти везде были найдены разные запрещенные магические книги.

— Господин ауто-да-фер, сэр, — окрикнул Иена Ульрих, когда на следующий день он пришел в полицейский участок.

— Здравствуйте, Ульрих, — он пригляделся к толстой книге в его руках. — Вижу, вы таки получили ту книгу?

— Я хотел осветить ваш позавчерашний вопрос.

— Ну... теперь, когда маг сбежал... Что ж, внимательно слушаю.

— Элиот Олдеринг в своем трактате досконально описывает свойства пространства и времени, поэтому я постараюсь для вас пересказать это как можно проще. Он ввел такое экзистенциальное понятие как *пространственно-временное соотношение*. Пространство и время неразделимо влияют друг на друга, потому оказание влияния на одну зависимую, побочное влияние будет оказываться и на вторую. Время не имеет кой-то определенности будущего, только некоторые вероятностные возможности, которые можно просчитывать и прогнозировать. И квантовый реконструктор просчитывает все возможные вероятности и толкает существующую реальность к запрограммированной последовательности событий, это называется вероятностной реконструкцией. Ему не по силам сдвинуть луну с орбиты, но изменение даже, казалось бы, незначительных событий как выигрыш в казино, так или иначе, приводит к побочным последствиям большим, чем можно было предположить. Саму ткань мироздания разрывает из-за вмешательства в естественный ход истории.

— К примеру?

— Несколько столетий назад некто, пока назовем его так, очень рвавшийся до власти, воспользовался этой магией, и Великий экзархий Альрон Долгожитель вдруг беспричинно умер. За его экзархасское одеяние началась кровопролитная бойня меж множественными противоборствующими родственниками, продлившееся десять лет. Вспомните, например, Иктуса Однодневного и Алехария Братоубийцу, они ведь пробыли экзархиями от суток до года-двух. За весь период Дворцовых браней в государстве сменилось более четырнадцати кандидатов, и все они были благополучно убиты!

— Знаю, империя тогда трещала по швам из-за разразившейся гражданской войны.

— Затем, за неимением кандидатур, аристократический сенат единогласно выбирает экзархией однолетнего Эдема, внучатого племянника двоюродной сестры Долгожителя. А регентом малолетнего правителя становится кто? Инон Марие, троюродный дядя юного царя, ныне его зовут "Великим слугой короны", и неспроста. Он провел образовательные реформы, открыл по всей империи Общественные колледжи имени себя, дав возможность

низшим сословиям получать профессиональное образование. Он практически единолично восстановил единство всей империи после десятилетия неопределенности и упадка, а еще он реконструировал свое будущее, чтобы получить власть.

— Этого не может быть, он же... герой! Почему об этом никому не известно?

— Это подтверждают некоторые признания магов, которые делали реконструкции по его требованиям. Инон Марие был дальним от Великого экзархия родственником и не мог рассчитывать на наследование престола. Ну а платой за результат его трудов стали смуты и гражданская война. Он и получил, что хотел, однако за это расплачивались другие люди. Лишь немногие из магов, знающих легенду, не называют ее бредовой байкой. Рецепт этого колдовства утрачен еще с последней битвы на Обледенелых землях, и все-таки вы нашли бумаги и фолианты, доказывающие, что квантовый реконструктор не миф и не химера. Я украдкой подсмотрел в них... Не смотрите на меня, это ради науки. С уверенностью могу заявить, что мало кто, смог бы собрать артефакт с нуля, если бы у него не было прототипа

— Значит, сейчас нас может ждать нечто похожее на Дворцовые брани?

— Наверное, — сказал он как-то неуверенно. — Кто-то дал магу редчайшие чертежи реконструктора Олдеринга, которые он еще где-то взял, как и сам прототип, к тому же. Кто-то денежно вкладывался в мага и его подружку два года, пока колдовская игрушка не была завершена. И, кроме того, этот кто-то официально не существует. Мессарош сбежал, прихватив реконструктор с собой, и ныне у него есть все шансы доставить его заказчику, и кто знает, к чему это приведет в этот раз...

Сырое утро после сильнейшего проливного дождя цвело запахами озона, протухшей речной воды и спозаранку галдящим рыбным рынком. Полуоткрытое окно с мансарды дома на улице Дранных котлов открывало отличный вид на Речной порт. Оранжевый отсвет поднимающегося солнца, отраженный в редких облаках, плывущих по небесному холсту, разразился огненным заревом. Прохладный ветерок вздымал полупрозрачную занавеску, пуская в спальную запахи улицы, сдувая серебристую пыль с подоконника.

Аннабель притворялась спящей, Зола дремал позади нее и обнимал за обнаженные плечики. Его волосатая рука держала ее крепко, не давая девушке пошевелиться. Вскоре он проснулся, облобызал ее белоснежную шею, обдав зловонным дыханием похожим на запах кошачьих фекалий, и встал, скрипнув ржавыми пружинами кровати.

Она продолжала неподвижно лежать, укутавшись в накрахмаленное одеяло лицом, и ждать, когда отчим оставит ее, наконец, одну. Спустя полчаса сорокачетырехлетний Зола Брандт умылся, оделся в нестиранное белье, сорочку и брюки, нахлобучил шляпу-котелок на лоснящиеся волосы цвета перца с солью, набросил на плечи бежевый пиджак в винных пятнах, не застегивая пуговиц, и покинул квартиру.

Некоторое время, девушка продолжала лежать, высчитывая минуты с момента, когда привычно клацнул дверной замок. Она вылезла из постели и, переступая яблочные огрызки и смятые газетные листы, подошла к окну, глянув на улицу. Она увидела отчима, уходящего вдаль, и когда потеряла его из виду, стала одеваться в спешке. Девушка лет девятнадцати с розовыми глазами цвета кварца, белоснежными кудрявящимися волосами и призрачно-молочной кожей взяла горсть почерневших монет, припрятанных заранее под половицы, собрала мешок старого маминого тряпья и захватила фарфоровую куклу аристократичной леди, подарок отца-кукольника. Используя отмычку, она ловко вскрыла замок от входной двери, которую отчим постоянно запирает от нее, и покинула дом, взяв с собой изъеденный молью плащ.

На улице становилось жарко, как это бывает в середине лета, но не по сезону теплый плащ с капюшоном был ей необходим, чтобы скрыть от любознательных прохожих свою необыкновенную внешность и чувствительную кожу от губительных солнечных лучей. Липкий пот, отдающий гарью, проступал у нее под одеждой, тек тоненькими ручейками по ее спине и накапывал с влажных прядей волос. Редко попадавшие ей на открытые руки солнечные лучи жгли кожу, от чего она начинала морщиться.

Желтоватое небо над улицами Каннескара набрякало маревом топливных выхлопов, хохочущие чайки позли белоснежными кляксами по скатерти небосвода. За шиферными крышами жилищ высоко поднимались темные трубы индустриального леса, увенчанные длинными башнями сизо-черного чада. Городскую громаду разнохарактерных обиталищ окаймлял сверкающий ореол восходящего солнца. Мрачные стены домов возвышались со всех сторон, оплетенные как виноградными лозами, водопроводными кишками из меди и латуни. На перекрестке из-под сводчатой арки выкатил ревуший тягач, заставив Аннабель попятиться в испуге. Тесные улицы расступились, когда она вышла к густо заставленной брезентовыми палатками и самодельными прилавками Базарщине.

Авеню заполняли люди и Иные, они расталкивали друг друга у раскладных столов с ворованным барахлом, подгнивающей позавчерашней рыбой и тухнущими овощами, над

которыми вилась плодовая мошкara. Кто-то пихнул Аннабель локтем, она уронила мешок из рук, и все его содержимое, затаптываемое прохожими, рассыпалось на дороге.

Она пала наземь подбирать вещи, когда увидела вдали улицы знакомое лицо.

Отчим увидел ее тоже.

Она оставила вещи на дороге, взяв только отцовскую куклу и мешочек с монетами, и побежала вглубь рыночной толчеи. В висках у нее застучала барабанная дробь, пот потек под шерстяным плащом и по лицу, оставляя на губах соленый привкус. Воньца, стоявшая над Базарщиной, жгла ей горло. Она наталкивалась на прохожих, ругательства летели ей вслед.

И все-таки ей удалось убежать.

Она продолжала бежать по извилистым тропам узких проулков, чураясь просторных улиц, оставаясь в прохладной тени облезлых зданий.

Наконец, она пробежала мимо замшелой марианской капеллы и оказалась в Приюте. Она повернула на оживленном перекрестке влево и вскоре попала на железнодорожную станцию, поднялась на перрон, заплатила в кассу, получила проездной талон и опустилась на скамейку. Солнце поднималось все выше, становилось непереносимо жарко, что воздух подрагивал. Аннабель откинула капюшон назад, вытирая рукавом кофточки мокрое лицо. Зашумел четырехцилиндровый червяк, ревя и чихая, отравляя воздух клубами ядовитого дыма. Когда маги-инженеры впервые представили этот вид транспорта, весь люд честной единоголосно отказывался пользоваться железнодорожными путями, слишком он их пугал. Иногда складывалось ощущение, будто технологический прогресс идет слишком быстро, и вот-вот привычный мир сойдет с рельс на полном ходу, и катастрофы не избежать.

В этот момент, когда поезд стал подъезжать к перрону, Аннабель кое-что заметила периферийным зрением — отчима, быстро приближающегося к станции. Во рту у девушки пересохло, внизу живота возникла боль, напоминавшая о мужских прикосновениях...

Он надвигался как рок, бесцеремонно расталкивая людей на своем пути, когда поезд, выдохнув вонючий пар, мертво встал, автоматические двери алых пассажирских вагонов открылись. Аннабель протолкнулась сквозь людскую сутолоку в вагон и пристроилась в самом конце у раскрытого окошка, потеснившись с некой полноватой дамой с противной породистой собачкой. Испустив визгливый гудок, напоминающий брачный вой какого-то мифического зверя, поезд тронулся, и панорама за окном ушла вправо.

Девушка, выглядывая из окошка, заметила Зола на перроне, рассерженного, каким она его никогда еще не видела. Она облегченно вздохнула, вытерев пот со своего лба и, сжимая отцовскую куколку в ладонях, закрыла глаза, когда теплый ветер захлестал ей по лицу из открытого окна, растрепывая ее белые кудри.

* * *

Пассажирское воздушное судно первого класса "Нэллeфан" разрезало алюминиевым килем ватные облака, оставляя за собой выхлопной след. Пузатая громадина, наполненная гелием, тяжеломерно плыла над широченными лесами и оливковыми полями Ригэсской провинции, замедляясь.

Внутри роскошного салона, богато украшенного висячими с потолка херувимчиками из гипса и обшитого золотистым бархатом, было полным-полно людей, преимущественно небедных. Ханна Кольц сидела за кофейным столиком напротив затемненного окна и пила лимонно-мятный чай, слушая пианинное попури знаменитого композитора Палмера тиа

Шаха. У нее было красивое лицо, ухоженная абрикосовая кожа, лимонные завивающиеся волосы, падающие водопадом на узкие плечи, и зеленые глаза с ореховой крапункой. Она сидела в голубоватой блузе с белыми рюшками на гравированных нефритовых пуговицах инициалами "НК", стянутой шнурованным корсажем в ее талии, и в высоких сапогах.

Через скошенное окно открывался вид на приближающийся город Каннескар, этакий железобетонный спрут, раскинувший алчные щупальца на многие мили. Окутанные сизой хмарью шапки разномастных домов и речные каналы внизу становились все ближе. Ханна начала присматриваться к поблескивающей на солнце речной воде и различать плывущие баржи и рыбацкие лодчонки. Прокоптевшие гарью темные гетто и пролетарские районы, задыхающиеся от вони фабричных выбросов, сменялись центральными кварталами.

Дирижабль грузно снижался, неуклюже разворачиваясь над садами Долины скорби, и затем сел на широкую площадь перед высоким розово-желтым зданием. Все пассажиры прибывшего судна поспешили покинуть салон "Нэллефана" по серпантинной лестнице, когда служащие натянули посадочные тросы.

Здание аэродрома поражало красотой интерьера: высоченный ступенчатый потолок был расписан фантастическими сценами из домарианских мифов, а оттуда сверху свисали хрустальные люстры. В центре атриума аспидно-черный мраморный пол лизал солнечный свет, проникающий через стеклянчатый купол. Ханна катила поездную сумку с колесами на подшипниках, постукивая резной тростью из слоновой кости о мраморный пол, и надев на пружинистые волосы цилиндр с повязанной шелковой лентой серого цвета. Ее лицо сияло как начищенная монета, и, несмотря на многодневный путь из столицы и усталость, она была счастлива.

С другого конца в атриум аэродрома вошла закутанная в шерстяной плащ девушка с необыкновенно белой кожей. Отовсюду доносился рокот разносимых эхом голосов, здесь было полным-полно людей разного социального положения. В ожидании очереди в кассу, Аннабель загляделась на маленького мальчугана в матросском костюмчике, игравшего на перекладине с оловянным коньком.

Он улыбнулся ей и замахал белой ручонкой, она улыбнулась ему в ответ.

— Аннабель! — разразился гром у нее за спиной.

У нее сердце упало куда-то в пятки, и кровь пристала к лицу.

— Неблагодарная мерзавка, — Золан взял своей гролльской хваткой ее за жемчужные волосы и дернул на себя, отчего она чуть было не потеряла равновесие.

— Отпусти меня... — взвизгнула она.

Люди начали оборачиваться на крики, заинтересовавшиеся сценой семейной ссоры.

— Никуда я тебя не отпущу, мерзавка. Куда ты намылилась, а?

— Отпусти, Золан, мне больно... — взмолилась она.

— О, это хорошо, — он потянул ее волосы с такой силой, что рисковал сорвать скальп. — Ты вернешься домой, и ты будешь слушать все, что я тебе скажу. Бежать она удумала, бесстыдная тварь. Живо утихомирься! — гаркнул он и добавил, глядя на проходящих мимо дам: — Своей дорогой идите, и в чужие дела не лезьте!

— Оставь меня, Золан... — запротестовала она, колотясь в его руке как пойманная в сеть паутины бабочка-капустница.

— Называй меня папочкой, дорогая.

Она плюнула ему в лицо, он, вытирая плевок рукавом бежевого пиджака, замахнулся и ударил ее кулаком по лицу, что было сил. Она упала, взбрызнув кровью из носа пол, и

сжимая ладонями куколку, заплакала, задыхаясь от горячих слез.

Золан наклонился к ней и на ухо прошептал:

— Однажды я навсегда заставил твою шлюху-мать замолчать. И тебя заставлю, если ты будешь плохо себя вести, поняла?

От последних слов что-то внутри нее переменялось, и желудок завыл от странной щекотки. Какой-то inferнальный жар потек у нее по пищеводу и вырвался наружу изо рта горячей серебристой жидкостью, прожигая в мраморном полу дымящуюся дыру. Она закашлялась, отплевываясь от гнилостно-лакричного вкуса во рту, и вытерлась тыльной стороной ладони, размазывая алую кровь по подбородку и щекам.

Продолжая крепко сжимать в руке куклу, она медленно поднялась, столкнувшись с лицом отчима полным непонимания. Внутри нее свирепствовала стихия, и она уже давно рвалась наружу. Недолго она смотрела на него, не мигая, вспоминала разом все, что он ей сделал как, например, угрозы расправы, когда он пьяный с друзьями трогал ее, после того как она стала достаточно взрослой для этого. Или когда заколол ее мать бутылочной розочкой после очередной попойки.

— Золан, — прошептала она одними губами, но он ее услышал, будто она заговорила у него в голове.

— Что за?.. — процедил он сквозь зубы.

— Катись ты в Тартар...

Ослепительное пламя расцвело на нем, точно солнце или волшебный цветок, съедая мясо до голой кости. В считанные секунды его не стало, и Аннабель испытала облегчение. Огонь тек по полу похожий на жидкое золото, заставляя людей, испуганно пятится назад. Их лица побелели, и они выглядели так, словно их вот-вот стошнит. Вдруг кто-то завопил и это подхватили все присутствующие, взрываясь пугливым криком. Люди побросали все вещи и метнулись в сторону выхода под высокий ступенчатый портал, откуда виднелась улица.

Какофония звучащих голосов впиалась тисками в виски Аннабель.

— Этот шум... — зашептала она, держась руками за голову. — Замолчите все!

Волшебный огонь захлестал по колоннам, люстры рассыпались осколками на головы людям, оконные стекла оплавилась от ослепительных языков пламени, точно воск. Ханна отреагировала мгновенно, хватая испуганного мальчика с оловянным коньком подмышку. Она попыталась увести людей за собой из огненного шторма на улицу.

Огонь отступал перед ее нуллифицирующей аурой.

Прогремел взрыв, выбивший последние окна.

* * *

Иен проснулся от мощнейшего магического всплеска, наполнившего все лакричным запахом столь интенсивным, что у него заслезились глаза, а к горлу подступила тошнота, и он ощутил вкус желчи. Он встал и отдернул шторы, разгоняя затхлую темноту, раскрыл настежь окно и тотчас немедленно захлопнул его, зажимая себе нос. Гулко просигналила телеграфная машинка, поставленная на стол, защелкало и запричитало пишущее колесико дешифратора, выплевывая бумажную ленту с сообщением.

— Боже мой... — еле выговорил он, когда прочел телеграмму. — Маркус, просыпайся, пьянь!

— Отвали, мальчишка, — недовольно пробурчал Марк из-под подушки, махнув рукой.

— Времени нет, у нас гребаный *Исход*, красная тревога!

Марк враз вскочил с постели, скинув на пол черного пса, который на это озлобленно забрюзжал. Они быстро собрались, перед отъездом, Иен намазал себе под нос ментоловую мазь, которую мажут себе маги-криминалисты при работе с трупами в морге, чтобы его не стошнило от зловония сверхконцентрированной магии пробудившегося мага высочайшего уровня силы.

Спустя полчаса они оказались у аэродрома.

Мутно-серый дым, пронзающий небо насквозь, они увидели за крышами невысоких домов еще на подъезде. Тяжелый горелый запах пропитывал почерневшие стены, пустые окна выглядели как глазницы мертвеца. Колонные опоры обрушились, следом обвалилась большая часть потолка и стекольного купола, устлав мраморные полы колотым камнем, обломками потолочных свай и стеклом. Людские тела были всюду, ставшие головешками и приобрели вид сгоревших поленьев.

Откуда-то сверху шел снег, а точнее падал пепел.

Его подхватывал легкий ветер, задувающий внутрь через окна и зев дыры в потолке.

— Он невероятной силы, я чую его, — Иен принялся к горьковатому запаху магии не стерилизованного мага-Исхода. — Точнее ее, это юная девушка.

Исходы — доказательство того, что владение магией не дар, а проклятье.

Обладающие запредельной силой, они являют собой рожденных смертными богов из античных домарианских мифов. Большинство магов раскрываются уже в зрелом возрасте, когда их нервная система приспособляется к взаимодействию с магическими кварками, протягивающимися через саму ткань мироздания существующего мира. Это превращение всегда сопряжено с каким-то эмоциональным потрясением, высвобождающим магию. Но некоторые нелюбимцы судьбы могут оказаться более способными, чем прочие, и тогда на свет зарождаются они, маги-Исходы. Рожденные под несчастливой звездой, всю жизнь их преследуют горе и неудачи, пока однажды вся эта накопившееся боль внутри них многие годы подряд не выходит наружу, уничтожая все вокруг.

Они, движимые лишь только одним желанием, желанием облегчить эту боль, станут убивать, поскольку убийства передают им эйфорию магического насыщения и успокоение болезной души, до тех пор пока...

Пока не взорвутся, как до предела надутый воздушный шарик.

Для предотвращения этого магов-Исходов подвергают *стерилизации*, им вживляют в кости особые пластины-имплантаты из сплава железа и серебра, снижающего предельную силу Исхода до сравнительно безопасной конфигурации. Всегда есть надежда достучаться до мага, пока тот не потеряет остатки разума, захлебнувшись в алчущей пучине безумства, оставив после себя только кокон из нестабильной энергии.

Хотя проще всего просто убить его, пока это еще можно сделать, ведь когда ее магия достигнет зенита, даже золото для нее будет не больше чем конфетный фантик.

Но Иен еще не был уверен, как ему поступить.

— Куда она могла уйти?

— Думаю, я смогу взять след, — Иен обернулся на выкрики полисменов и увидел, что за ограничительную желтую веревку прошла девушка и неотступно шла к охотнику. — Эй, тебе тут не место.

Она была молода, одета несколько не по моде в шнурованный корсаж на кружевную блузку, мужской цилиндр на курчавой прическе и в высокие сапоги из натуральной кожи. Ее

симпатичное абрикосовое лицо по форме напоминало сердечко.

— Боюсь, это не так, — запротестовала она, и он услышал ее юго-восточный акцент. — Это вы Иен Маршак? Это вам.

Она протянула ему в руку запечатанный воском секретарской литерой "С" конверт.

— Это какая-то шутка?

— Никакая это не шутка, господин Маршак, сэр, — сказала она. — Я Ханна Кольц, ауто-да-фер неофит, отныне вы мой наставник.

— Нет, — коротко отрезал он. — Я на это согласия не давал.

— Иен, сейчас не время, — напомнил Маркус.

— Простите, но это так, — она несколько опешила, в ее глазах гуляла растерянность. — Верховные саны распределили меня к вам, прочтите эпистолу, сэр.

Он обреченно вздохнул и распечатал конверт, читая содержимое одними губами:

"Действующему в Каннескаре, столице Ригэсса ауто-да-феру энсину Иену Маршаку от Верховного сана магоборческого ведомства Секретария. Мы рады проинформировать Вас, что с момента передачи письма лично в Ваши руки, Вы определяетесь наставником-магистром с отличием закончившей курс бакалавра Ханны Унгер Бенедикте канн Кольц, и прошедшей биологические модификации типа "пария-ноль".

Пожалуйста, ознакомьтесь с дополнительными документами.

По всем вопросам обращаться в генеральный штаб.

Искренне Ваша, Анна К. Гиллерт, зам прокурора судебного ложа"

Он прочитал это письмо несколько раз подряд, надеясь, что неправильно истолковал размашистый подчерк Анны.

— Иен, — вырвал его из транса раздумий Маркус.

— Похоже, у меня нет выбора, — черство произнес он, пряча конверт во внутренний карман новенького бирюзового пиджака. — Я определенно буду подавать апелляцию.

Светлое лицо Ханны потухло, в глазах загуляли разочарование и обида, ей эти слова ударили прямо под дых, однако Иен не собирался быть ее нянькой. Он вспомнил, что их с Анной наставница однажды тоже подавала апелляцию, когда они приехали к ней с такими вот письмами.

Ей отказали, как откажут и Иену.

— Я видела ее, — произнесла вдруг Ханна.

Иен вопросительно вскинул бровь, мол, продолжай.

— Девушка, лет восемнадцать-девятнадцать, альбиноска. Вроде как, ее побил кто-то, и она переродилась.

— Полицейские сказали, что кто-то помогал эвакуировать людей, — сказал он. — Это была ты, значит?

— Да, сэр, — улыбочиво ответила она с голосом, преисполненным гордыней.

Невольно Иену пришла в голову мысль, что она горделива и напыщенна как он сам, но он об этом промолчал.

Батюшке Фаусту это качество в нем не нравилось больше, чем его нюх, но с самого детства он знал, что не как все, что лучше других. Он частенько убегал из стен монастыря на заснеженную гору, которая находилась в нескольких днях пути от дома, брал с собой принадлежности для похода, немного еды из монастырских запасов и пропадал на время. Добравшись до горы, поднявшись на небольшую высоту, он закрывал глаза и нюхал. Снег жег его лицо, раздуваемый морским ветром, лез ему под одежду, а он стоял неподвижно и

вдыхал запахи мира. Морская соль хлестала его по лицу, он чувствовал снег, помет альбатросов, какие-то водоросли. Он простирали свое обоняние еще дальше и находил Цвейке-Махани на побережье, нюхая запахи рыбы, лекарственных трав и домашнего скота из рыбацкой деревни, схваченные ветром. Его мир был незначительно маленьким, в округе на многие-многие километры не было больше ничего, кроме монастыря, деревни, степей и гор. Но это был его собственный мир. Он чувствовал его весь, этот незначительный мир был у него на ладони, как игрушка в стеклянном шаре с водой.

Ему казалось, что он Бог, что он умеет быть везде и сразу.

Гордыня и подростковая заносчивость подтолкнули его признаться в деревне о даре своего сверхчувствительного нюха, попасться пчеловодам и уйти с ними, не оглядываясь назад, даже не задумываясь о том, что он больше никогда не увидит свой дом и отца.

— Молодец, — он похлопал ее по плечу, но в горле у него заклинился ком, не давая сглотнуть. — Нам надо поторопиться. Марк, зови полицейских, пусть подгонят транспорт.

* * *

Красный...

Красный цвет был повсюду. Аннабель грезилось, что она, как белоснежное лебяжье перо, неспешно погружается в алое море, на самое дно, устланное черными мертвецами. Покоренные угольно-шлаковые тела покоились там, безмятежно размахивая обрубками конечностей, подхваченными течением кровавой воды как ужасающие темные водоросли, или грешники, возносящие руки к небесам из глубин Тартара. Аннабель опускалась к ним, ее ослепительно белые кудряшки растрепывались, точно как и алебастровое платье. Затем она опустилась на самое дно, и ее подхватили множества рук, оставляя на кипенной ткани маслянисто-черные следы, и начали ее утаскивать вглубь гнилостно-трупного ила. Они впивались в ее кожу окровавленными культиями вместо пальцев.

Она раскрыла глаза и поняла, что лежит в прохладной тени разросшегося кустарника айвы на влажной почве, и что совершенно нага и грязна от приятно пахнущей травы. Она поднялась, медленно вышла из тени четырехэтажного дома, и тогда солнечный свет начал касаться ее светочувствительной кожи. Но ожидаемой боли не последовало, свет ласково лизал ее белое тело совсем без волдырей. Она все шла дальше по мощеной булыжником дороге вдоль набережной с выходом на Имперский канал, где протекала взятая человеком в узду река Занюшка, огибающая город и наполняя его артерии-каналы вонючей водой с тиной. Прохожие то и дело оборачивались на девушку-альбиноску без одежды, показывая всем своим видом шок и укор. Она покачивалась из стороны в сторону, будто была пьяна, она чувствовала, как мир изменяется вокруг, как залиристо течет золотая пыль магических кварков, растекающаяся повсюду, и эта пыль напевала лишь в ее голове, точно церковные хоралы, окаймленные звоном колоколов. Ангельская музыка становилась то еще громче и торжественнее, то проваливалась в безмолвный вакуум, когда уличный шум перебивал ее на полуслове.

Впереди появились какие-то мужчины.

— С вами... все в порядке? — спросил один из них, мужчина на велосипеде в костюме-тройке, и его противный голос заглушил ангельский хорал.

— Вы же совсем голая, вам нужна помощь? — спросил второй, и его голос впился ей в виски тисками.

Она ощутила жжение в горле и отрыгнула серебристую жидкость. Внутри ее живота зашевелилось что-то, норовя вылезти наружу, какой-то фантомный червяк, извивающийся в кишках. Он больно хлестал извилистым телом внутри ее потрохов, рвя их. Ей захотелось услышать ангелов еще хотя бы раз. Она рефлекторно вскинула руки, и двоих незнакомцев разорвало, будто внутри них взорвался тротил. Красный цвет был снова повсюду, а вместе с ним снова зазвучали колокола, и золотистая пыль запела ту же прекрасную песнь.

* * *

Пока Иен, Маркус, неофитка и Збынек тряслись в бронированной самоходке, сидя на неудобных скамьях, Иен проверил барабан револьвера: десять золоченых малокалиберных пуль и еще полкоробки с собой во внутреннем кармане пиджака. Надо быть во всеоружии, так как магу-Исходу даже несколько выстрелов золотом — все равно, что гроллю дробина, если стрелять, конечно, не в голову. И все-таки убивать несчастную девушку в его планы пока что не входило, Маркус же был прямо противоположного мнения.

— Она продвигается вдоль Имперского канала, я чувствую ее, — пробубнил Иен. — Помни, Марк: мы должны попытаться спасти ее, не убивать. Если станет явно, что из помутнения ее не вытащить, тогда да, и только тогда, ты меня понял?

— Наставник-магистр, смотрите, — сказала Ханна, выглядывая в решетчатое окошко, и обращаясь к нему официально.

— Водитель, остановитесь, — он приоткрыл перегородку между кузовом и салоном.

Они вышли и увидели жуткую картину: мощеная дорожка была вся в потрохах, меж выпуклым булыжником текли красные ручейки. Ужасающе интенсивно пахло лакрицей и горелым железом. Крохоборы радостно пищали, как дети радуются конфетам, утаскивали оторванные фаланги и мясные косточки, точно стервятники, гоняя чаек, хотевших также поживиться человеческими кусочками.

Иен видел, как вырвало Ханну.

— Она уже не выйдет из помутнения, — сказал Маркус. — Уже много убийств, и она не остановится. И черта с два я позволю тебе ставить жизнь помешавшейся ведьмы выше остальных людей, — безапелляционно заявил он с желчью.

— Я вынуждена, согласится с вашим апотекарем, наставник-магистр, — Ханна встряла в разговор, вытерев губы платком. — Судя по всему, девушка в помутнении уже почти час, а желание убивать у нее не пропало. С каждым следующим убийством ее магия растет по экспоненте, скоро нам не справится без поддержки военных, а если она просто взорвется...

— Я лучше знаю, как выполнять мою работу, так что держи свои советы при себе, — зло ответил Иен.

Она ошарашено посмотрела на него, Маркус укоризненно цокнул языком.

Когда война бушевала на Восточном архипелаге, Марк служил в военно-воздушных войсках империи, и именно тогда и случился инцидент, положивший конец его армейской карьере. Во время воздушного сражения с вражеским дирижаблем гретчан-пиратов юнга с небесно-синими глазами взорвался магией, и случилось крушение. Погибло большинство храбрых матросов, но Маркус выжил. В тот день он твердо осознал, что каждый из людей — пороховая бочка с поднесенной зажженной спичкой.

Ханна вынула из своей сумки пару громоздких окуляров с красноватыми линзами и обследовала окружение, пощелкивая латунные язычки переключателей, настраивая спектр

анализатора.

— Надо поторапливаться, время не ждет, — сказал Иен.

— Есть, командир, — насмешливо сказал Маркус.

— Да, наставник-магистр... — сдерживая укол обиды, промямлила Ханна.

* * *

Инфернальные колокола в голове Аннабель привели ее на городскую площадь, где была знаменитая базилика "Святой Марианны", взятая городскими властями под здание театра оперы и балета. Прямоугольное здание ключальни с вытянутыми арочными окнами с мозаикой из разноцветного стекла, ранее предназначенное для крещения младенцев, и высокая колокольня триумфально возвышались над просторной площадью. Зазубренные крыши кирпичного цвета украшались мраморными скульптурами арфистов с латунными венками из терна на кудрявых головах. Арфисты играли свою музыку бронзовому ангелу исполину, распростершего свои три ангельских крыла по сторонам на запад, юг, восток, а рукой указывающий на север, туда, где однажды был рожден мессия, первый марианский меченосец, сын богородицы Марианны, подаривший людям знание о том, как охотиться на ведьм и колдунов. Ангел, в складках ткани, скрывающих часть его фигуристого тела, и сандалиях, держался второй рукой за пик колокольни, стоя у самого края крыши.

Аннабель музыка приманивала туда, точно мотылька на свет свечи. Разница лишь в том, что на этот раз Аннабель была и мотыльком и тем самым пламенем. Она шла, вся в крови, и не только своей, угольно-черной саже, объятая едва уловимым свечением. Люди удивленно сворачивали головы, наблюдая обнаженную альбиноску, идущую по площади. В ушах ее звучал колокольный перезвон, наполняющий ее душу теплом. С удовольствием она ощущала окружающий мир так, как не ощущала его прежде: вкусы, запахи, цвета, все переменилось и стало каким-то незнакомым. Она встала посреди площади, в окружении многих людей. Ангельская песнь в ушах на миг затихла, чтобы разразиться новой частью. Аннабель рефлекторно подняла ладони и прикрыла глаза.

Сначала заиграла волшебная флейта, так легко, словно паря в небесах, и поднимаясь все выше над облаками. Звонкий одинокий напев флейты-скиталицы подхватили альты и виолончели, задавая размеренный ритм, словно накатывают морские волны, захваченные соленым ветром. Чарующая флейта поднималась все выше, но струнный ритм притягивал ее к воде, точно якорем, а затем взрыв золотистых брызг и колокольный звон. Огненный шторм заплясал по площади, захлестнув прохожих языками. Обрушились литавры, точно гром среди ясного неба, огорченные падением флейты. Маленькое солнце растекалось по площади, из глаз Аннабель, окаймленных белыми ресницами, потекли серебристые слезы, губы дрогнули. Зазвучал хорал, сначала запели мужчины-баритоны, словно тяжеловесный кит вырос из водной черноты. Они пропели свои первые слова, когда над ними зазвучали женщины-контральто, а струнный ритм громогласно бил по ушам, пока ангельские голоса возникали посреди морских волн.

В одной руке Аннабель держала фарфоровую куколку и дирижировала ей играющей лишь в ее голове музыкой. Вокруг кричали люди, но она уже не слышала никого из них. Пепельные бабочки застревали в волосах и ресницах, будто это выпавший в середине лета снег. Прозвучал колокольный перезвон, струнный ритм смолк, ангелы запели следующую часть церковного гимна, который Аннабель когда-то слышала в детстве...

Вдруг ее будто б из ведра окатили холодной водой, чарующая музыка оборвалась, и Аннабель открыла глаза. На ее пути встали охотники, их нуллифицирующая аура уколола ее, впившись в энергетический кокон, окутавший ее тело. Душераздирающий вопль сошел с ее губ, когда Иен стал разбрасывать *метки*. Те на миг сбили Исхода с толку, уничтожая магическое поле, и огненные щупальца уменьшились. Но та злоба, нашептывающая в уши девушке из недр вселенской нереальности, придала сил, и она сожгла противомagicеские *метки* в пепельные хлопья.

Иен стрельнул ей в плечо, золоченая пуля вошла в молочную кожу, как раскаленный нож в масло, из раны брызнула серебристая жидкость, и повалил едкий сладковатый дым. Исход схватилась за рану, попятившись босыми ногами спиной от охотников. Это ее тоже не остановило.

Она вскинула руки вперед. В ненавистных охотников выстрелила телекинетическая волна, поднявшая в воздух обгорелые головешки. Иена ударила одна из летевших в него туш кого-то из заживо сожженных жертв мага, он упал лицом вниз, разбив нос. Аннабель потянула за телепатические нити, и площадь начала проваливаться в бездну. Ханна первая поднялась на ноги, и побежала к магу, сверкнув серебряной шпагой, которую она прятала в слоновой трости. Маг играючи откинула нерадивую неофитку каменным градом.

Иен осознал, что выронил револьвер, и его уже поднял Маркус, целясь в мага.

Иен знал, что он не промахнется и попадет ей прямо промеж глаз.

— Збынек, фас! — крикнул он.

Черный пес все понял, он всегда понимал своего хозяина с полуслова.

Он в несколько прыжков набросился на аптекаря, и выстрел револьвера пришелся в сторону. Когда Маркус оттолкнул пса, чтобы попытаться прицелиться снова, пес вцепился в его руку, с силой вонзив белоснежные клыки в рукав, ткань тотчас потемнела от крови.

Револьвер упал.

Иен поднялся, вытирая рукавом новенького пиджака лицо, взял револьвер и зашагал к магу, юрко отпрыгивая от артобстрела булыжниками и обломками дорожного асфальта. Аннабель старалась как-то извлечь из дымящейся раны золоченый патрон, хныча и кляня приближающегося охотника. Когда ауто-да-фер подошел вплотную, уходя в лихом танце со смертью от бомбардировки всем, что только попало магу под руку, он схватил ее за кисть, и девушка бессильно повисла в его колкой от магической пустоты ауто-да-ферской ауры хватке, как гуттаперчевая кукла.

— О чем ты думал, бесовский дегенерат?! — закричал на него Маркус, сидя на коленях перед Ханной. Она была без сознания, несколько ушибов и кровоточащая рана на щеке.

— Я думал о том, чтобы спасти ее.

— Спасти?! Это нас надо было от нее спасать, и всех этих убитых ею людей!

— Она была не в себе, она Исход, и никогда без жертв их появление не обходится.

— Ты вообще хоть иногда сам слушаешь, что говоришь?

— Я поступил правильно, — безапелляционно заявил Иен, точно уверенный в том, о чем говорит.

— И ты, конечно же, сам решаешь всегда, что правильно, а что нет, так? — смешливо сказал он.

Иен не ответил ему, взял альбиноску на руки и, прихрамывая, пошел к полицейской самоходке с разбитыми окнами и подмятым бампером, стоящей неподалеку.

Шофер лежал разбитым в кровь лицом на баранке руля.

— Оглянись вокруг, — зарычал Маркус как старый лев. — Эта цена твоей правды. Ты позволил всем этим людям погибать, хотя мог застрелить эту ненормальную. Одна жизнь мага стоит жизней нормальных людей?

— Нормальных? Они такие же люди, как и все мы, возможно, даже важнее всех нас, потому что больше чем кто-либо способны менять этот мир.

— Они фермерский скот. Не выдумывай глупостей на их счет. Ты ауто-да-фер, пастух стада, твоя работа — убивать порченных овец, чтобы избавлять людей от инфицированного мяса. А еще ты круглый балван.

— Ты всего лишь полевой врач, аптекарь, но не охотник, не тебе меня учить.

— Есть, сэр, — он саркастично отдал ему честь. — Ты себя считаешь непогрешимым и правым во всем. Ты считал себя правым даже после случая с Анной? Она простила тебя?

— Замолчи, Маркус.

— Я-то знаю, что ты сделал с тем реаниматором, Иен, — сказал он. — Из-за тебя мы не смогли допросить мага и узнать, что же, Бога ради, скрывалось за всеми теми убийствами, и ведь вслед за тем возник этот маг-кузнец, с которым они были в одной упряжке, там, в Орлике...

— Я не понимаю о чем ты.

— Все ты понимаешь. Раз за разом ты совершаешь глупости, и всегда уверен, что ты прав, а остальные неправы.

— Ради всего святого, Маркус, — зашипел он.

— Ты напыщенный индюк.

— Катись в Тартар.

— Мы все уже там, или скоро будем, благодаря тебе, — он отпил из фляги.

Когда юнга на дирижабле взорвался магией, и случилось то крушение, Маркус и еще несколько выживших матросов не один день дрейфовали посреди океана на обломках. С ними, к счастью, оказался полевой врач, который спас их от смерти от полученных ран. И потом их пленили серокожие. Маркус с матросами находились в плену у гретчан-пиратов с месяц или больше, пока их не освободила спасательная группа. С тех пор Маркус всеми фибрами души ненавидел полеты и магов-Исходов за их неконтролируемую мощь, но по не имеет ничего против законопослушных обычных магов, хоть и относится к ним как к фермерскому скоту. Люди перестали сжигать магов на кострах и топить их в реках, хоть и возвели вокруг них крепостные стены из всяких табу и запретов, а взамен на относительно свободную и относительно счастливую жизнь они создали современный мир таким, каким его уже не представить без магии, угля и пара.

Но люди называют их "скотом", и это несправедливо, подумалось Иену.

Иен был с этим категорично не согласен. Хоть его воспитывали в монастыре, и не обошлось без попыток вдолбить в его ребяческую голову предубеждения по отношению к магам, оказавшись в столице империи, когда пчеловоды взяли его с собой, он был просто в восхищении от того, каков был весь мир за стенами монастыря! Чудотворная медицина, паровые машины, электричество, газопровод и водопровод. Все это оказалось возможным только благодаря задавленным, бесправным рабам человечества, всемогущим божествам, закованным в цепи титанам из меди, бронзы, серебра и проклятущего золота.

Иен вез альбиноску на "Адель-ленд", и, поднявшись по разводному мосту к острову магов, он пожалел, что не чуял дивный яблоневоый запах садов Долины скорби: он сломал нос, и мир для него потерял цвета. На острове, разделенном от города водой, находилась

территория магического сообщества. Среди яблоневых и грушевых рощей и зимних садов, сокрытых под стекольчатыми сотами теплиц, находились общежитие, исследовательский полигон, планетарии, Каннескарская маговская школа и Медицинский корпус магов, куда Иен как раз и направлялся. Маленький рай, оазис научного просвещения посреди пустыни всепожирающей человеческой глупости.

Иен вырулил к МКМ, беломраморный стан которого от фундамента до украшенного горгульями карниза и крыши с зубчатыми стрелами орнаментировал объемистый рельеф с изображением знаменитых магов-врачей, основоположников современной школы магии врачевания.

Под сводами крыш выступали подпирающие столбы из черного мрамора.

На верхних этажах имелаась глубокая ниша, в которой стояла свинцовая статуя Гвидо и властно смотрела вниз под полы складчатого одеяния. Иен вошел в центральный портал МКМ. На своем пути он встретил толпы обряженных в желтые мантии магов-эскулапов.

Они глядели на него и шептались.

— Иен Маршак, — обратилась Гурдун тиа Кар к нему, стоя на широкой лестнице.

— Вы, конечно, почувствовали, что случилось, — кивнул он ей и подошел. — Вы знаете об этом по той же причине, по которой и я. Вы почувствовали магический всплеск, как я, почуял его нюхом и отправился на ее поиски, и вот вы собрались здесь.

— Она ранена, — заметила тетраконклавка, в ее голосе он не услышал эмоций, только констатацию факта.

— Да, золоченая пуля, — кивнул он. — Надеюсь, вы сможете ее извлечь?

Она утверждающе кивнула, девушку подхватили двое магов и унесли по лестнице в операционную. Кукла аристократка осталась в ее руках.

— У вас кровь на лице, Маршак.

— Да, верно.

Вокруг повисло какое-то недружелюбное молчание. Гурдун недолго любила Иена, а большинство магов и вовсе побаивались его, и лишь небольшой процент сознательных их братьев относилось к нему непредвзято. Однако теперь в некрасивом лице тетраконклавки ощущалась подавленная благодарность и даже ошеломление. Она выглядела так, будто бы не могла определиться, что ей нынче чувствовать к нему. Она быстро взяла себя в руки, ее лицо приняло сосредоточенную беспристрастность, что и неэмоциональные имплантные глаза слепой пророчицы, увитые аспидами кабелей.

— Вы решили спасти ее, — снова констатация факта, на ее лице не дрогнул ни один мускул. — Почему вы не застрелили ее?

— Она убивала не по своей вине, — ответил Иен. — Она юна, и я смог ее обезвредить, а значит, она еще сможет пожить и выплатить сполна долг обществу той пользой, которую могут оказать только маги-Исходы.

Иен говорил то, что думал, и его ответ вызвал взрыв одобрительного шепота за его спиной. Иен полагал, что поступил правильно, хоть и нарушил устав. Он всегда старался поступать правильно, по совести, не по правилам, которые навязывали ему совсем другие люди.

— Спасибо, — сказала она и пожелала скорее уйти. В ее, казалось бы, безынтересном сухом голосе Иен отчетливо уловил что-то кратковременно теплое.

— Гурдун.

— Да? — она остановилась, не оборачиваясь.

— Я могу встретиться с уполномоченным архимагом Тетраконклава? Неофициально, если вы понимаете...

— Боюсь, сегодня он не сможет с вами встретиться, — сказала она. — Но я сообщу ему о вашем желании. Если он найдет время для вас, вам сообщат. Всего доброго.

Иену любезно предложили воспользоваться уборной, умыть лицо.

Пес сидел у него в ногах, поскуливая, когда он вошел в умывальный зал.

— Чудовищный день, дружище, а? — сказал он псу, его хрипловатый голос разразился эхом по просторному помещению, отделанному лазурной плиткой. — Боюсь, теперь у меня будут большие проблемы. Секретарию не понравится, что я пренебрег буквой догматория и не прикончил Исхода. Надеюсь, я смогу встретиться с Ласло и получить его протекцию от лица магического сообщества. Мы давно не виделись, но он ведь должен помнить меня и то, что нам вместе пришлось пережить.

Он вытер лицо полотенцем и усталился на свой сломанный нос.

— Кроме того, любопытно, что после того случая с квантовой игрушкой Олдеринга появляется Исход. Может быть, это побочное последствие вероятностного вмешательства в будущее, которое предрекал тот маг-криминалист? Как его?.. Ульрих. Как ты думаешь?

Пес раскатисто залаял ему в ответ.

— Я так тоже подумал.

Часть вторая
ОХОТНИЧИЙ ПЕС

Во сне Иен видел почерневшие небеса, из них прямо на город падали обмякшие тела людей. Они чудовищным ливнем ударялись об асфальтовые дороги, крыши, застревали в зубчатых копиях заборов. Громовой перестук кукольных туш о земную твердь напоминал барабанный бой. В чернильном небе вспыхивал горящий ореол закрытого луной солнца. Маковые головки расцветали, окаймленные красными брызгами света в мертвецкой тьме. Алебастровое платье Анны, тысячи трупов мужчин, женщин, уличных животных и некое рогатое чудовище, затаившееся в недалеком будущем, промелькнули в бурлящем котелке разгоряченного страхами разума Иена, прежде чем он проснулся в холодном поту.

Это было... предчувствие.

Как всегда, его разбудил сигнальный гудок телеграфа. Он, продолжая какое-то время неподвижно лежать, уставившись в потолок, перебирал в уме промелькнувшие на границе сна волнующие его образы. Иен с превеликим трудом встал с кровати, сдерживая рвотные позывы и головокружение, сопровождающееся метеоритными зарницами в глазах, зажег свет в лампе, выхватывая из затхлой тьмы настенные часы, и хрипловато констатировал:

— Одиннадцать ночи...

Он подошел к телеграфу и взял напечатанную ленту.

Очередное зверское убийство.

— Вставай, Маркус, — сказал он.

Маркус перевалился на другой бок, закрываясь одеялом, и продолжил подремывать. Иен вошел в ванную комнату смыть остатки тревожного сна. Встретившись лицом к лицу со своим отражением, он отметил, что сегодня выглядел хуже обычного: заспанные глаза были в кроваво-красную паутину капилляров от недосыпания, нижняя губа была разбита, а переломанный нос заклеен пластырем на пол-лица. Сегодня ранним утром им пришлось опять выйти на дело, несмотря на то, что только вчера они ловили мага-Исхода.

Мэр города приказал перекрыть проезды на "Адель-ленд" и развести мосты, потому что к острову подтягивались протестующие магоненавистники и родственники погибших в руинах аэродрома с раннего утра. Полицейские гоняли их все утро, в то время на другом конце Каннескара произошел взрыв.

Вчерашний всплеск магической энергии Исхода взбудоражил магов всего города, и в приступе магической эйфории один такой, Олли, пошел в разнос. Он работал техником в банке, чинил вычислительную аппаратуру. Вдруг этим утром у него сорвало башню, и он попытался ограбить банк, в котором проработал уже двадцать с хвостиком лет. Поскольку он был совершенно неадекватен, Иен застрелил мага. Но прежде ему изрядно пришлось с ним помучиться, так как он взял сотрудников банка и простых посетителей в заложники. Олли удалось ранить нескольких полицейских, но никто больше, слава Богу, не пострадал и не был убит, а вернувшись в гостиницу, все завалились спать без задних ног.

Размышления охотника перебил еще один сигнальный гудок телеграфа.

Он вернулся в комнату и взял напечатанную ленту.

Он перечитал сообщение дважды.

Дисциплинарный суд над ним по делу мага-Исхода был назначен на конец лета.

— Вставай, у нас дела, — повторил Иен.

Он неспешно оделся в фисташковую сорочку, темные брюки, туфли и завязал на шее

сиреневый платок. С прикроватного комода взял секретарский жетон и револьвер в кобуре на ремешке, и оставил Маркуса одного, набросив черный шерстяной плащ на нефритовых пуговицах себе на плечи.

— Вставай, — громко сказал он, постучав в дверь номера неофитки.

Иен спустился в харчевню, где еще было полным-полно клиентов-полуночников.

Полуночный ужин ему принесли быстро — вкусный морковный крем-суп, жаренный на оливковом масле хлеб и поджаристый стейк из свинины. С тоской он представлял как все это пахло, но сейчас из-за травмы носа он совершенно не чувствовал запахи и вкусы, и мир стал, как фотокарточки, черно-белым и безысходным. На дело они отправились час спустя на присланной заждавшимся их Эрнстом полицейской самоходке. Ревел двигатель броневика, в кузове пассажиров подбрасывало, а сквозь решетчатые окна вспыхивал свет редких ночных фонарей с промозглой от мороси улицы.

Наконец, через полчаса они прибыли в Приют.

Они покинули броневик, и тогда над ними вырос бетонный многоуровневый дом с множеством деревянных балконов, над которыми покачивались на ветру струны веревок для сушки постиранного белья, отхлестывая мокрые шлепки и хлопки. В окнах горел свет, жители дома в поздний час не спали. Желтый серп луны полизывал грязноватые бетонные стены, выглядывая из-за свинцовых туч.

Лоренсена Иен заметил не сразу.

Тот стоял под проржавевшим козырьком в крошечной тьме, ниспадающей от навеса тени, и только огонек сигареты предательски выдавал его местоположение.

— Наконец-то, — угрюмо буркнул он. — Вы могли бы еще до рассвета дотянуть.

— Детектив-инспектор, давайте вы обойдетесь без комментариев, и мы сразу пойдем внутрь? — устало попросил Иен, не горя желанием вступать в словесную перепалку.

— Отчего бы не пойти? — он бросил недогоревший бычок, придавив носиком туфли. — Мне не терпится вам показать кое-что интересное.

— Надеюсь, оно интереснее того случая с той беременной чудачкой инолюбкой.

— О, я обещаю, вам понравится.

— Что-то я сомневаюсь...

Они поднялись по подгнившей деревянной лестнице на верхний этаж, где было сыро из-за прохудившегося потолка, и на плиточном полу образовывались лужицы накапавшей дождевой воды. От квартиры, где произошло убийство, разило смертью, что дышать стало трудно. Кухня была огорожена фанерным перекрытием от спальни, на полу, выложенном шахматной доской плиткой лежал перевернутый обеденный стол вместе с остатками еды и разбитой посудой.

Рядом лежали двое малолетних мальчуганов со вспоротыми горлами и поджаристая женщина с лошадиным лицом (ее розовато-серые внутренности выпадали из разрезанного живота в растекшуюся лужу крови), в жилистых пальцах она мертвой хваткой удерживала тяжелую чугунную сковороду. Отец семейства, толстоватый капеллан, валялся поодаль от всех лицом вниз с тупой раной на затылке.

Над побелевшими телами вились мухи.

— Кто же их так? — спросила Ханна, когда ей удалось подавить рвотные позывы.

— Они сами, — заявил детектив, передавая Иену в руки планшет с заметками магов-криминалистов о проведенном досмотре места преступления. — Капеллан напал на двоих сыновей с кухонным ножом, — он указал на лежащий рядом с капелланом окровавленный

нож. — Супруга бросилась на него со сковородой, а сыновья пытались драться.

— Вы уже опросили соседей? — осведомился Иен.

— Еще бы. Соседи слышали все, и случилось это еще вчера.

— Вчера?! Они сообщили о случившемся в полицию только сейчас?

— Это диаспора марианского прихода, Маршак, они все здесь религиозные фанатики поголовно. Они посчитали это одержимостью злыми силами и...

— ...Они выжидали суточный цикл, — понял он, и, глядя на вопрошающего детектива, пояснил: — По правилам Старой церкви, если Лучафэр вселиться в человека, то он может находиться в захваченном теле не более одних суток, двадцати четырех часов, после чего возвращается восвояси в Тартар. Если кто-то приблизится к жертве одержимости раньше выдержанного карантинного срока, дьявол переметнется в него. Церковники принимали за одержимость лихорадочные припадки, insult, эпилепсии, ночной ужас и лунатизм... Клирик запирает такого "одержимого" в крипте храма, и в антисанитарии без медицинской помощи, человек частенько умирает, после чего оставалось только его похоронить по всем церковным канонам.

— Сумасшедшие люди, — проворчал Марк, пригубив из фляги с виски.

— Но это была Старая церковь... Сейчас марианские клирики этим не промышляют и уже давно, после церковной реформы, проведенной еще до того как власть на континенте захватил Гвидо.

Последние несколько веков империя вела политику обезглавливания традиционной церкви, но многие необразованные и нищие люди продолжали называть себя верующими, не зная элементарных правил этой самой веры, следуя заплесневевшим суевериям.

В настоящее время Первоотец в умах просвещенных людей задохнулся от ядовитого мануфактурного чада под несмолкающий речитатив шестерней. "Бог мертв, и ему никогда не воскреснуть" — с уверенностью заявляют они, те, кого религиозное меньшинство зовет "калечеными безбожниками". Но вовсе не всемогущий Бог воздвигнул гигантские города-мегаполисы, открыл людям чудо медицины, электричество и паровую тягу.

Не Бог, но немногие люди, обладающие необыкновенным даром изменять мир.

— Ханна, доставай спектральные очки, — посоветовал Иен ей. — Обследуй помещение.

— Покиньте наш дом, дьяволы! — донеслось с коридора.

— Что там происходит, Бинксли? — крикнул Лоренсен.

— Непокойная женщина, сэр.

— Какая еще женщина? — осведомился Иен, но она, точно ошпаренная, уже вбежала в квартиру, сбив малахольного ассистента с ног.

Это была женщина лет пятидесяти или больше с отточенным лицом и закрепленным шпилькой пучком мышинных волос. На голове у нее была сеточка для волос, с тощей шеи свисал посеребренный окрыленный перьями ключ, а на плечи был накинут персиковый халат с оборванными белыми нитками на местах пуговиц.

— Идите прочь, дьяволы! — кричала она, надрывая голосовые связки, тыча пальцем в магов-криминалистов. — Вы привели в наш дом этих дьявольских ублюдков!

— Успокойтесь, — строго сказал детектив-инспектор. — Это служащие полиции, и они будут здесь столько, сколько потребуется.

Он попытался взять ее за плечо, чтобы вывести из квартиры, когда она плюнула ему в лицо. Он, не задумываясь, отвесил ей гулкую оплеуху, отчего женщина прикрикнула и свалилась на четвереньки.

— Уберите эту опущенную курицу с глаз моих, — приказал он, вытирая плевки.

Полицейские схватили ее за подмышки и потащили из квартиры.

— Вы слишком погорячились, — прокомментировал Иен.

— Может быть, — легко согласился он. — Однако это неуважение к полиции, и ко мне.

До вашего приезда она успела всех тут достать. Председатель этой нищенской дыры. Она убедила жителей дома не вызывать нас до истечения двадцати четырех часов. Вероятно, что другие жильцы не все были солидарны с этим решением, тем не менее, она оказалась убедительной в своем религиозном рвении, хотя, судя по вашим словам, не разбирается в современных церковных догматах, суеверная старуха. До вашего приезда она пыталась не пропустить полицейских магов.

— Здесь есть золотая пыль, — сообщил маг-эскулап, осматривающий тело капеллана. — Вот здесь, на шее, — он указал на тоненькую розоватую бороздку под подбородком.

— След от удушения? — осведомился детектив. — Но его убили ударом сковороды...

— Стойте, а у остальных членов семьи тоже есть такие отметины? — спросил Иен.

— Вы правы, сэр, — произнес второй маг после осмотра. — И везде помимо серебряной и золотой пыли еще и следы железа-никеля.

— Позвольте объяснить, детектив-инспектор — сказал Иен в ответ на вопросительный взгляд Лоренсена. — Марианские атрибуты веры с ортодоксальным окрыленным ключом с серебряным или золотым напылением делаются из сплава железа-никеля. Догматы церкви требуют, чтобы верующий носил ключ и не снимал его до самой смерти, так как без него ему не открыть врата в Райский сад, и он станет неуспокоенным призраком, слоняющимся по чистилищу. Клирики покои веков рассказывали это, для того чтобы люди не забывали носить атрибуты, которые были противомagическими средствами от легких чар и проч. Могу предположить, что кто-то стянул атрибуты с шей членов семьи, пока они все спали, дабы манипулятивное заклятие сработало без погрешностей. Судя по первичному осмотру дома магами-криминалистами (вблизи не было обнаружено никаких магических кругов) и следам от удушения на шеях можно сделать предварительный вывод, что маг-отступник положился на дистанционное действие, требующее предельной концентрации, потому-то он и должен был избавиться от препятствий. Однако это должен был сделать человек, маг не мог снять атрибуты без последствий для него. Противомagические металлы причиняют магам при прикосновении сильнейшую боль и даже через ткань, — умозаключил он. — Кто-то действовал с магом в сговоре, и, вероятно, их было несколько человек. Ханна?

— Ничего, вообще, — разочарованно ответила она. — Прошло слишком много времени, и магические следы попросту выветрились.

Вдруг что-то зашумело за фанерной перегородкой в дальней части квартиры.

— Что это за шум? — спросил Иен.

— Здесь маленькая девочка... — ответил Бинкли, открыв дверь бельевого шкафа.

Они все уставились на неожиданного пятого участника кровавого водевиля, девочку лет девяти с заячьей губой и вороновыми волосами, заплетенными в косу. Она была одета в платице небесно-голубого цвета в горошек и поношенные сандалии. Ее пугающее лицо не выражало эмоций, рот беззвучно что-то произносил, водянистые глаза смотрели в одну точку.

— Кто она? — спросил Иен, но детектив только пожал плечами.

Один из магов-эскулапов наклонился к девочке, внимательно обследуя ментальными

щупальцами ее на предмет каких-нибудь травм. Иен с неофиткой и аптекарем оставались в стороне, чтобы не помешать магам своей нуллифицирующей аурой. Збынек любопытно нюхал руки девочки. К ней подошел второй эскулап, он прикасался к ее лбу подушечками пальцев и пытался войти с ней в поверхностный спиритический контакт, так как на любые их вопросы девочка только неэмоционально таращила глаза-блюдца.

В процессе обследования обнаружились ссадины и следы недавних побоев.

— Она может быть новорожденной ведьмой? — тихо спросил Лоренсен.

— Нет, конечно... — задумчиво произнес Иен. — Магические способности проявляются лишь у взрослых. Минимум к шестнадцати годам, и то это редчайшие случаи.

Некоторое время оба мага продолжали осматривать девочку, как вдруг ее кукольные глаза забегали вправо-влево, а ее заячий рот отпрыгнул слова одной страшилки: "Жил-был игрушечных дел мастак, и не было у него детей. Слепил он себе двух сыновей из красного пластилина, вставлял в них проволочки и делал им причудливые личики с пуговичными глазками. Попросил он волшебницу оживить пластилиновых сыновей, и оживила она их и предупредила, чтобы он вскармливал их три ночи человеческой кровью. Первой ночью он зарезал кухонным ножом выпивоху и вскормил своих сыновей кровью. Второй ночью он перерезал глотку одинокой старушке и снова вскормил своих сыновей кровью. Они были ненасытны, и на третью ночь они выпили кровь игрушечника, и сняли кожу, и слепили из пластилина на его костях. С тех пор в ночную пору трое пластилиновых кровопийц гуляли по улицам города, одевшись в плащи, и устраивали кровавые пиры..."

Маг, изучавший мозг девочки, накинудся на другого мага с дичайшим хохотом.

Его телепатический клинок скользнул по магическому щиту защищающегося мага и высек град искр, последовала мощная ударная волна, выбившая окна. Все, кто находился в квартире кроме охотника, неофитки и аптекаря, повалились на усталый стеклом пол. Озверевший маг прорвал магическую защиту собрата, как полиэтиленовый пакет, и рассек его пополам от макушки до пят. Кровь была разбрызгана всюду, разлученные половинки раскидало по сторонам с кишками и посыпавшими внутренностями. Иен выстрелил, убив взбесившегося мага золоченой пулей.

Лицо Ханны было побелевшим, как крахмаленая простыня.

— Я вижу... — промямлила она, сглатывая.

— Что ты видишь? — нетерпеливо переспросил Иен.

— Магический след, — она была в спектральных очках. — Он идет от нее, от девочки, но быстро затухает...

Девочка снова беззвучно хлопала ртом, стояла сандалиями в рубиновой луже.

— Дети не проявляют способности к волшебству, это общепризнанный факт, — Иен начал размышлять вслух. — И, при всем при этом, как тогда она осуществила ментальную инвазию в мозг профессионального мага? Быть может... она что-то вроде проводника или передатчика магии для спиритуалиста, что выскоблил из ее черепа сознание и поместил в ее мозг приказ — "убей их всех"...

— Я говорила, говорила, — закричала из коридора председатель.

— Выведите ее вон уже, кто-нибудь, — заорал Лоренсен в ответ.

Иен молниеносно выбежал за ней в коридор.

— Мне надо у вас кое о чем спросить... — сказал он.

— Нам не о чем разговаривать, — запротестовала она.

— Я ауто-да-фер, — ответил он, тыча секретарским жетоном ей в нос. — Вы же знаете,

кто такие ауто-да-феры?

— Маллеус Малефикарум, охотник на ведьм?.. — ее лицо смягчилось. — Ну, хорошо.

— Мы нашли маленькую девочку, кто это?

— Эдит, приемная доченька Дугласа Клэнси, — она процедила молитву "Богородица, сохрани". — Она отмечена Родителем лжи, вы же видели ее заячью губу? Это его отметка. Эдит погубила Тамару, Дугласа и их сыновей, да защитит Первоотец их от Лукавого.

— Они били свою приемную дочь? — осведомился он.

— Уж не знаю, — она пожала плечами.

* * *

Погребальная масса в исполнении мальчишечьего хора лилась из замшелой капеллы на улицы Приюта, точно жидкое золото, безнадежно задавленная дорожным гулом:

"...Плачевен тот день, когда божий свет замирает,

Из-под беспризорной земли простираются ввысь

Рога многотысячной рати Его, он сам их наверх к облакам возвышает,

Чтоб Сад первозданный могли, наконец, захватить..."

В этой молитве речь шла о наиважнейшем событии для марианцев — Воскресенском дне. По церковному канону солнечное затмение как явление природы это гибель Бога и наступление демонической рати на небо, хотящей овладеть Райским первозданным садом, чтобы тьма безраздельно властвовала над смертными. Однако каждый раз в плодородную почву успевают упасть несколько капель солнечного света, из коих, напившись людскими молитвами, всходят божьи колоски, и милосердный Бог возрождается, низвергая Родителя лжи обратно под землю. Красивая сказка о вечном противостоянии добра и зла, однако... Бытует мнение, что в теперешние времена, когда настоящих верующих марианцев стало катастрофически мало, в очередной Воскресенский день молитва не воскресит Первоотца своевременно, и мир погибнет под рогатым неистовством демонической рати.

Кургузые солнечные лучи рассеивались по помещению капеллы сквозь разноцветное стекло стрельчатых окон, цветные блики ложились на белокаменные стены. Полицейские вошли внутрь, не обращая на возмущенные возгласы клириков на присутствие в божьем доме магов-криминалистов. Иен подметил, как Маркус и Ханна поморщились носами (по-видимому, помещение насквозь провоняло благовониями), он-то запахов не слышал. Это его начинало раздражать, он потерял обоняние совсем недавно, тем не менее, чувствовал, будто бы прошла уже целая вечность. Он сделался фригидным, а мир представлял собой обесцвеченную и облупленную фотокарточку. Странная хандра гнездилась в его висках, желудок по-волчьи подвывал внизу его пищевода, подговаривая голосовые связки вторить тоскливому вою зверя внутри.

Полицейские тщательно осматривали каждый дюйм алтарного зала, двигали скамьи, оставляя в керамическом полу неглубокие выбоины, перебирали скудные пожертвования в горшке в виде медяков и золотых зубов, переставляли пузырьки бальзамического масла, невзначай сбив на пол несколько бутылочек, и книги с оборванными корешками.

— Пожалуйста, прекратите, вы оскверняете храм, — взмолился один из клириков.

— Помолчите, — отрезал детектив.

Иен шел за Ханной, изучавшей помещение спектральными очками, пощелкивающей тоненькими пальцами латунные язычки переключателей, сменяя линзы. Иен отметил, что в

последние дни она пробовала ему всячески угодить, демонстрировала блестящие знания маговедческой теории, цитировала книги из секретарского архива, или, другими словами, всячески лизала ему зад, дабы добиться расположения. Она говорила, что запрашивала его в наставники-магистры из-за его безупречной репутации и потрясающего обоняния.

— Ну что? — спросил он, когда она просмотрела каждый угол в спектральных очках.

— Вообще ничего, — она обреченно вздохнула.

Только после того, как полицейские перевернули все в алтарном зале вверх дном, почти что доведя бедолаг-клириков до истерики, Иен обратился к Эрнсту с вопросом:

— Вы смогли разузнать что-нибудь о девчонке?

Он только что закончил расспрашивать клириков и мальчиков из хора.

— Немногое, — разочарованно сказал он, вытирая лоб платком. — Дуглас с женой, как рассказали работающие тут клирики, взяли ее из сиротского приюта, почему, зачем — это как-то связано с многодетным пособием. Они отказываются отзываться о своем капеллане как-либо критично, Дуглас Клэнси организовывал гуманитарную помощь нищим и детям из работных домов, собирал пожертвования на поддержание вида единственного божьего дома на весь город и был всем примером для подражания. Я отправлюсь в реестр, для того чтобы поискать какую-нибудь информацию об Эдит, а вы ищите несанкционированного мага...

Центральные улицы города привычно утопали в сутолоке и вечной гонке времени. В сизо-сером выхлопном мареве, стоявшем над транспортным затором, веял чудовищный смрад выгребной ямы. Бесчисленные тепловые толкатели, выплевывающие клубы химии и жара в неподвижный воздух, отстукивали ритм индустриальной элегии. Лоренсен шел пешком в сопровождении ассистента Бинксли в сторону городской ратуши, нетерпеливо поглядывая на свои карманные часы с заедающей стрелкой. Ехать на казенном броневике отказалось невозможным из-за пробок на дороге, а время — это ценнейший ресурс. Речная вода в канале воняла русалочьими хвостами, над зеркально-черной гладью тихо плясали блуждающие огоньки, невредные духи: привычное явление для мануфактурных городов.

Старший детектив-инспектор с ассистентом шел мимо небольшого сквера, и свернул туда, желая уйти от шума и сократить путь через внутренние дворики. Сквер облюбовали скворцы, кружившиеся над смоковницами. Вымощенная булыжником тропа текла между мясистых древесных стволов каменистой речкой. Зеленоватый свет, увязший в пожухлых от летней жары листьях, лобызал землю.

Он вышел на эспланаду, раскинувшуюся перед монументальным зданием городской ратуши. Ее белокаменный остов скрывался за высоченной колоннадой, поддерживающей стекольный котелок крыши. Ступенчатый портал главного входа в залу для посетителей был двухэтажным, а над оканчивающейся луковичным вырезом арки дверью находилось скульптурное панно мифической богини правосудия и покровительницы царей. Виштин Омберсент, мэр Каннескара, был вынужден каждодневно разгребать многие дела, которые не интересовали генерал-губернатора. Она не покидала губернаторского дворца якобы из-за обострившейся болезни, а нетерпеливый народ митинговал перед ратушей, размахивая транспарантами, ругаясь и кукарекая о том, как несправедлива действующая власть.

Бинксли Оуен по распоряжению своего вспыльчивого шефа направился в реестр, где тамошние архивариусы-бюрократы выдали ему личные дела всей капелланской семьи. Проштудировав досье Дугласа Клэнси и его родственников, детектив не нашел никакой информации об удочерении какой-либо Эдит, поэтому ему пришлось исследовать списки всех числившихся с этим именем беспризорников по всем Каннескарским детским домам.

Однако, несмотря на то, что Эдит — имя весьма распространенное, он обнаружил девочку благодаря приложенной фотокарточке.

— Бинго, — улыбнувшись, произнес детектив.

Не растрачивая время попусту, он вместе с ассистентом отправился в детский дом по адресу, указанному в сертификационном документе, в Приют. На открытом воздухе у него зачесались глаза от едких выхлопов и химических выбросов фабрик, перенесенных ветром из Заводских кварталов, они ложились на расколотые дороги въедливой дымкой.

Маслянистые облака хмуро расползались по раскаленному от жары небосводу.

Сиротский приют номер семнадцать был серым и неприглядным, а благодаря окнам с решетками создавалось впечатление, что это тюремный блок.

Внутри было даже хуже.

Облупленные бежевые обои с выцветшим рисунком цветков отдавали плесневелым сыром, и, казалось, будто бы за стенами давным-давно умерло какое-то животное. Койки, продавленные и проржавевшие, тесно поставленные рядом в спальном крыле, напомнили Эрнсту дело "Наристского свежевателя".

Девятнадцать лет назад, когда детектив-инспектор еще был полицейским сыщиком, в городе Наристск стали происходить исчезновения бездомных бродяг. Поначалу мало кто обращал на это внимание, бездомные ведь никого не интересовали, но полицейские стали находить в речной воде изуродованные трупы. Их кожа была срезана, глаза их выдавлены, зубы выбиты. Это таинственное дело поручили Эрнсту, он несколько месяцев выслеживал таинственного мясника вместе с ауто-да-фером Лидией Кэйрнс, что работала в Наристске в то время. Они разыскали убежище маньяка-свежевателя на заброшенном рыбозаводе на городской окраине.

Наристским свежевателем оказалась банда немагов фельдшеров, пытавшихся выдать нелегальные эксперименты над людьми за магические церемониалы. "Пациентов" для них им предоставляла кучка малолетних преступников-подростков.

По коридору детского дома бегали дети, преимущественно полукровки.

— Значит, девочку забрали всего несколько месяцев назад? — уточнил детектив.

— Это так, — произнесла толстоватая нянечка с белым чепчиком.

— Вы были рады избавиться от нее, да?

Она поджала подкрашенные губы.

— Понимаете, она была... неправильной... — нянечка подбирала слова. — Я люблю всех детей, как своих собственных, но вот она... Запугивала страшилками детей и рассказывала совершенно ужасные вещи, гуляла по ночам по крышам и душила голубиных птенцов или мышат и смеялась, когда делала эти изуверства, понимаете? Понимаете, почему нам она... не нравилась?

Он дал ассистенту в руки папку с характеристикой Эдит и попросил няню проводить их. Когда она открывала дверь, невидимая сила врезалась в нее, и ее полноватое туловище замятво повалилось с оглушительным грохотом мешком.

— Что такое?.. — недоговорил Бинксли, когда мистические путы свернули его шею на полуслове.

Эрнст, закрываясь телом ассистента, вытащил револьвер из кобуры и приготовился стрелять. Он собрался с духом и выглянул из-за импровизированного укрытия, но входная дверь разлетелась в мелкие щепки, а телекинетическая волна измельчила в строительную пыль кирпичную кладку. Он попытался снова и выстрелил несколько раз в темный силуэт

мага, почти неразличимый из-за поднявшейся пыльной завесы и яркого солнечного света. Он расслышал громогласный вопль, а затем он почувствовал оглушительную боль в руке. Она разорвалась вместе с револьвером, точно он зажимал в ладони кусок тротила.

Беззвучный крик застыл на его бескровных губах. Чудовищный колокольный звон раздавался в ушах, оттуда вытекало что-то теплое. Он с трудом приоткрыл глаза и увидел, как женская туфля наступила на его оторванный палец. Маг наклонилась, ее лицо прятала вдовья вуаль, она взяла коричневую папку и швырнула свинцовую в каплях крови пулю в сторону, она зычно брякнула и отскочила от стены. Маг ударила детектива-инспектора по щеке ногой со всей силы и, постукивая каблуками, ушла, напевая под нос колыбельную.

* * *

Сверкающие в свете заходящего солнца брызги воды жестко хлестали Иена по лицу, шум мотора полицейского катера бил по ушам. Пунцовое солнце неуклонно опускалось за горизонт, раскрашивая малиновым отсветом напудрившиеся облака и днища цеппелинов. Катер разрезал встревоженную ветром реку, разгоняя назойливые блуждающие огоньки и болтыхающихся у поверхности белобрюхих русалок. Катер проплыл под арочным мостом и выбрался из запутанного рисунка узеньких речных каналцев и в открытой воде начал уменьшать скорость, слушая рокочущий мотор. Небесное светило отражалось всполохами в ряблящемся омуте реки и врезалось в глаза. Разводные мосты, соединяющие Каннескар и остров "Адель-ленд", были все еще подняты.

Катер обогнул остров по кругу, и, пришвартовался к набережной.

Разветвившиеся яблоньки отбрасывали тени на свежескошенный газон и петляющие между кустарниками чайной розы и декоративными прудами мощеные дорожки. Долина скорби, по сравнению со всем остальным городом, захлебывающимся от мануфактурного чада, выглядела оазисом посреди дюн из заржавленных пружин и толкательных поршней. Воздух здесь был прозрачным благодаря очистительным приспособлениям, построенным вдоль береговой линии. Они напоминали сабли-клыки исполинского чудовища, готового проглотить клочок земли. Пурпурно-черные магические механизмы, алчно всасывающие лиловый городской смог жерлами, создавая картину, будто небо и земная твердь связаны непрерывными столбами, как щупальца дымовой медузы, казались монолитными, однако вблизи было заметно, что это не так. Внешний остов скошенной трехсторонней пирамиды испестряли воздухопроводные отверстия, точно норы исполинского термитника, откуда выплевывался очищенный воздух. В основании очистительного маяка, как перепутанные корни деревьев, вились клепаные трубы, выбрасывающие в реку отфильтрованный яд с водой, которым до этого дышали люди. Иен, Ханна, Маркус и пес добрались до здания МКМ, когда солнце растворилось за горизонтом по змеящимся тропкам от набережной.

На входе их встречали медсестры в желтых мантиях и кипенных шапочках, которые проводили всех в отделение интенсивной терапии, где и лежал детектив-инспектор. Маг, напавший на него, был безжалостен, убил двоих и лишил Лоренсена пальцев правой руки. Множественные осколки от разорванного револьвера повредили ему мягкие ткани и почти что уничтожили левый глаз. Он, перевязанный окровавленными марлевыми бинтами, спал на кровати, подключенный к капельнице с белковым раствором для последующего обряда терапевтической литургии. Над перевязанной головой сияло полупрозрачное алое облако голографита, помигивающее в воздухе, на котором отображались жизненные показатели,

сердцебиение и мозговая активность. В отличие от гражданских лиц, старшие сотрудники спецслужб могли рассчитывать на высококвалифицированную медицинскую помощь без предварительного денежного пожертвования в фонд МКМ, им заочно открывался кредит на лечение и протезирование.

Иену сообщили о нападении час назад, когда он допрашивал бездомного мальчишку, пытавшегося продать ему четыре атрибута веры без цепочек. Его звали Кэлвин Нитчер, он признался (когда Иен пригрозил), что они с друзьями с улицы пробрались в апартаменты капеллана и сорвали с шей домочадцев их побрякушки, пока те спали, а на воровство их надоумила незнакомка в черном балахоне, предложившая увесистый мешок монет.

Когда они сделали дело, всей ватагой кинулись вон из квартиры, захлопнув за собой дверь, прежде чем разбуженный капеллан сообразит, что случилось. Они бежали и бежали вниз, пока нечеловеческий ор капеллана, его жены и детей летел за ними вдогонку.

— Как вы попали в их квартиру? — спросил Иен у него.

— Нас впустила девочка, — он пожал плечами. — Маленькая девочка с заячьей губой и кукольными глазами, немногим младше меня...

— Эдит...

* * *

Каждый видит сны.

Ну, почти каждый...

Эдит Клэнси видела только бесконечную темноту, но это ее нисколько не огорчало.

В ее рассудке была абсолютный девственный вакуум, леденящий, подобно космосу, и пустой сосуд ждал, когда его, наконец, наполнят золотистой пылью.

Малютка мирно подремывала в психиатрическом крыле МКМ, когда на закраине ее сознания запели волшебные флейты магических кварков.

Она сразу распахнула глаза...

Эдит в кипенно-белой тунике-колоколе вознеслась над кроватью, руки прижимая к туловищу. Вороновые волосы развивались как водоросли, изуродованный рот шевелился, выплевывая очередную детскую страшилку. Она была в нескольких метрах под потолком, задевая макушкой головы потолочную лампу. Она летела к просторному холлу, медленно идя под самым потолком, будто она воздушный шарик и кто-то внизу тащил ее за собой, привязав веревку к лодыжке. Вокруг нее начала твориться какая-то вакханалия: пациенты, маги-врачи, медсестры в мантиях желтого цвета кидались друг на друга, как обезумевшие, в вихре противоречивых стимулов животные. Когда на этаже появился Иен, он ухватился за револьвер, прицеливаясь Эдит в ногу, не желая убивать подневольного магией ребенка.

Выстрел.

Промах.

Околдованные врачи и медсестры враз прекратили кровавую оргию и вытаращились стеклянными глазами на дуло револьвера. Приняв от девочки команду "сожрать!", они все с неистовством устремились на него, разбрызгивая слюной. Они были готовы его порвать на лоскутки, но у управляющего ими мага было недостаточно сил. Зомби, очутившись в радиусе нуллифицирующей ауры, отключались, сваливаясь в кучу, а когда Иен вытащил из кармана плаща связку атрибутов веры Клэнси, одержимых просто-напросто раскидало как от невидимого взрыва. Он подходил к девочке, а она продолжала висеть в воздухе под

потолком. Он поднял атрибуты, она взвыла и пала на пол, ползя на четвереньках пауком от проклятуших ключей. Он подошел к ней ближе, а она вскинула ручки, и марионетки некоего кукловода напустились на него, попытавшись задушить весом. Вовремя подоспел Маркус и, подняв дуло выроненного из рук револьвера Иена, он пальнул несколько раз точно в некрасивое лицо заколдованной девочки.

— Слишком медленно, Иен, — сказал Маркус, возвращая ему револьвер.

— Она была ребенком.

— Ты становишься невыносимым, — он отхлебнул из фляги.

Потребовалось немало усилий, чтобы обнаружить место, откуда маг управлял телом девочки дистанционно. Это место находилось за подсобными помещениями МКМ в тени разросшегося кустарника чайной розы. На стене кровью был намалеван функциональный круг, вписанный в треугольник магических символов, и кровь была человеческая. Рядом в алюминиевом тазу Иен нашел запасы ритуальной крови, на влажной траве была выложена сушеная полынь. Маг использовал спиритическую инвазию, его приказания представляли собой ключевые фразы, такие как, "разорвать всех к чертям собачьим!", зафиксированные стимуляцией лимбической системы жертвы. Выполнение приказов мага вознаграждалось наивысшим наслаждением, вытесняющим все прочие стимулы из головы, невыполнение — болью.

— Никаких следов, — заключила Ханна. — Наверное, маг левитировал.

— У нас могущественный спиритуалист, возможно, армейский маг, — сказал Иен.

— Спасибо, мы бы никогда этого не поняли, — с желчью сказал Маркус.

— Серьезно, Маркус, заткнулся бы ты уже.

Взгляд Иена остановился на веточке чайной розы, на шипах были капли крови.

* * *

— Найди его, — сказал Иен Збынеку. — Найди его, и он твой.

Он утаил находку от Марка и Ханны, решив отловить мага самостоятельно.

Лунный диск поднялся над облачным атласом, окруженный звездными скоплениями на иссиня-черном холсте ночного неба. Иен бежал за черным псом.

— Стоять, ты у меня на прицеле, — крикнул он.

Они находились в лабиринте живой изгороди.

Маг в грязном балахоне была красивой, вороновые локоны лежали на узких плечах, голубые глаза, поблескивающие от лунных лучей, напоминали бездонные озера.

Красноватый опал свисал с ее тонковатой шеи в основе на железном цветке лилии.

— Поймал меня, Охотничий пес?

— Начинай оправдываться, у тебя есть шанс высказаться, прежде чем я выстрелю.

— Мне нечего стыдиться, — она вздернула плечом. — Единственное, мне жаль, что я не убила их раньше.

— Ты о Клэнси? Что тебя связывает с ними и их приемной дочерью?

— Эдит, она была моей дочерью, — ответила она.

— Магорожденная?

Законодательно магам запрещается иметь потомство, причем единственная причина, по которой их не кастрировали, словно собак, это ухудшение эффективности их магии из-за гормональных сбоях. Применение ими магии приводит к множественным генетическим

сдвигаю и, так называемой, чувственной дегенерации Келлепа, необратимому нарушению всех органов чувств. Дети магов, и не важно, кто из родителей маг, чаще всего рождаются мертвыми, физиологическими увечными, но иногда с экстраординарными способностями, опасными для окружающих.

— Когда она родилась, мне пришлось оставить ее в сиротском приюте, но я никогда не оставляла ее одну. Я использовала магию, чтобы посещать ее во снах. Я рассказывал ей страшилки и разные истории, потому что она их очень любила.

— Но потом ее взяли Клэнси для получения многодетного пособия, и ты потеряла с ней связь.

— Это так, — она обреченно вздохнула. — Из-за проклятых побрякушек, чтоб их черти драли. Я продолжала искать, а когда нашла...

— Они били ее, пытались вбить в нее церковные догматы, вот откуда на ней следы от побоев. Видимо, Дуглас Клэнси был не таким паинькой, как его описывали клирики и те, кто когда-либо знал его.

— Она была слабохарактерным ребенком... Это уничтожило ее слабый рассудок.

— И чтобы ее не терзала боль, ты вычистила ее сознание.

— А мне ничего не оставалось, — она говорила жестко. — Я разработала план, и думала отомстить этим ублюдкам, что во всех смыслах отняли у меня мою дочь. Когда объявился Исход, я ощутила такой прилив сил... Я осознала, что могу сделать все, что захочу, что все в этом мире мне подвластно. Я использовала ее тело как передатчик, это ее особенность с рождения...

— Зачем ты набросилась на детектива-инспектора?

— Тупоголовые курицы из приюта не могли понять, кем является Эдит, однако если бы папка с ее характеристикой попала в руки, такого как ты, вы бы уничтожили мою дочь!

— Что ж, все кончено, — заключил Иен.

— Видимо так, — ответила она и улыбнулась. — Но наше дело продолжится.

— Ваше дело?

— О, да... — ее рот перекривился в гримасе удовольствия. — Магос Теус скоро покажут зубы, пес. Очень и очень скоро мы попытаемся вновь забрать то, что по праву наше. Нашу свободу.

"Magos Teus" (с древнеархского значило "Всевластие ремесленникам") это название печально известной террористической организации магов-радикалов было очень хорошо знакомо Иену со времен, когда он проходил практику неопита в многострадальном городе Наристске вместе с Анной. Сказанное отступницей укололо его прямо в сердце, заставляя его неровный пульс перейти на галоп от нахлынувших воспоминаний.

— Збынек, кушать подано, — приказал Иен холодным безжизненным голосом.

Решение было принято очень скоро.

Збынек начал подступать к магу.

Маслянисто-дегтярная шкура дьявольского пса ходила ходуном, из нее поднимались перевернутые ребра, как ужасающие крылья ангела гибели. Из чавкающих устьиц текла прозрачно-алая слизь, а из трубковидных костей шел розоватый дым.

— Что происходит?!.. — ее начинало тошнить. — Это... это что, *грим*? Это невозможно!

— Вполне возможно, — безапелляционно ответил Иен.

Пес приближался к своей жертве неторопливо, разыгрывая свой аппетит, вываливая из

пасти отвратительно выющиеся лиловые щупальца, глаза с алыми огоньками зрачков в пелене белесой слизи были широко распахнуты.

— Умоляю... застрели меня, пожалуйста! — она взмолилась со слезами на глазах.

— Ты же понимаешь, что я не могу, — сочувственно улыбнулся он. — Большую часть времени грим может оставаться в полудреме, находясь внутри носителя-животного, но его нужно кормить, иначе он выйдет из-под моего контроля. Ты уже никогда не умрешь, твоя душа будет внутри моего пса, питая демона бесконечными муками. Маленький ад внутри зловонных потрохов магического духа, с которым у нас взаимовыгодное сотрудничество. Я не отдаю его экзорцистам и, в свою очередь, он наказывает тех, кто мне не понравился. Например, малефиков, как ты.

Дьявольская тварь в один прыжок устремила на нее, аккомпанируя ее обреченные крики сосущими звуками, разлетевшиеся по Долине отвратительным реквиемом сосания и причмокивания. Вскоре чудовищное пиршество лжепса закончилось и, чтобы отвести от себя подозрения, Иен выстрелил ей в лоб. Тоненькая полосонька крови разрезала красивое лицо пополам, глубокие голубые глаза лизали лунные лучи. А Иен все стоял и размышлял над ее словами.

— Малефики прямо здесь, у меня под носом? Мое предчувствие меня не обмануло... Надвигается беда. Большая зловонная беда.

Пунцовое солнце неспешно пряталось за линию горизонта, окутанную сизой дымкой и усталостью. Последние лучи врезались в белоснежные древесные кроны и отбрасывали на разноросную траву и кустарники длинные неровные тени. Сквозь листья красновато-медных и иссиня-черных цветов сочились кургузые малиновые потоки света. Сверчковый стрекот, хор цикад и птичий галдеж наполняли лес причудливой какофонией.

В прозрачном и неподвижном воздухе промелькнула едва различимая рябь и в нем, разрезая пространство, образовалась дыра, сквозь которую на сумеречную лесную опушку сошел маг.

Ласло Фог был обряжен в золотистую мантию расшитую виноградными стеблями и фантастическими цветами, в его высеребренной сединой бороде и пружинистых волосах застревали крохотные желтые моли, а на сторбленном носу громоздились круглые очки с тоненькими дужками и синими отражающими линзами. Поверх мантии лицензированного мага он носил темно-изумрудную накидку с кантом из волчьего меха. Его сухая будто бы пергамент кожа была сплошь покрыта неровными складками морщин. Жилистые пальцы украшали перстни с крупными коралловыми и сапфировыми самоцветами. Он движением руки сотворил из воздуха стол и обитое красноватой тканью кресло, и, приподнимая полог мантии кончиками пальцев, сел на кресло, придвинувшись по траве к столу вплотную.

На потемневшем холсте небосвода неторопливо текли ручейки лиловых облаков, и светилась луна, вдалеке ухали филины, вылетевшие поохотиться на полевых мышей. Маг поразмахивал рукой, и прохладная ночь мгновенно сменилась солнечным днем.

— Так-то лучше, — улыбнулся он и начал разгребать бумаги, скопившиеся за месяц.

Его пристальный взгляд пал на конверт без обозначений, и он поспешил его вскрыть канцелярским ножиком.

"Дорогой Ласло, я надеюсь, мне удастся встретиться с тобой как можно скорее.

Речь пойдет о предстоящем дисциплинарном разбирательстве по случаю инцидента с магом-Исходом Аннабель Баркер, оно состоится в конце последнего месяца лета.

Иен".

Он недовольно поморщился, проглатывая написанные строки, ведь именно сегодня был последний день лета, и безотлагательно начеркал ответ на обратной стороне письма. Его отвлек гудок телеграфа, который тут же появился на небольшом стеклянном столике с резными ножками по виду когтистых лапищ, взявшимся из ниоткуда. Маг встал, прочитал напечатанное на ленте сообщение и вышел через сразу образовавшийся в воздухе проем в длинный коридор. Кроме Ласло в обширных коридорах Каннескарской маговской школы во время занятий было немного без дела слоняющихся студентов.

Предупредительные сторожа открыли перед высокопоставленным магом двери в зал заседаний на третьем этаже, где уже были все остальные члены Тетраконклава. В круглой зале было мрачно из-за матово-красных штор, застилающих высоченные витражи. Тучная женщина неприятной внешности в кипенной моцетте и медицинской шапочке, Гурдун тиа Кар, управляющая МКМ, первой поприветствовала архимага. Сухощавый, похожий на обглоданный скелет, Микаелян Бродвей, приветственно склонил свою голову. Джонатан Ил, жуткий, усыпанный бородавками с ног до головы, старикашка угрюмо промолчал, не поднимая глаз от развернутой в руках газеты. Был здесь кое-кто еще: златокудрый юноша,

нагой и сверкающий от белизны своей кожи, висел в воздухе в двух футах над мраморным полом.

В воздухе красивого бездыханного юношу держала аспидно-черная пирамидка.

Она выпускала серебристые волны и издавала почти неслышимый лязг.

— Тиа Кар, — улыбнулся Ласло и коротко поцеловал ее в пухлую руку.

— Ваше превосходительство, — поклонилась она.

Ее некрасивое лицо растянулось в улыбке, обнажая зубы, перепачканные помадой. Пот ручьем тек по ее наморщенному лбу и водянистым редким локонам, тиа Кар никогда не умела следить за внешностью. Хотя она и выглядела на пятый десяток, на деле ей было не больше двадцати семи — магия старит. Опытные маги не выглядят на свой фактический возраст и умирают рано, не доживши до неподдельной магической хворой старости. Глядя на подвешенного над черной пирамидкой юношу, Ласло прикинул, как скоро его юные черты оставили бы фарфоровое лицо и золотистые кудри? Ответ: к годам двадцати шести он растерял бы свой шарм и стал бы обрюзглым и седовласым мужчиной, выглядящим на пятьдесят лет. В некотором смысле ему "повезло" умереть юным, пока магия не оставила свои неприятные следы.

— Кто это? — поинтересовался Ласло, кивая на подвешенного мальчишку.

— Пит Хиггинс, — произнес, растягивая гласные, Бродвей, поглядывая в личное дело. — Прошлогодний выпускник кафедры танатологии. Восхитительные оценки и результаты выпускных экзаменов. Стажировался как маг-криминалист, а после празднования летнего солнцестояния он пропал, и долгое время мы не могли его найти.

— Патрульные выловили его утром из реки, когда им пировали русалочки мальки. Они не повредили тело, а лишь надкусили пальцы рук, — пояснила Гурдун и продолжила. — По предварительной экспертизе он умер от передозировки дурманом. Патологоанатомы обследовали его и обнаружили полупереваренных гусениц дурман-мотылька в желудке.

— Характер ссадин на челюсти говорят о том, что его принуждали жевать гусениц, — Джонатан Ил многозначительно выдержал паузу. — Его пичкали гусеницами и заставляли заниматься колдовством.

— Это весьма удручает, дамы и господа, — проговорил Ласло. — Однако же вы созвали Тетраконклав в полном составе не только лишь из-за этого?

Гурдун смущенно закусил губу и указала пухлым пальцем на поясицу юноши.

Вначале Ласло не заметил совсем ничего необычного, затем, приглядевшись, увидел, то, что заставило его сердце болезненно екнуть.

— Метка Магос Теус, — констатировал Ласло.

Молочная кожа парнишки, гладкая, усеянная крохотными волосками цвета платины и ветвистыми речками голубоватых вен была повреждена раскаленными клеймом. Метка, застывшая на юношеской коже темным абрисом, изображала перевернутый знак всеобщей магии: глаз, пускающий слезу в верхушке своеобразной пирамиды, пылающий меч, молот и наковальня в основании фигуры. Маги-радикалы, на ауто-да-ферском сленге названные малефиками, использовали перевернутую пирамиду в качестве символа революционного движения несколько лет назад по всей империи. Ожог выглядел расплывчатым аморфным пятном на коже, но не узнать перевернутую пирамиду было невозможно.

— Есть еще, по меньшей мере, семнадцать пропавших без вести магов, и скорее всего вскоре мы их обнаружим плавающими в реке, — неуверенно проговорила Гурдун.

— Семнадцать?! — закричал Ласло, и тетраконклавка побледнела. — Как же так

вышло, что я узнаю об этом только сейчас последним?

Никто ничего не ответил.

Желтые моли, прятавшиеся до этого в его бороде, обеспокоенно разлетелись по залу, отсвечивая, как блики полыхающего костра, люминесценцинтными крылышками, сжигая шторы магическим пламенем. Ласло вскинул руку, отозвав духов-покровителей обратно к себе, и затушил разгоревшиеся шторы усилием мысли.

— Итак, — начал Ласло после выдержанной паузы. — Пропавшие. Кто они?

— Выпускники, — не сразу ответила Гурдун. — Все поголовно эскулапы и танатологи, маги магии врачевания.

— Что общественность?

— Все держится в строжайшем секрете. Мои специалисты день и ночью отслеживают магические всполохи, — произнес Джонатан Ил, руководитель Департамента прикладной спиритологии. — Но поиски осложнились с появлением Аннабель... Из-за нее мы потеряли следы, они затерялись в шумовом эхе Исхода, которое все никак не рассосется.

— Девчонка... сильный маг, — констатировала тиа Кар. — Ее удивительная сила прямо пропорциональна тому, насколько у нее изуродована душа. Первое время с ней были одни проблемы, но после стерилизации, она пошла на поправку.

— Где девчонка сейчас, тиа Кар?

— Пока что на реабилитации, но по получению письменного разрешения Секретария, мы назначим ей наставника-опекуна, и она немедленно начнет обучение.

— Ясно, — отрезал он в ответ и поспешил откланяться. — На сегодня больше никаких дел. Тиа Кар, сообщите как можно скорее Иену Маршаку, что я готов с ним встретиться, — он многозначительно взглянул на нее из-под непроницаемых синих стекол. — Вы должны были знать, о его желании, скорее со мной увидится, не так ли?

— Вы были так заняты после случившегося с Обером МакРибусом...

— Когда ауто-да-фер требует аудиенции, это важнее дел архимага Тетраконклава, тиа Кар. И даже если он обращается неофициально.

— Вы, как всегда, правы, — вздохнула тиа Кар, склонив виновато голову.

Ласло незамедлительно покинул пропахший горелыми шторами зал и поспешил в свой кабинет, на вечнозеленую опушку леса. В его посидевшей голове, как в полыхающем котле с супом, вертелась тысяча и одна мысль.

* * *

Чертовые туфли безжалостно жали Ханне ноги.

Вторые сутки она была вынуждена носить на своих двоих это средневековое орудие пыток из шкуры псины, заколотой в подворотне, освежеванной и отданной кожевеннику на обработку. Пьяный ублюдок наверняка выделял шкуру в крохотном перерыве между опустошением кружки дешевого пива и собственного желудка, а после отдал молодому и неопытному подмастерью. Нежеланный сын рыбака и танцовщицы всей душой ненавидел свое ремесло и жаждал как можно больше страданий принести каждому, кому придется воспользоваться плодами его вынужденного нелюбимого труда.

Эти нищенские туфли родились в ненависти, в ненависти Ханна носила их, пытаясь развернуть многострадальную стопу удобней при каждом шаге по мостовому булыжнику, все время неуклюже спотыкаясь наполовину оторванным каблуком. Она была вынуждена купить

их, столичные сапоги, кои она привезла с собой из большого города, выдавали ее с потрохами и не давали лучше слиться с ролью нищенской проститутки.

— Мы проделали отличную работу, я хвалю тебя, — произнес Иен.

Его тон был настолько четким, без любых колебаний, что, казалось, подстраивается под монотонный шум падающих капель и вечного уличного гама. Ханну так и подрывало высказать ему в лицо, что он просто не может и не хочет перечислить ее достоинства, что он слишком самолюбив, потому просто констатирует факт похвалы. Такой безошибочный выбор формулировки: и похвала, и любезность, и холодно подчеркнутый нейтралитет. Ее это ужасно выводило из себя, но она оставалась выглядеть скучно-сдержанной.

— Благодарю вас, — ей пришлось приподнять подол крестьянского платья, чтобы не вымочить его, и перепрыгнуть мазутную лужу, из-за этого между словами возникла пауза.

— Спасибо за сотрудничество, с тобой приятно работать, — Иен по-джентельменски подал ей руку, когда ей пришлось переступить небольшой поток, стремящийся в склизкие сточные решетки.

— Спасибо вам за предоставленную возможность.

— Ты ведь не замужем, — констатировал он больше утверждение, чем вопрос.

Ханну этот вопрос обескуражил, и скрыть удивление не вышло: ее стопа скользнула в промокшей, истязавшей долгий день лодочке, и нога опасно подвернулась. Иен удержал ее от падения за плечо, но не за талию. Он сохранял выдержанную дистанцию, хотя не мог удержаться от похабных мыслей на счет ее притягательных черт.

— Нет, не довелось! — произнесла она это слишком громко.

В одной фразе она уместила все, что доступно для донесения: и то, что она не только не замужем сейчас, но и не была никогда до этого, и не дала повода для развития сколькой темы, и показала нейтральную доброжелательность, избежав бесцветного "нет".

— И почему теперь умные девушки так долго остаются незамужними? — произнес он это как-то без интереса.

— Вы меня переоцениваете.

Впереди виднелись дилижансы, всего в десяти метрах от этой диссонансной пары, а между ними стояла, вяло бурля от вонзающихся капель, темная вода, как разлегшийся кит на вулканическом серо-черном пляже. Дождь заполнил разрытую яму, которую не успели заделать брусчаткой, и теперь это миниатюрное болото вышло из берегов и растеклось на десятки метров вширь. Иен помог неопитке взобраться внутрь транспорта, однако вместе с ней не поехал.

— До свидания, наставник-магистр, — опомнилась она, когда дилижанс тронулся, а он остался на улице.

Он лишь кивнул в ответ. Его лицо раздробило калейдоскопом миллиардов дождевых капель на замутненном от ее дыхания окне. Механические кони тронулись, и, чуть дернув повозку, потащили Ханну в "Проходной двор". Проезжая мимо очередной грязной лужи, она выбросила ненавистные туфли в окно, с удовольствием расслышав последовавший за этим действием триумфальный всплеск воды, и вообразила, как ненавистная обувь кричит в беззвучных мольбах и захлебывается в грязной воде. Она добиралась-таки до гостиницы и заплатила извозчику полурослику, а затем вступила своими многострадальными ногами в воду прямо перед ступеньками на веранду "Проходного двора".

— Чтоб вас всех... — в сердцах выругалась она. Маркус в забитой под завязку харчевне трапезничал у барной стойки, где одновременно вел громогласную и душевную беседу с

хозяином гостиницы Арни.

— Моя дорогая, как вам погода? — рассмеялся дружелюбный человечек.

— Чудная погода, Арни, — улыбнулась Ханна в ответ краснолюдку и одними губами добавила: — Малорослый ублюдок.

Она поднялась в номер, скинула провонявшие лохмотья и поспешила набрать купель горячей водой. У нее безжалостно болел каждый сантиметр тела, и лихорадило от времени проведенного под беспрестанным дождем, пока она двое суток почти без сна и еды только наблюдала за ломбардом, старьевщик которого держал для особых покупателей запретные магические игрушки. Но она старалась не жалеть себя, не изнеживать, как была изнежена каждая дворянская девка. Смежив веки, она позволила себе расслабиться.

Вода покапывала из крана в наполненную до краев купель, пуская по недвижимой глади пульсирующие круги. Капанье напоминало ей ритмичный перестук метронома, как когда она безуспешно училась играть на клавикорде. Ей это претило, Ханна предпочитала музыке и урокам светских манер конный спорт, чем доводила своих родителей. Родители обожали третировать младшую доченьку почему зря и ставить ей в пример для подражания старшую сестрицу Беллатрису. Ей было больно наблюдать за падением любимой сестры. Прекрасная, как нежный бутон белоснежной лилии, она была завидной невестой для всех мужчин. Родители выдали замуж Беллатриса за сынишку бизнес-партнера, и, несмотря на многочисленные побои Беллатрис со стороны ее горячего, про таких людей говорят кровь с молоком, мужа, родители были на седьмом небе от счастья, что так удачно выдали дочь замуж. Мамуля науськивала дочерей быть послушными и держать свои комментарии и ненужное мнение по любому вопросу при себе, но Ханна никогда не слушалась.

Спустившись в харчевню, она обнаружила, что Марк был на своем месте, наевшийся да почитывающий свой излюбленный "Правдоруб".

Краснолюдок предложил ей отведать супа с индейкой.

Суп был вполне приличный. Ханна довольно закусывала его чесночными гренками.

— Ну, так что? — обратился Маркус, шумно перелистывая газетный лист.

Она вопросительно воззрилась на него.

— Вы с Иеном поймали тех, кто покупал контрабанду у старого пердуна?

— Ах, ты об этом... — промямлила она, вытираясь кружевной салфеткой. — В каком-то смысле, да.

— Ха-ха, он их застрелил при попытке к бегству? — рассмеялся Маркус.

— Почти, они были вооружены вихревыми гранатами. Взрыв втянул весь ломбард со старьевщиком и сообщника покупателя, и спрессовал их до размера спичечного коробка. Второй, тот, что активировал заряд, попытался сбежать, а я нагнала его на стройплощадке. Я попыталась его задержать, и тут он достает еще гранату... Иммунитет иммунитетом, но ты знаешь, эти штуки лишь только запускают магией процессы, подчиняющиеся законам природы... Если бы не наставник... Его пес прыгнул на злодея, выбив игрушку из его руки, я едва успела ее поймать, а Иен застрелил бастарда болотной змеи на месте, — произнесла она, состроив гримасу отвращения.

— Застрелить преступника, а потом его допрашивать, — хохотнул Маркус и попросил Арни налить ему пинту горчичного пива. — В его духе.

— Сегодня он даже не отчитал меня ни разу, — вдруг сказала Ханна, уставившись на масляный портрет обнаженной толстушки с виноградом на стене.

Необычайно красивая женщина в годах, хоть и полноватая до неприличия, лежала на

вычурной тахте, прикрыв свои ноги полупрозрачной шалью из какой-то черной узорчатой ткани. Желтые птички, напоминающие канарейки, только с женскими личиками, сидели на молочно-белых ветвях цветущей яблони.

— Что, прости? — рассеяно переспросил Марк.

— Иен... ну то есть, наставник-магистр. С тех пор, как мы встретились, он всегда был очень отстраненным, ежели не вовсе грубым со мной, — изложила она, не отрывая взгляда от обворожительной толстушки. — Но сегодня он похвалил меня. Да, он подбадривал меня и раньше, мол "молодец" или "ты можешь быть права", но искренне он похвалил меня только сегодня. Хотя и не так, как я надеялась. Как-то безынтересно.

— Он человек сложный, — улыбался Маркус, тоже обронив заинтересованный взгляд на картину. — У него совершенно дурной характер, а еще он самоуверенный, иногда даже напыщенный павлин. Его дар воспитал в нем ощущение своей исключительности, вот он и пафосен, насколько это возможно для простеца без голубой крови. Он совершенно не умеет признавать свои ошибки. Его девиз: делать не то, что должно, но то, что правильно. И, конечно же, что является правильным, решает он сам.

— Из-за его дара и неоднозначной репутации я выбрала его в наставники-магистры, — призналась она. — Мне с трудом удалось это, мне упорно предлагали другие кандидатуры. Его слава охотничьей гончей соседствует с репутацией неуправляемого наглеца. Это так похоже на меня. Я всегда была неуправляема, по крайней мере, так маменька считала. Она падала в обморок всегда, если я надевала мужской костюм вместо пышнозадых платьев из заокеанского паучьего шелка альвейгских мастеров, — она изобразила, будто ее тошнит.

— Как же ты попала в Секретарий, позволь спросить? Дворянская особа, знатный род. Это необычно, если честно. Неужели твои родители позволили отдать тебя пчеловодам?

— Конечно, нет, — растянула она губы в кокетливой улыбке. — Пчеловоды не ходят по аристократическим домам, чтобы вербовать дворянских детей для тайной полиции какие бы дарования у них не были. Экзархий некогда даже подписал указ о неприкосновенности детей дворян. Нет... Я сама ушла и направилась напрямик в Каерфелл, я захотела уйти в охотники на колдунов, чтобы быть полезной обществу, а не то, что другие моего статуса... Родители, ясен пень, были в ярости. Но когда они представили меня жениху, я поняла, что не хочу повторять судьбу старшей сестренки, я захотела найти собственный путь в жизни.

Маркус приподнял запотевший пивной бокал и отчеканил тост:

— За то, чтобы ты нашла, что искала.

— Он не скоро вернется в гостиницу? — спросила она, когда он допил пиво.

— Полагаю, нет, — отрезал Марк. — Сегодня у него трудный день. Еще, я полагаю, нам придется присутствовать на суде, свидетельствовать против него.

— Что ж его ждет за то, что он не застрелил Исхода? Его... — она изобразила пальцем, будто перерезает себе горло.

— Ну, уж по головке его не погладят, это уж точно.

Аптекарь задумчиво почесал пальцами подбородок.

— Я понятия не имею, ведь на суде будет *она*. Ему остается надеяться на протекцию архимага. Думаю, он снова попытается сегодня с ним встретиться, ведь это его последний шанс. А вообще, они старые приятели.

— Самый грозный ауто-да-фер нашей современности приятель архимага магического сообщества в Каннескаре? — засмеялась она, но Марк не улыбнулся. — Это удивительно. А кого ты имел в виду, говоря про особу, которая будет присутствовать на суде?

— Анну Гиллерт, — он пронзительно воззрился на нее.

— Зам прокурора судебного ложа Секретария, что с ней? Она, конечно, суровая, но...

— Они давно были неразлучными друзьями с Иеном, пока тот не совершил большую ошибку, и она возненавидела его.

— Что же он такого сделал? — любопытствовала она.

Маркус одним жестом попросил Арни наполнить его стакан и задумчиво уставился на танцующие в золотисто-янтарной воде, окаймленной белоснежной пеной газированные пузырьки.

Казалось, что он молчал вечность, прежде чем дать наиболее информативный ответ:

— Ты ж видела, что у нее с глазом? Это *он* сделал, — ответил он, на что Ханна только удивленно открыла рот.

* * *

— Как чудесно снова слышать запахи... — повторял про себя Иен, будто бы зачитывая какое-то заклятье.

Чудодейственное благоухание свежее испеченного хлеба из булочной, столичный эль из элитного паба с видом на Имперский канал, запахи яблок и груш, мяса, жаренного на горящих углях, рыбы, капустного пирожка и каши из гречихи, запахи заокеанских специй, тухлый русалочий душок и запах только что выпавшего дождя...

Благоухание цветочных клумб и парфюмерных, зловонная амбра люмпенов и всяких босяков, запахи птичьих перьев, чаячьего помета и прибитой влагой пыли, свалывшейся на асфальте. Душераздирающая вонь мануфактурных отрывков, химикалий, горелого металла с металлообрабатывающих цехов и топливных хвостов дирижаблей. Ненавистный Иену мегаполис переливался миллиардом оттенков ароматов, и все они были восхитительны и нещадно колотили в сверхчувствительный нос, аморфной изменчивостью напоминая ему мерцающую огоньками каракатицу, затаившуюся в водорослях. У него шла кругом голова от волн запахов, навалившихся после восстановления обоняния.

Он снова мог быть одновременно повсюду, как Бог.

Освежающие брызги, летевшие в лицо, заставляли его прищуриться. Катер обходил полусонные гондолы, растрясывая их на черной речной глади, ревущий дизельный мотор приглушал сыплющиеся оскорбления гондольеров. Солнечная сфера молочным блеклым пятном пробивалась через гороховый суп белых облаков, едва окрашивая пасмурный день исключительно в серо-желтые оттенки монохромного уныния.

Катер обогнул "Адель-ленд", вырастающий из воды зубьями воздухоочистительных маяков. Поднявшись по узеньким бетонным ступенькам с причала, где остался дизельный катер, Иен с удивлением обнаружил, что наверху его ждала присланная заранее самоходка с шофером. Збынек вприпрыжку шел за Иеном по асфальтированной влажной дороге, они погрузились в салон, пахнувший новой кожаной обивкой, и машина тронулась в сторону Каннескарской маговской школы. Ехали они пятнадцать минут, тем временем Иен, закрыв глаза, наслаждался симфонией запахов, не обремененных смрадами города. Его окружали древонасаждения, сладострастные запахи свежескошенной травы и цветочных клумб. Он простирали обоняние сквозь металлический остов самоходки, возносясь подобно птице над обыденностью. Отовсюду пахло тошнотворной лакрицей, но его это не расстраивало, он упивался возможностью ощущать любые запахи снова и снова, как приникший к оазису

путник, затерявшийся на несколько дней в пустыне, и потерявший надежду на спасение. Он с непреодолимой жадностью глотал все эти запахи, обнюхивал мир, оплетенный паутиной тончайших ароматов и зловоний.

Его ноздри снова наполняла жизнь.

Сквозь окно, облепленное бриллиантовой пеленой мельчайших капель мороси, Иен разглядел грандиозное здание, напоминающее огромный праздничный торт. Здание КМШ напоминало не что-то цельное, но вычурное попури из многих пристроек разномастной архитектуры с разнообразной отделкой: цветастой мозаикой, малиново-бурым кирпичом, аспидно-черным мрамором, эмалью, деревом, черепицей и даже металлом. Бесформенное здание, муравейник из шатров, белокаменных колонн и высоченных витражей, зубчатых копий, антаблементов, украшенных помпезными композициями скульптур домарианских героев мифов и легенд. Иен покинул салон, зажмурившись от плюющего в лицо дождя, который разыгрался не по-детски. Вдали слышался гогот приближающейся грозы.

В школу его препроводили сторожа через внутренний двор с красивым фонтаном, на бортиках которого восседали русалки непохожие на белобрюхих рыбин с выпученными глазами, а мифологические девы с чешуйчатыми хвостами.

— Входи, входи, — добродушно распростер приветственно руки Ласло.

Иен вошел на вечнозеленую опушку леса, где никогда не пахло никакой зеленью, и земная твердь под ним пошла ходуном. Серо-молочные стволы смоковниц и изумрудно-черные листочки на них ужасающе оплавились, будто раскаленный металл. Чудотворный зеленый ландшафт первозданной природы опалился с шипением разогретого до кипения масла, синеватые небеса почернели, проступили кроваво-бурыми пятнами. Наблюдая весь этот фантасмагорический ужас, Ласло похлопал в ладони, опуская зажеванный пустотной аурой ауто-да-фера мираж.

— Прости, — виновато улыбнулся Иен.

— Я совсем запамятовал, следовало отключить голографиты.

Теперь это был не вполне просторный полукруглый кабинет, наглухо заставленный антикварной мебелью и шкапами со стеклянными дверцами цвета морской волны. Перед Иеном стоял ссутулившийся старик под грузом накидки архимага с меховой окантовкой в очках с непроницаемыми синими стеклами, скрывающих его пустые глазные имплантаты, в пружинистой бороде ползали желтые моли. На широкой груди его не было привычного атрибута мага: амулета со встроенным опалом, да в этом и не было ничего особенного для мага-Исхода.

В стародавние времена маг Молотовержец Морус заметил, что некоторые минералы способны повышать магический фон, в особенности этот эффект лучше всего достигался с использованием кровавого опала. Он сделал опаловые доспехи, которые давали огромную мощь, усиливая его магию стократ. Но его магия была столь неуправляема, что он просто-напросто выжег себя в опаловой ракушке, как сваренный в панцире краб. С тех пор опал использовался как универсальный усилитель магии, но Исходу, и даже после вживления серебряно-железными вставками в его кости, никакие усилители не нужны были вовсе, их магия и без того оставалась околобоженной.

— Давно не виделись, Иен, — улыбнулся Ласло. — Ты практически не изменился.

— Вот ты изменился, старый друг... — грустно заметил он.

Ласло был тридцатилетним стариком, усталым от жизни.

— Такова жизнь, — невесело заметил он. — Я бы хотел предложить тебе стул.

Иен благодарно кивнул и сел на стул, поставленный напротив стола. Ласло сел тоже, приподнимая пальцами рук края золотистой мантии. Иена всегда раздражали эти мантии, в которые обряжают магов, и которые являют собой уничижительный символ покорности магов установленному Гвидо порядку.

— Итак, — он сложил руки домиком пред собой. — Теперь объясни мне, почему ты не обратился ко мне с официальным письмом?

— Я обращаюсь к тебе за помощью как друг, а не как секретарец, — ответил Иен.

— Весьма непредусмотрительно. Я прочел твое письмо только сегодня, нужно было поставить секретарскую печать на конверт, тогда я прочитал бы его раньше...

— Все же, я здесь, Ласло.

— Это верно, — согласился он. — Лучше поздно, чем никогда.

Ласло был Иену давним другом.

Прежде, чем занять пост архимага и возглавить сообщество магов всего Каннескара, он пробовал себя в разных отраслях.

Исход есть Исход.

Такие, как он, были талантливейшими колдунами, способными осваивать все четыре школы магии из классификации Тивариса одновременно. Тиберий Тиварис — знаменитый маг-Исход, появившийся на заре эпохи лицензирования магов, именно он заложил основы академической магии и определил четыре каноничные школы, тетракласса современной магической науки: медицинской магии, спиритологии, боевой магии и инженерной. Ласло пробовался в качестве войскового мага, оружейника, врача, инженера и мага-охотника на магов. Около полугода он практиковался в выслеживании магов вместе с Лидией Кэйрнс в Наристске.

— Ты хочешь моей протекции на разбирательстве от имени магического сообщества города, — констатировал, растягивая слова, он. — Конечно же, я отвечу — да.

— Спасибо тебе огромное.

— Пока не за что, — грустно улыбнулся он. — Я слышал, приезжает мисс Гиллерт. Есть предположение, что ее будет трудновато убедить, она ведь тебя ненавидит всем сердцем.

Внутри Иена что-то упало, его затянуло в воспоминания: звук выстрела, ужасающий вопль, атласное кипенное платье и маковые головки, освещенные кровавым закатом... Он встряхнул голову, отгоняя поганые мысли вон.

— Ненавидит... — он попробовал это слово на вкус. — Ты знаешь, — вдруг произнес он. — Некоторое время назад, в тот день, когда я получил телеграмму от дисциплинарного комитета, я повстречал девушку-отступницу, и она сказала, что Магос Теус вернулись. Не знаю, может она это сказала, чтобы напугать меня и сбить с толку, но...

Нависла тишина, которая разлилась по помещению как патока.

Черный пес, устроившийся в ногах Иена, обеспокоенно забухтел. Разнообразнейшие приспособления на столе враждебно бренчали, вертелись волчком, звучно позвякивали и поскрипывали, объединяясь в сумбурную кашу звуков, тщаь сломать пугающую тишину. За выложенным мозаикой окном загремела разразившаяся летняя гроза. Высокомерный смех небес потрясал землю, аккомпанируя ослепительным вспышкам ветвящихся молний. Сильнейший ливень вперемешку с градом разъяренно забарабанил в разноцветное стекло агрессивным аллегро. Желтые моли, завязшие в бороде мага-Исхода стали быстро-быстро перебирать лапками и раздраженно бить крылышками.

Крохотные духи-покровители были взволнованны, как и их хозяин.

— Да, я слышал, — вздохнул маг. — Сегодня я осматривал труп мага, что выловили в реке этим утром. На нем было клеймо, и ты сам знаешь какое. Я собирался сообщить тебе сразу, но решил дождаться приватной беседы.

— Сначала маг-реаниматор наворотил дел на Бульваре розы, и, к слову, мы так и не узнали, в чем состоял его мотив. Расшифрованные шифрограммы содержали лишь только дату и время, когда следует атаковать Бульвар, — Иен принялся загибать пальцы. — Затем проклятая игрушка Олдеринга спровоцировала появление мага-Исхода, в этом я убежден. Затем появляется беглая маг, называющая себя *малефиком Магос Теус*... Я чувю, что нас ждет что-то очень плохое.

— Вероятно, ты прав, как всегда, — кисло сказал маг и добавил после внушительной паузы: — Да решит все случай.

За окном снова разразилась вспышка, затем последовал смешливый гром.

* * *

Ливень с мелкими градинками продолжал лить как из ведра оставшийся день.

Иен смиренно стоял под растянутой парусиной и докуривал последнюю сигарету из пачки, наблюдая прибытие черного дирижабля без маркировок и обозначений. Он грузно спускался с лилово-черных небес к недостроенному аэродрому на месте руин старого.

У арочного входа в новый аэродром стояла выскобленная дождем мраморная плита.

Иен выбросил недокуренную сигарету в лужу под своими ногами, когда дирижабль опустился на землю. Скоро из-под китового пуза облачного корабля показалась процессия прикрывающихся черными зонтами людей. Они отправились в здание городского реестра и управления.

Стены аудитории для переговоров были выложены из малинового камня, просторное помещение с эхом освещали фигурные лампы из латуни в виде средневековых факелов с абажуром из матово-голубоватого стекла. Посередине аудитории по форме пчелиной соты была поставлена кафедра, укоризненно глядящая на скошенную трибуну с деревянными скамейками. Позади этой кафедры стоял длинный накрытый пурпурно-золотой скатертью стол, за который расселись седовласые присяжные и сам судья. Иен был вынужден стоять перед кафедрой, чувствуя себя отвечающим на экзамене школьником, который ничего не выучил. Немного погода в аудиторию вошла *она*...

Златокудрая, с осиной талией, она, обмундированная в исключительно черный наряд с вышитой на груди литерой "С". Рядом с ней встала невысокая типичная серая мышка, ее секретарь. Анна Гиллерт смерила Иена пронзительным взглядом, ее живой глаз светился злой синевой, а снежный шар безжизненного импланта из криолитового стекла вынуждал вставать дыбом на затылке волосы каждого, на кого он посмотрит. Безупречно белый, как здоровенная жемчужина, глаз смотрел прямо на Иена с такой ненавистью, что у него под пищеводом кольнуло булавками. Он вспомнил, что не ел сегодня, но если бы поел, сейчас бы его вырвало. Черный пес тихонечко заскулил, да и Иену самому захотелось заскулить и завывать по-собачьи.

— Уважаемый суд, — объявила секретарь. — Дисциплинарное разбирательство по делу Иена Маршака, действующего с разрешением Верховного сана магоборческого ведомства Секретария в Каннескаре провинции Ригэсс ауто-да-фера энсина, объявляется открытым. Рассматривается вопрос грубого нарушения указа о своевременной нейтрализации угрозы

гражданскому населению, исходящих от лиц с магическим даром.

Сморщенный судья с неудовольствием выпрямился и встал.

Он был приземистым, острые плечи мантии делали его похожим на черный квадрат.

Иен был уверен, что Анна похлопотала над тем, чтобы его дело рассматривал самый бесхребетный и флегматичный судья в провинции — Джозеф Спиноза. Анна обошла своим властвующим взглядом аудиторию, присяжных и присутствующих на трибуне зрителей, среди которых были все представители Тетраконклава с Ласло во главе, Маркус, Ханна и сопровождающая секретарскую делегацию имперские гарды в кричащих мундирах.

— Секретарский обвинитель, зам прокурора судебного ложа — Анна Кэйтли Гиллерт, — представил Анну морщинистый судья безынтесным тоном.

— Сторона протекции обвиняемого — архимаг Каннескарского Тетраконклава, Ласло Фог, — представился маг, поднявшийся с трибуны.

Судья хотел было что-то сказать, но его перебила Анна:

— Если достопочтенные присяжные не против кандидата официального протектора обвиняемого, мы продолжим, — сообщила она. — Маккормаш, зачитите акт обвинения.

Нафталиновый старик-судья растерянно заморгал, но смиренно промолчал, глядя на адресованную только ему одному обезоруживающую улыбку и кроткий взгляд прилежной гимназистки. Невысокий мужчина с рыжевато-платиновой залысиной и в нелепом пенсне поднялся с места с краю стола, помощник обвинителя.

— Обвиняемому вменяется в вину то, что он, пренебрегая жизнями гражданских лиц и административной собственности, сознательно решил не уничтожить новорожденного мага-Исхода мисс Аннабель Баркер, находившейся в состоянии магической одержимости. Согласно указу семнадцать ауто-да-ферского догматория, цитирую: "сертифицированный ауто-да-фер должен незамедлительно уничтожить Исхода, если состояние последнего не нормализуется в кратчайшие сроки". Конец цитаты, спасибо.

Маккормаш смиренно сел.

— Маршак, — обратилась обвинитель. — Вы признаете, что нарушили указ семнадцать ауто-да-ферского догматория?

— Абсолютно точно нет, — произнес он.

— Поясните причину вашего проступка.

Ее стеклянный глаз прожигал в нем дыру. Он чувствовал, что проваливается прямо в Тартар от всей той ненависти, с которой она на него взирала со своего возвышения.

— На место происшествия, — спокойным тоном начал он. — Мы прибыли уже намного позже того, как магом-Исходом были свершены нападения на людей. Следовательно, я не имел возможность обезвредить ее раньше и предотвратить жертвы.

— У обвинения есть свидетели, говорящие, что вы так и не приступили к устранению мага по прибытии, это верно? — язвительно улыбнулась она.

— Я полагал, что еще есть шанс вернуть ей рассудок. Если бы ситуация вышла из-под контроля, я бы ее застрелил, разумеется. Однако я сумел выждать время, и она обессилила раньше коллапса...

— По каким это признакам вы определили, что ситуация находится под контролем и что... — издевательские паузы, это ее конек. — Выжидание времени не повлечет все новые жертвы? — она саркастично улыбалась, присяжные начали откровенно посмеиваться.

Иен решил не углубляться в поиск наиболее точных формулировок:

— Я основывался на своем личном опыте и специфических проявлениях магического

истощения у Исходов. Есть научные исследования и неоднократные наблюдения, которые подтверждают, что силы мага-Исхода высвобождаются выплесками. И по моим подсчетам очередное истощение должно было наступить вскоре после нашего появления, и чем мне пытаться лезть в пасть ко льву, я решил немного подождать, пока лев закроет пасть и даст себя погладить, так сказать.

Анна приподняла уголки губ в коралловой помаде. Ни один человек, кроме Иена, не смог бы заметить этот едва различимый хищный жест. Под ее верхней губой промелькнул бугорок: она облизнула клыки перед тем, как вонзить его в стратегию защиты противника. Иен чувствовал себя полузадушенной ланью в когтях у пумы.

— То есть вы признаете, что руководствовались скорее субъективными критериями, чем положениями соответствующего устава?

— Да, — коротко отчеканил он, глядя прямо в ее глаза, не поморщившись.

— Вопросов нет, Ваша честь, — четко, как будто ставя точку, произнесла Анна.

За пределами аудитории без окон слышался приглушенный звук грозы. Лицо Ласло не выражало ровным счетом ничего, однако его поза выдавала готовность ответить на все реплики другой стороны. Охотник видел, как напряжены его ноги и спина, даже плотная золотистая мантия и изумрудная накидка с волчьим мехом не могли скрыть его состояния взведенной пружины.

— Суд предлагает слово официальному протектору, — судья, похоже, даже не следил за ходом допроса, а ориентировался на ключевые фразы, на которые нужно среагировать как собака, отвечающая на звонок колокольчика и мигание лампочки.

— Уважаемые участники процесса, уважаемые присяжные, — маг широко улыбнулся, обнажив зубы, — Мисс Гиллерт. Для начала, я хочу отметить, что магическое сообщество скорбит о произошедшем побоище из-за перерождения Исхода. Это невосполнимая утрата сотен невинных жизней... — Иен кротко взглянул на бумажки, раскиданные перед ним, где был заранее заготовленный текст речи протектора.

"Немыслимое расточительство сотен жизней" было перечеркнуто и дописан более сентиментальный вариант.

— ...Утрата невосполнимая, — он продолжил. — Однако господин Маршак следовал в интересах исключительно всеобщего блага. Маги всего города благодарны ему за то, что он действовал непредубежденно по отношению к нашей братии...

— Ваша честь, сторона протекции намеренно затягивает процесс, — не выдержала она.

И, хотя ее тон голоса оставался холодным как ведро стывшей воды, Иен смог уловить раздражение.

Она ненавидела, когда ее время тратят на пустую болтовню.

На секунду судья растерялся, явно не зная, какую формулировку применить к Ласло. Анна выжидающе смотрела на него, изогнув дужку брови. Таким же взглядом терпеливые родители смотрят на чадо, не могущее установить вершину игрушечной пирамидки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тем временем, Ласло продолжал заговаривать зубы слушающим:

— Кроме всего прочего, приобретение Исхода поможет технологическому прогрессу и обеспечит благополучие жителям империи. Вы же знаете, какая это редкость — *Исходы*. Они являются катализатором прогресса в магической науке, и их недостаток ощутим в особенности в последние десятилетия. Убить растерянное дитя, которое хочет созидать по своей природе, но не может в силу своей неопытности и слабости — самый легкий путь, —

Иену показалось, что Анна театрально закатила глаза. — Господин Маршак рисковал своей жизнью, чтобы принести в науку еще одно благо. Вы должны знать, за долгую историю лицензирования магов Исходы толкали мир на путь благоденствия. Обыкновенные маги чувствуют Исходов, и тянутся к ним, как бабочки к свету горящей свечи. Кроме того, если бы господин Маршак убил девочку, магическое сообщество было бы в ярости. Они очень щепетильны в вопросах, которые касаются таких одаренных детей и считают, что имеют на них определенные права. Вспомните все восстания, происходившие в истории, когда ауто-да-ферры не желали подождать и дать шанс новорожденному магу-Исходу взять верх над своей неудержимой силой. Вспомните *Джошуа Макензи*...

Лицо Анны перекосило как из-за инсульта.

— В доказательство вышесказанного, прошу суд разрешить допрос Аннабель Баркер. Если, разумеется, мисс Гиллерт не возражает, — его уважительно-издевательские полутона в голосе восхитили присяжных дам.

— Обвинение не возражает, — холодно махнула рукой Анна.

Спиноза вообще ничего не ответил, только покивал, изображая вовлеченность.

Створчатые железные двери распахнулись, и несколько магов ввели внутрь девушку с ослепительно-белоснежной кожей. Она сжимала в порозовевших от притока крови руках куклу аристократки. Ее лихорадило, и она боялась, что обвинение предъявят ей, и архимаг был вынужден придерживать юное дарование за плечо, чтобы дать ей ощущение защиты. Аннабель отдернула его руку, не желала, чтобы к ней прикасался мужчина. Она выглядела такой ничтожной и опасливой, что трудно было поверить, что внутри этого лихорадящего тельца теплится чудовищная околобожественная сила.

— Как ты себя чувствуешь, дитя? — обвинитель обратилась к ней вежливо, почти по-матерински нежно, что Иен не поверил своим ушам.

Она попросила рассказать ей, что Аннабель помнит о том злосчастном дне. Горький пот шел с нее ливнем, она говорила, запыхавшись, будто после стометровой пробежки.

— Я... чувствовала себя странно... как никогда себя не чувствовала в жизни, — начала она. — Отчим попытался утянуть меня с собой, я сопротивлялась... я не могла больше так жить!.. Постоянные унижения, жестокость... омерзительные прикосновения к моей коже и... его ублюдские друзья игрались со мной, как с неживой куклой... Он был чудовищем, он убил мою маму, а потом пользовался мной, будто я какая-то вещь...

Она яростно сжала в белоснежных пальцах куколку фарфоровой аристократки.

— В тот момент навалилось все это разом... — Аннабель сделала паузу, обдумывая. — А потом... потом все стало как во сне... Люди кричали и боялись меня, они убегали прочь, а моя голова раскалывалась от шума... *Нечто*, таящееся доселе внутри, напало на них... Клянусь, я ничего не смогла с этим поделать... *Нечто* использовало меня... как куклу, как использовал мой отчим... — она заплакала. — Затем все потемнело... — она указала на Иена. — Он схватил меня за руку, и пение прекратилось... Это сложно объяснить, — замялась она, выбирая слова точнее. — Сила, которая захлестнула меня... она то и дело пела... это пение заставляло меня делать, то, чего я не хотела, но он, освободил меня...

Всепоглощающая ненависть к миру, которая сначала породила Исхода внутри нее, обыкновенной девчонки, а затем пережевала и брезгливо выплюнула, вытянув все соки, сделала ее машиной для убийств. Она не понимала, что делает, став инструментов в руках сил непостижимой природы Исходов.

— Ваша честь, позвольте закончить, — вмешался Ласло.

Анна выглядела смущенно.

Она ненавидела Иена, но все-таки она не ненавидела девчонку, на чью долю выпали испытания, кои по плечу не каждому. Анна не была какой-нибудь магоненавистницей, в отличие от других охотников на магическую заразу, так они называли магов. Женщины из присяжных промокали уголки глаз платками, мужчины отрешенно смотрели в малиновую стену, проглатывая вырывающуюся сентиментальность.

Судья раскис и выглядел даже более жалко, чем свидетельница.

— Пожалуй, можете увести ее, — она неуверенно махнула рукой.

Аннабель вывели из аудитории. Напоследок она взглянула на Иена глазами ягненка и одними губами прошептала "спасибо". Он растерянно ответил ей сдержанным кивком, на что она улыбнулась. Это подметили присяжные, шумно вздохнувшие от сантиментов. Иен уловил взгляд Ласло и его одобрительное подмигивание из-под синих непрозрачных линз очков.

— Обвинение просит свидетелей для дачи показаний, — кашлянула Анна.

Поочередно с трибун поднялись Маркус, Ханна и некто Тобис Карловец, случайный свидетель происшествия на вокзале. Дар рассказчика у него определенно присутствовал: он настолько красочно описал части расчлененных и подожженных тел, летавшие над его головой, что судье стало плохо и ему пришлось удалиться из аудитории. Анна брезгливо приподняла уголок верхней губы: она представила, как трудно было бы отстирать кровь от ее отглаженных костюмов.

Ханна же давала показания максимально нейтрально, как на экзамене, и не велась на провокации Анны.

К моменту, когда к трибуне вызвали Маркуса, стало ясно, что он хорошо набрался.

Толковый судья выгнал бы такого свидетеля: перегар распространился повсеместно, от постамента судьи до скамьи присяжных, где тетушки стыдливо прикрывали платками свои наморщенные носы. Маркус даже в таком состоянии обходил вербальные ловушки, расставленные Анной. Она здорово с ним просчиталась: в общих чертах, Маркус говорил то, что от него требовало обвинение, ведь лжесвидетельствовать он никак не мог. Но он одним видом внушал столько отвращения кисейным барышням на скамье присяжных, что они его не слушали вовсе.

— Как вы охарактеризуете бездействие Маршака? — отрывисто спросила Анна.

— Он песий сын! — выкрикнул он, смутив публику на скамье и пытаясь обличительно ткнуть пальцем в Иена. Его рука металась из стороны в сторону, как мачта подхваченного штормом корабля, а палец пересчитал все предметы вокруг Иена. — Однако у него были свои причины. Вот убил бы он девчонку — и был бы крайний. Его бы судили за то, что он недостаточно хорошо пытался сохранить Исходу жизнь, или вообще маги бы устроили бы восстание! А здесь девчонка помятая, однако же живая, и его все еще судят! Видите ли, он недостаточно хорошо пытался спасти гражданское население. Кто крайний, а? Кто, я вас спрашиваю?! Иен, мать его, Маршак!

Это очень тронуло Иена за живое, он даже расчувствовался к старому алкашу.

— Суду присяжных предлагается удалиться для принятия решения, — прорычал судья, как постаревший лев, и вышел из зала.

Присяжные гуськом выползли в дверь рядом со скамейкой.

Иен ждал приговора с замиранием сердца, паника захлестнула его с головой, но вида он не давал, сохраняя напускное хладнокровие и спокойствие. Тем не менее, каждый шум,

напоминавший ему шаги, заставлял его находиться бойцовским петухом. Его колотило, голод, что скребся на дне пустующего желудка, таял, как снежинка на теплой ладони. Он переглянулся, Маркус разговаривал с Ханной, склонившись к ней, Ласло переговаривал с тиа Кар и другими тетраконклавцами. Желтые светящиеся моли в его бороде и волосах обеспокоенно ползали и трепетали крылышками. Анна ни разу не пересекалась с Иеном взглядом с того момента, как вернулась в залу раньше судьи и присяжных, и делала вид, что черкает заметки в блокноте из дубленой кожи. Она наклонилась к своему помощнику, и тот, сорвавшись с места, побежал в коридор.

Наконец-то, присяжные и судья вошли в аудиторию. Анна подскочила к судье и что-то сказала ему, склонившись, он понимающе покивал.

— Доказано ли, — провыл Спиноза. — Что ауто-да-фер энсин, известный как Маршак Иен, и действующий в интересах Его величества Великого экзархия Милоской империи с разрешения магоборческого ведомства Секретария в провинции Ригэсс города Каннескар, нарушил указ номер семнадцать ауто-да-ферского догматория?

— Да, доказано, — ответила женщина в шляпке грудным контральто как председатель присяжных.

Иен застонал сквозь зубы, но так, что услышал его только Ласло.

— Доказано ли, что действия Маршака Иена повлекли значительные разрушительные последствия и человеческие жертвы?

— Да, доказано.

— Виновен ли он в преступном нарушении обязанностей ауто-да-фера?

Пауза, длящаяся вечность, выдержанная женщиной присяжной, чересчур театрально.

— Нет, не виновен.

Судья взглянул на Анну. Та покровительственно улыбнулась остренькими клыками, ни одним мускулом не выразив беспокойства.

Почему она так невозмутима?

Разве поражение не должно вывести ее из себя?

Эти и другие вопросы задавал себе Иен, пристально вьевшись в нее подозрительным взглядом.

Она была раздражительна во время процесса, сейчас создавалось такое впечатление, будто бы она полностью контролирует ситуацию. Иен не мог разобрать ее эмоциональное состояние, и сейчас это вызывало у него новую волну липкой паники.

— Заслуживает ли Иен Маршак какого-либо наказания?

— Нет, не заслуживает.

Иен, с плохо скрываемым облегчением, выдохнул собравшийся в легких воздух.

Судья бросил еще взгляд в сторону Анны, и она ему еле заметно кивнула.

— Вам выносится предупреждение, — неубедительно жестко отчеканил судья тоном, будто не он все слушанье витал где-то в облаках. — Обвинитель, вам последнее слово...

— В дополнение к оправдательному приговору, — произнесла Анна. — Я отстраняю... — Иена, будто облили холодной водой. — Временно от должности зам прокурора судебного ложа Секретария Анну Кэйтли Гиллерт...

— Что это значит?! — закричал Иен, все уставились на него, но Анна не отвлеклась от только что симпровизированной речи.

— ...И назначаю ее, то есть, меня, от имени действующего прокурора судебного ложа Антониш Вагко официальным надсмотрщиком ауто-да-фера Иена Маршака до принятия

решения прекратить надсмотр, — она закончила фразу торжественным тоном.

— Приговор обжалованию не подлежит, — окончил Спиноза и хлопнул молотком.

Иену внизу живота будто бы упала наковальня, пугающий хлад разнесся по сосудам, и мелкая дрожь коснулась кончиков пальцев, заставляя их приплясывать чечетку.

Анна подошла к нему вплотную, хлестнув обжигающим взглядом его лицо. Он в два шага пересек разделявшее их расстояние и приблизился вплотную.

— Немедленно объясни, что это значит.

— О, это значит, что я не верю тебе, Охотничий пес, — ядовито плюнула она. — На сей раз, ты выкрутился, я поздравляю. Однако еще один промах... Лишь один, и я устрою тебе веселую жизнь, я тебе это обещаю. Отныне я лично буду следить за тобой.

— Это не в твоей юрисдикции, — прошипел сквозь зубы он.

— После выслушивания протектора и свидетелей я поняла, что не могу в полной мере рассчитывать на закон, и поэтому отправила Маккормаша выслать телеграмму в судебное ложе прокурору, в нем я ходатайствую о временном освобождении меня от обязанностей его зама и назначении на эту должность. Он обязательно прислушается ко мне, и поэтому я нисколько не сомневаюсь, что получу подписанный приказ в ближайшее время, — она кокетливо отправила ему воздушный поцелуй.

Она ушла, ну а он до последнего наблюдал за ее ускользающим силуэтом.

Внутри него все съежилось от сосущего чувства под ложечкой.

В присутствии этой женщины он терял свою самоуверенность и становился уязвим.

— Мошенник! — орала, смешно подпрыгивая, полноватая фрау в безразмерном платье цвета хрюшки и соломенной шляпке с высохшими гвоздиками. — Рыбешка твоя пару дней как протухла совсем, ноздри свои разуй!

Толстяк Ульф раздраженно смахнул мозольными пальцами капельки пота с огненно-рыжих, будто проржавевшие пружины, усищ, скрывающих его зловонный рот. Крохотные пороссячи глазки, запятанные под брегами морщин, были кроваво-алые от полопавшихся капилляров из-за невыносимого рыбного душка. Пурпурно-рубиновый сплюснутый нос и уши цвета вареной свеклы, обрюзгая румянящаяся рожа, окаймленная лоснящейся салом копной багровой бороды не слишком-то располагали покупателей.

Жара стояла несусветная, солнце щедро обдавало раскаленную набережную ливнем светло-желтых лучей оплавленного золота, разбрызгивая капли ослепительных зайчиков. Половина первого месяца сезона жатвы прошла, казалось бы, лето уже четырнадцать дней как закончилось, но Каннескар никогда не знал жары подобной этой. От прожигающих дрожащий воздух лучей, тротуар плавился как масло, рыба, раки и пресноводные устрицы гнили и прели прямо на прилавках рыбного рынка.

Смрад распространялся повсюду, накрывая бесцветной вуалью все кварталы Речного порта. Беспокойное, возбужденное жужжание разжиревших мясных мух, гомон базарной брани, и чайчи вскрики аккомпанировали застоявшемуся рыбному зловонию. Жужжание мух, раздражающее дребезжание перепончатых крыльев на нескладных тельцах пепельно-гранитного цвета стояло неутихающим гамом над переполненной жизнью набережной.

Суетливое столпотворение сотни сотен людей с высоты птичьего полета напоминало конвульсивное копошение личинок или глистов в разорванном трамвайном колесом пузе дворового пса. Сотни разномастных голов, безволосых, седовласых, чернокудрых, рыжих, напудренных и накрытых нелепыми шапочками с цветочками и ленточками, цилиндрами, котелками и канотье суматошились на бетонном пляже отравленной реки, точно микробы на головке булавки. Говорливая чайка сбросила пометную струю Ульфу на покрасневшее, влажное от проступившего жемчуга пота лицо. От внезапности жирный рыболов вышел из медитативного оцепенения, белесая с желтовато-темными пятнами жижа затекала ему в нос и полураскрытые губы.

— Гнусная хабалка с крыльями! — закричал он, грозя сжатыми кулаками в небо.

Оплеываясь, он вытирался пропитавшейся рыбой тряпкой, не обращая внимания на говорливую покупательницу.

— Говорю, рыба твоя протухлая, чурбан, — она повысила голос.

— Меньше чем за тридцать медных не продам, я уже сказал, — проревел Ульф.

В грязноватой бороде толстяка застряли белесые капельки и поблескивающая чешуя над обветренной губой.

Покупательница начала ему досаждать, но торговаться ему вовсе не хотелось.

— Послушай, — прорычал он. — Это наисвежайшая рыба, я ее утром из сетей вытащил, она еще четверть часа назад болтыхалась, как свинья прирезанная.

— Чего она воняет тогда, а? — она схватилась за бока, как кудахчущая курица.

— Жара гребаная, не чувствуешь что ль? — он зычно харкнул на резиновые галоши. — Тут у всех рыбешка спеклась на солнце, вот и воняет. Не меньше чем за тридцать и все.

— За двадцать возьму, — безапелляционно заявила она.

— За тридцать, или катись колбаской отсюда.

— Ишь, выискался, — пригрозила она пальцем. — За двадцать и ни медяка больше не получишь. Никто твою тухлятину дороже не возьмет.

Ульф что-то пробурчал, подумал и решил уступить, чтобы поскорее избавиться себя от надоедливой покупательницы. Забросил рыбеху на разделочную доску и выпотрошил ей заточенным ножом брюхо, сваливая пахучую требуху в подставленный алюминиевый таз. Вытирая почерневшую кровь о свой фартук и без того перепачканный он упаковал рыбью тушку в развернутый газетный лист "Правдоруба".

— За двадцать медяков, — он протянул веревочную сумку с содержимым тетке, и она, звякнув монетками, заплатила рыболову названную сумму. Когда она отвернулась, уходя, он одними губами прошептал ей вслед. — Чтоб ты подавилась ей и сдохла, потаскуха.

Внезапно что-то грохотнуло в толпе, это заставило Ульфа поднять свинячьи глаза от сложенных в ладони монеток. Чихающий грузовой броневи́к на полной скорости въехал в толпу, расшвыряв людей как тряпичных кукол. Толстая женщина в светло-розовом платье и соломенной шляпке была в гуще событий, раздавленная шинами, кровавый след тянулся от тела к броневику алым шлейфом. Веревочную сумку она продолжала крепко держать в обескровленных пальцах, газетный сверток рыбой лежал в нескольких футах от нее, рыбу тотчас растаскали дворовые коты, облюбовавшие рынок.

Водитель мобиля сидел недвижимо, прильнув кровоточащим лбом к баранке. Толпа начала осматриваться и заохала, обнаружив причину случившейся аварии: посреди улицы в окружении множества людей стояла девушка. Солнечный свет не касался ее и проходил насквозь, не оставляя даже куцей тени на расколоченном плавящемся от жары асфальте.

Она, полупрозрачная словно мираж или дымка, стояла и обеспокоенно озиралась по сторонам. Водитель, пришедший в себя, оглянулся и, завидев призрачную девушку снова, газанул вперед, раздавливая в щепки рыбный прилавок с Толстяком Ульфом, разметывая из-под колес протухлую на жаре рыбу и внутренности несимпатичного рыбака. Двадцать медяков весело, как раскатистый детский смех, скакали по дороге, вывалившись из ладони озадаченного поцелуем с клепаным кузовом торгоша. Водила впечатал несчастного в тут же осыпавшуюся стену, Ульф плюнул подступившую к горлу кровь и умер с выражением полного непонимания, застывшего на его некрасивом лице.

* * *

Внутри старого зернохранилища, ныне осиротевшим, было зверски душно.

Паточный пот тек по спине Иена под одеждой ветвящимися ручьями.

Раскаленный воздух отчаянно жег ему горло.

— Помедленнее! — кричал, разбрасываясь эхом по просторному помещению, мужчина в оранжевой робе товарищу в свежеевыкрашенном погрузчике.

На серо-грязный пол с оглушительным звоном колокола ударил сейф внушительных габаритов с вентиляционными отверстиями. В воздух взметнулась колонна строительной пыли и все присутствующие закашлялись, пятясь назад и прикрывая рты руками.

— Криворукие, это вам не кирпичи разгружать! — отплеываясь, закричала Анна.

Послышался сдавленный скулеж, доносящийся из недр сейфа.

Збыне́к любопытствующим взглядом уставился на таинственный объект, из которого

шел знакомый звук, он воодушевленно заскакал возле хозяина, размахивая хвостом, точно ловкий фехтовальщик шпагой.

Размеренным шагом к Анне подоспели двое стражей, имперских гардов в кричащих мундирах, вооруженные канатными удавками на длинных металлических жердях. Стражи осторожно приблизились к вскакивающему на месте коробу неслышной поступью. Нечто большое и сильное, плененное чьим-то злобным умыслом внутрь металлической тюрьмы, рвалось наружу, раскачивая стены узилища, сопровождая толчки раскатистым рычанием и оглушительным лаем.

Анна сняла с шеи веревку с, поблескивающим в редких полосках света, проникших в темное помещение через прохудившуюся крышу, ключом и вручила его одному гарду. Он подступил к подскакивающему на месте коробу, существо внутри возбужденно залаяло, Ханна испуганно шагнула спиной назад, придавив каблуками Иену ногу.

— Черт... Ханна!

— Ой... простите...

— Вы оба, замолкните! — прицыкнула Анна.

Все они пребывали в напряжении, сам Иен невольно потянулся пальцами к рукоятке револьвера, Ханна стискивала побелевшими пальцами свою трость, она, готовая вытащить серебряное лезвие скрытой шпаги, жаждущее упиться кровью, была очень сосредоточена. Несколько мгновений они слышали дыхание каждого из присутствующих, пока траурную тишину не нарушил лязг когтей-ножей и душераздирающий вой.

Подойдя к сейфу вплотную, гард в последний раз переглянулся с Анной.

— Начинайте, — прошептала она.

Крякнул замок, дверь открылась, два огненно желтых огня выглядывали из аспидной темноты, напоминающие полыхающий янтарь, сверкнули жемчужные клыки. Дьявольская тварь имела сторбившиеся человекоподобное тело, худосочное, но жилистое, ее мускулы наглядно проступали на иссиня-черной коже, практически лишенной волосяного покрова, короткие перламутровые волоски напоминали трехдневную щетину. Удлиненная собачья голова с заостренными шакальими ушами раздраженно встопорщила платиновые усища и оскаливалась, огненные глаза нахмурились, но в них читалась какая-то неуловимая грусть и разумность. Кинокефал выпрямился, выйдя из-под низкорослого потолка сейфа. Пальцы его ног соединялись кожистыми перепонками, когти переливались молоком на полосках света ослепительными всполохами. На его безволосой груди виднелся светловатый контур стародавнего клейма по форме секретарской литеры "С".

Он взбудоражено озирался, вертя подвижными ушами, и поджимал лысый хвост.

Он издал протяжный хриплый, как несмазанная телега, вой.

Гарды накинули канатные удавки на горло страшного зверя и затянули их, вынуждая существо унизительно опуститься на четвереньки.

— Спокойно! — вытянула руки Анна. — Не сделайте ему больно!

Зверь издал сдавленный скулеж и завалился на грязноватый пол, кувыркаясь.

Демонстрация напускного смирения заставило гардов расслабиться, и это позволило хитроумному зверю воспользоваться моментом, крепко ухватиться за жерди, и вырваться из пленения, разметав мундиров в стороны. Стремительным прыжком волчище преодолел разделявшее группу людей с ним расстояние, и одним только мощным ударом сшиб Иена с ног. Ханна отпрыгнула, тренькнув серебряным лезвием шпаги, но Анна перегородила ей дорогу. Зверь всем весом придавил Иена, когтем выудил револьвер из кобуры и кинул его на

несколько футов от охотника, лишив того орудия. Ханна что-то невнятно закричала, но Анна заставила ее замолчать.

Он буравил свою обездвиженную добычу ожесточенным взглядом, его мышцы были напряжены, толстые вены проступали на мускулистом теле. Збынек раскатисто лаял на незнакомца, но кинокефал ухом не вел, продолжая неотрывно смотреть Иену в глаза. Иен смежил веки и скорчил гримасу отвращения, когда зверь принялся лобзать блюдо его лица плоским языком, обдавая его нос псовой вонью.

— Тьфу... прекрати! — он безуспешно оплевывался и отталкивал кинокефала руками.

— Он все-таки признал тебя, Охотничий, — хмыкнула Анна и заключила: — Весь цирк уродцев в сборе.

— Убери его с меня! — закричал он, толкаясь коленом в живот неугомонного зверя. — Волчонок, фу!.. Прекрати меня облизывать сею же секунду!..

— Все, Волчонок, пади прочь, — сквозь смех попросила Анна, и Волчонок послушался ее.

Иен встал, отирая от железной слюны кинокефала свое лицо рукавом заплатанного пиджака, когда что-то холодное коснулось кончиков его пальцев. Волчонок вложил ему в руку револьвер, за что Иен одарил старого боевого товарища сдержанным похлопыванием по шишковатой и щетинистой, напоминающий кактус, голове.

Кинокефалы, эти необыкновенные животные, сочетающие в себе фантасмагоричную помесь людей и собачьих, еще с незапамятных времен обитали небольшими племенами на далеком севере, на отдаленном от Арха заснеженном острове Сивом, окруженном скалами и айсбергами. Марианские арбитры ловили их щенками и натаскивали для охоты на магов из-за их удивительного обоняния, способного улавливать магические кварки, так же, как Иен. Когда они с Анной проходили практику неофитов с их наставницей Лидией Кэйрнс, Волчонок был ее личной охотничьей гончей, каких частенько содержали при себе ауто-да-ферры, все, кроме, разумеется, того, кто сам себе и охотник, и охотничья гончая. Иена.

— Объясни еще раз, Анн, — произнес он, когда они покинули зернохранилище и ехали в кузове полицейского броневика. — Для чего ж тебе понадобился Волчонок, если есть я? Я, конечно, рад его снова увидеть, но... это бессмысленно.

Уже полмесяца Анна успешно доводила его до нервного срыва.

Через пару дней после дисциплинарного разбирательства она получила разрешение прокурора стать надзирателем Иена, его псарем, как она шутила, официальный приказ с секретарской печатью пришел уже через неделю почтовым дирижаблем, и тогда его жизнь превратилась в ад. Еще ему не нравилось, что Анна постоянно присматривалась к Ханне, точно голодная лисица к курятнику. Она нахваливала ее за каждый едва вразумительный комментарий, за каждый верный чих. У Иена промелькнула абсурдная мысль, будто Анна стремится сманить ее на свою сторону, с тем чтобы ополчить ученицу против неумелого учителя и внести разлад в их отношения и работу. Учить Иен не умел, и учителем он был плохим, это он осознавал прекрасно, но едкая обида все-таки закралась в его сердце.

Анна посверлила его пустым глазом, но ответила:

— Я не доверяю не только тебе, но и твоим сомнительным навыкам.

— Сомнительным навыкам? — переспросил он, будто не расслышал.

— Что тебя удивляет? — она растянула коралловые губы в полуулыбке. — Ты никогда не был профессионалом, каким себя считаешь. Нюх — все, чем ты можешь похвастаться, и даже в этом случае, я предпочту довериться Волчонку, чем тебе.

— О чем ты таком говоришь? Я самый известнейший ауто-да-фер своего поколения, к твоему сведению.

— Лишь только из-за твоего псового носа, не велико достижение. Твои способности выслеживать и нейтрализовать магов заканчиваются на вынюхивании их грязных портков и неумной стрельбе направо и налево золочеными пулями, которые лишь для тебя одного Секретарий выделяет больше, чем для кого бы то ни было. Тебе тут гордится вовсе нечем, — и с презрением добавила: — Ты просто пес.

Он соскочил с железной скамьи, и ударился макушкой о низкий потолок со звучным дребезгом.

— Какая муха тебя укусила, Анна!

Желтый луч света, когда их транспорт, круто развернувшись по дороге, накренился в бок навстречу солнцу, промелькнул по кузову, выхватив на миг из темноты потупившую взгляд Ханну, победоносно улыбающуюся Анну и глаза Марка, наполненные сожалением, выскользнув из крошечного решетчатого окна.

Только черные глаза-жуки Збынека все также лучились верностью, как и положено.

— Сядь, Иен, пока ты не соскользнул на повороте и не ударился пустой головешкой, — промурлыкала она, он нехотя послушался ее совета, мысленно кроя своих коллег всеми известными ему бранными словами.

Воцарилось гробовое молчание, нарушаемое только ревом двигателя мобиля. Иена раздражало, что ему пришлось преждевременно капитулировать, и все-таки препираться с Анной было бессмысленно: она была права, и он это знал. Он и вправду никогда особо не отличался выдающимися познаниями в магоборческом ремесле, полагаясь исключительно на свой уникальный дар. Но будь он хоть четырежды заколдован чертями Лучафэра, если когда-нибудь вслух признается этой суккубше, что она права — вот что ему мыслилось каждый раз, когда он встречал с ней в очередной бесконечный спор. Ему было жаль, что он выстрелил в нее тогда. Ему казалось, что это было в какой-то другой жизни, и хотелось это позабыть навсегда как о страшном сне. Долгожданное прощение — вот, чего он жаждал больше всего на свете, и что отчаялся получить.

Иен медитативно прикрыл глаза.

Пропитанный запахами воздух попадал в затхлый кузов полицейского мобиля сквозь микроскопические щели, доносящий до Иена отдаленные отголоски многочисленных душ людей, животных, разнообразной еды, материалов и отравленного мануфактурного чада. Он простирал, подобно златоперым крыльям ангела исполина, сверхчувствительный нюх, ловя мириады запахов, пропитавших индустриальный город. Сухой ветер разносил души всего материального на многие километры, Иен с жадностью проглатывал сладострастные и смердящие фантомы мира сего, пробуя на язык, да рисуя в воображении детальнейшую картину города, тканную призрачными узелками и мазками тончайших ароматов во всем расточительном разнообразии. До него доносились запахи конского навоза, карамельных яблок, плесневелого сыра и протухшего молока, созревающих на жаре потных подмышек людей и других ароматов.

Его носа прикоснулся запах духов Анны, лаванда с жасмином.

Она до сих пор не поменяла туалетную воду, оставаясь верной своим вкусам...

Вдруг водитель-полицейский истошно завопил, выкрутив баранку самоходки, они с дичайшим визгом резиновых шин сорвались с дороги на пешеходный тротуар и врезались в фонарный столб...

У Иена в ушах забренчали колокола, во рту почувствовался привкус крови...

Он приподнялся, навалившись на двери, раскрыл их, впуская внутрь ослепительный свет полудня, и осмотрелся. Взгляд сфокусировался не сразу, перед ним застыли размытая пелена и солнечные зарницы, колокола продолжали отбивать в его голове шум, вынуждая зажиматься от знобящей боли.

— Все живы? — спросил Иен, охрипло, и понял, как бессмысленно прозвучал вопрос.

— Нет, померли, — раздраженно сплюнула Анна. — Проверь нашего водителя.

Тря пальцами ушибленный лоб, Иен в несколько косолапых прыжков обогнул кузов самоходки и заглянул в водительский салон, смятый в гармошку.

— Он мертв, — бескомпромиссно ответил он Анне, которая в ответ отборно ругнулась.

Маркус вывалился наружу из кузова и заковылял к водительскому месту, приподняв расквашенную в кровь голову полицейского за черно-бурые волосы, на его лице застыла восковая маска страха. Иен осмотрелся по сторонам, заинтересованные чужим несчастьем люди стягивались сюда со всей улицы.

До его носа донесся приторно-паточный запах магической сущности...

— Чего это он так испугался, что рванул в фонарный столб? — тоненький голос Ханны надломился как лед под слоном.

— Этого, — сказал Иен, указывая в собравшуюся толпу, где слышались удивленные охи и вздохи.

Вся улица затаила дыхание в заиндевелом оцепенении, наблюдая одного мужчину в возрасте и в сером пиджаке профессора колледжа с пятнами преподавательского мела на рукавах. Ослепительно-белый свет полуденного солнца проходил сквозь его неясное тело, не отбрасывая на асфальт даже кургузой тени.

— Сэр? — спросил Иен призрака.

Мужчина бросил рассеянный взгляд в сторону Иена, и его седовласые брови-стрелки поползли на лоб, вопросительно вспорхнув над линзами-половинками очков в тончайшей оправе.

— Что я здесь делаю?..

— Как вас зовут, сэр? — спросил Иен, стараясь держать свой голос ровным.

— Коллинз Хили... я профессор высшей математики в Общественном Каннескарском колледже имени Марие...

— Профессор, вы только не волнуйтесь, — успокаивающим тоном сказал Иен.

Присутствующих людей обуял приступ ужаса, они исказили свои лица в ужасающих гримасах, заревели, и разбежались кто куда. Мужик в робе разнорабочего начал долбиться о кирпичную кладку ближайшего дома головой в каске, как муха, не могущая вылететь в чуть приоткрытое окно. Долговязая дама с ребенком на руках, бросилась на трамвайные рельсы, распластавшись на них, как на свежескошенной лужайке. Люди сразу кинулись ее оттащить, или, хотя бы отобрать орущего на ее руках младенца.

Беспокойство бесплотного призрака заражало психически нестойких людей манией самоубийства, и это только сильнее его пугало, усиливая вокруг нестабильное ментальное поле.

— Что происходит? — полупрозрачные глаза смятенно забегали из стороны в сторону.

— Охотничий, — окликнула Иена Анна, и тот обернулся.

Анна с Ханной расчерчивали на грязновато-черном асфальте круг из мела. Марк тем временем выискивал в саквояже необходимые эфирные масла, на его наморщившемся лбу

вступили бусины пота. Он безмолвно протянул Иену в руку стеклянный пузырек с маслом белоголовки, тот, откупоривая крышку, и, смачивая пахучим содержимым свои патроны, судорожно заряжал ими обойму золоченого револьвера. Прохожих одолела коллективная паника, они, как муравьи на подожженном муравейнике, сумбурно забегали, крича и ревя, расстраивая призрака Коллинза Хили еще больше.

Его поле суицидального бешенства возросло по экспоненте, толкая беснующихся на проезжей части людей под колеса машин и копыта лошадей. Лакричный смрад накатывал волнами, Иену стало ясно, что вскоре проследует последняя и самая мощная волна.

— Все в круг, он сейчас взорвется! — скомандовала Анна, Иен кинулся в круг, схватив в подмышку Збынека-брехуна.

Круг из мела — самое простое, но весьма действенное убежище от магических духов.

Призраки классифицируются как неопасные духи до тех пор, пока их существование в подлунном мире стабилизируют магические печати из жертвенной крови животных. Без стабилизации печатями, раздираемый материальным миром, призрак трансформируется в высокоуровневого магического духа банши. Полупрозрачные глаза Коллинза вылезли из глазниц, его нечеткий силуэт оплыл, как расплавленная от жара пламени свечка. Когда он трансформируется, солнечный свет делает его невидимым, так как призраки типа банши при свете приобретают неуязвимость к атакам, но беспомощны в кромешной тьме.

Эти факта наковальной бил Иена по мозгам.

— Ты должен успеть выстрелить в него, до того, как он полностью исчезнет, Иен! — закричала Анна, перебивая призрачный вой.

В последний момент, когда призрак только-только как сквозь землю провалиться, он выстрелил в пустоту под ним.

— Лучафэр тебя подрал, ты промазал! — заорал что есть мочи Маркус.

Выкрик Маркуса проглотил оглушительный хлопок, прервавший призрачный вой.

Мир обмер, погрузившись в неестественную тишину.

В одночасье на безоблачный полдень напустилась мгла, заволакивая ослепительное солнце склизким коконом тьмы. На месте пустоты, где был Коллинз Хили, воздух пошел раскаленными пузырями, как надувшиеся мозоли.

— Еще как попал, — триумфально заявил Иен, но никто его не услышал, он испустил своими губами лишь утопающие в вакуумной тишине безмолвье.

Все звуки куда-то стинули, заглушаемые беззвучным предсмертным криком банши. И вот, последовал взрыв, чуть было не порвавший Иену барабанные перепонки. Оконные стекла в домах разлетелись вдребезги, посыпался ливень осколков, людей расшвыряло по сторонам, фонарные столбы накренились от ударной волны, асфальтовая дорога, без того не ровная, прошлась волнами, точно вода, в которую бросили камень, разметывая брызги битых кусочков асфальта, вытеснившие артобстрелом Иена из противомagического круга.

В его глазах завертелся-закружился вихрь размазанных красок, он повалился наземь, ударившись лицом, вместе с тем послышался противный хруст, и на его рубашку хлынула кровь из разбитого носа.

Вернулся солнечный полдень, безоблачный небосвод поглубел, вернулись на свое положенное место все звуки мира. Люди сконфуженно дрыгались на асфальтовой крошке и поблескивающему в солнечных лучах бриллиантовой россыпью битому стеклу. Мелкие крохоборы, объявившиеся после магического светопреставления, бегали, радостно пища и вынюхивая падаль.

Посреди улицы образовалась внушительный зев воронки как от удара метеорита.

— Иен, — прохрипела Анн, вставая с земли. — Ты притягиваешь неприятности!

— Вообще-то если бы я промахнулся, банши сбежала бы, и натворила бы бед.

— Да половина улицы разрушена, чтоб ее! — выпалила она, но вдруг замолчала.

Она прекрасно понимала, что иначе поступить было нельзя, или так, или по городу бы до самой ночи разругивала невидимая банши, взрывая людям барабанные перепонки и обращая дома в руины. Поэтому здравое понимание ситуации противоречило ее желанию наорать на ненавистного друга и сбросить пар. Она выглядела смущенно и все ж решила найти более достойный повод пожаловаться начальникам. Немного погодя, она коротко кивнула ему, что он мог интерпретировать как одобрение. Маркус осмотрел ударившуюся головой Ханну, черный пес облизывал ее ушибленные пальцы. Ее ореховые щеки были в слезах, она не глядела ни на кого, скрывая увлажнившиеся глаза в униженных клевках в землю.

— У тебя кровь, — сообщила Иену Анна. — Нос опять сломал?

— Да, похоже, что так.

— Возьми, — она протянула ватные тампоны, смоченные перекисью, чтобы он заткнул ими кровоточащие ноздри.

Он нехотя пробурчал ей "Спасибо".

Это происходило повсеместно, город наполняли призраки погибших давным-давно известных людей. Вскоре они узнали, что в порту на рыбном базаре произошло несколько самоубийств из-за появления призрака Энн Келлы, известной актрисы, умершей шесть лет назад, но больших проблем за этим, к счастью, не последовало.

Анна и Иен закономерно предположили, что некто проник в архив душ в Некрополе и начал по городу веселую пляску мертвецов. Некрополь находился на противоположном конце города, его здание представляло собой двадцатиметровую пирамиду, пик ее венчал золоченый наконечник. Над широким прямоугольным входом в подземный архив было выгравировано на камне "Здесь заканчивается всякая смерть, и начинается вечная жизнь". Они всей ватагой спустились внутрь по лестнице, минуя бродящих приведений, спускаясь по мраморным ступеням вниз. Иен шел впереди, держа на бренчащей цепи крадущегося рысью Волчонка.

Просторные этажи были освещены зелеными газовыми лампами, а зеркальные полы украшали длинные алые ковры, напоминающие кровавые ручьи. На одном из этажей Иен наблюдал, что некоторые колбы-колонны с зафиксированными внутри цилиндрами тотемов разгромлены, а желтоватая изолирующая жидкость вытекла из них и затопила ковры, там же они обнаружили формирующее силовое поле магические ключи, нарисованные наспех даже без магической консервации, но человеческой кровью... Иен вытер их рукой, чтобы убавить магический эффект, но этого оказалось мало: скорее всего, отступник написал их на каждом обширном этаже Некрополя.

Волчонок вел их к служебному помещению, и вскоре они нашли и функциональный кровавый круг магии. Изуродованные охранники в темно-бурых рубашках от пятен крови были там, пол в лужах спекшейся угольно-черной крови, липкой, как сахарный сироп, был облеплен тысячами листовок на типографской бумаге с оттесненной на них характерной перевернутой пирамидой Тивариса.

— Чертовы малефики... Нам нужно проверить областные типографии, — прошептала Анна, разглядывая листовки.

Иен остался с Волчонком, остальные ушли в противоположный конец атриума — они так решили разделиться для осмотра этажа.

Чавкая по сырой от изоляционной воды ковровой дорожке, Иен вслушивался в эхом разносящийся стук каблуков. Подземные архивы душ вмещали шесть ярусов в глубину, площадь каждого сопоставлялась размерам одного ипподромного поля, и на каждом из них пылилось около ста тысяч тотемов-вместилищ душ философов, ученых и всех тех, кто внес при жизни значительный вклад в имперскую науку и искусство, скопившихся за всю историю многострадального Милоска. Еще на заре Новой эры маги пришли к выводу, что не существует загробной жизни: душа человека неотвратимо умирает вместе с телом, ведь она является продуктом деятельности нейронов мозга и после смерти человека, когда его синапсы мозга подвергаются гниению, душа, не сразу, но скоро улетучивается из мира как эфир. Наибольшее число тотемных архивов столетиями лишь пылится в столицах каждой провинции, пока колбы не потрескаются и изолирующая жидкость выльется на полы, а души довольно-таки быстро выветрятся без нее и перестанут существовать в чуждом мире под луной. Почти два миллиона никому не нужных мертвецов вынуждены ждать, пока их вовсе не забудут навсегда, чтобы обрести долгожданный покой. В этом не было большого смысла, но комитет по сохранению интеллектуального и исторического наследия империи мало задумывался о нужности сего мероприятия, процедура-то не трудная и не дорогая. Завещать свой разум будущим поколениям: сценарий, который стойко закрепился в умах имперской интеллигенции, для них Некрополи — сродни Олигхии, райскому чертогу для павших в бою доблестных варварских воинов, пусть в этом не так много смысла.

Звук разбившегося стекла, всплеск воды и чавкающее топтание чьих-то ног вырвало Иена из задумчивого хода меж зловеще сияющих желтоватых колонн и луж. Кинокефал порывивал, чуя непрошеного гостя. Они поторопились назад, к стеллажам в сорока ярдах от них, где Иену на пути попался полупрозрачный дед, вырванный силой из сладостного небытия изоляционной гробницы. Иен глянул на табличку под колонной-колбой: "Карло тиа Сант, либреттист Большого театра...".

— Сэр тиа Сант? — спокойно спросил он, глядя старику в овал лица.

Он вопросительно уставился на Иена с таким видом, будто сам смотрел на духа, а не наоборот.

— Вы только что никого здесь не видели?

Карло Сант заторможено впяливался в него, не понимая ничего, несколько минут, но скоро коротко и ясно ответил загробным скучным голосом:

— Да... — сказал он, подергивая свою бороду рукой. — Юная девушка, она побежала... в ту сторону... Очень красивая.

Иен поблагодарил его, он что-то невнятно пробурчал и поплелся прочь. Иену никто не повстречался на дроге, они с Волчонком бежал наравне, минуя стеллаж за стеллажом в направлении второй охотничьей группы, куда указал Карло Сант.

— Иен, что такое? — спросила Анна, когда они подоспели к их группке.

Не успел Иен и рта раскрыть, как ряд колб возле них взорвался, разбрызгивая воду с осколками. Души покинули тотемы, и предстали призраками поэтов, астрономов, ученых и профессоров колледжей, ошеломленных тем фактом, что они еще живы. Периферийным зрением Иен заметил какое-то движение в стороне, это была чернокудрая юная девушка в заплатанных тряпках. Волчонок стремглав махнул на незнакомку, оголив внушительные клыки. Она использовала телекинетический кнут, воссиявший в ее руке зарницей желтого

света, и кинокефала с легкостью лебяжьего пера отбросило на несколько ярдов в сторону. Он перекувыркнулся в воздухе, точно как акробат на трапеции, и упал, издав сдавленный скулеж, но был в полном порядке.

Иен начал стрелять, но маг была не лыком шита.

Она обрушила часть потолка, взметнув в воздух клубы пыли, и лишь произнесенным в полголоса заклятьем возвела перед собой каменную стену.

Иен ударил в нее золоченой рукояткой револьвера, и камень стены рассыпался, но это дало магу время уйти от пальбы в сторону. Иен услышал звонкий металлический визг, Ханна выдернула свою шпагу из трости, напустившись на мага со скоростью охотящегося гепарда. Очередной пролетевший со стороны мага скол фундамента, брошенный с силой осадной катапульты, задел неофитку и повредил ей плечо, и Ханна не могла больше резво размахивать пикой своей шпаги, но прекращать борьбу не входило в ее планы.

Она вытянула из сумки запрятанную вихревую гранату, выдернула чеку и бросила ее во вражину. Цилиндрическая банка залиvisto покатила к колдунье, та взвизгнула, когда поняла, что это такое катится к ней, и рванула наутек, с воплем прирезанного поросенка. Беззвучный взрыв высвободил вихревое поле, засасывая полки стеллажей, склянки, кусок пола и каменные глыбы, сминая все в одну крошечную точку как бумагу. Звук выстрела прорвался в поднявшийся шум ссасывающего предметы вакуума. Это Иен выстрелил в мага, пока та была отвлечена. На серой ткани проступила багровеющая клякса, мгновенно окрасившая старые обноски в изумительный красный цвет. Огорчение отразилось в ее глазах, и она, крепко прижав руку к простреленному животу, из последних сил побежала прочь, напоследок выкрикнув какие-то слова проклятья.

— Иен, что стоишь? — закричала Анна у него за спиной.

— Золоченая пуля и еще взбрызнутая маслом. Она скоро умрет, — констатировал он.

— Бога ради! Ее нужно допросить пока она не отбросила копыта!

— Мой опыт подсказывает мне, что она, как и все отступники, которых я повстречал на своем пути, ничего нам не расскажет.

— Иен? — послышался ее сорвавшийся голос.

— Я же говорю, нет никакого смысла...

— Твою же мать, Иен, да во всех позах, смотри, тебе говорят!..

Магия напоследок брошенного заклятья беглой мага склеила бродячие души ученых в целостное слизистое желе. Скрипучий стон вырывался из их перекосивших щелей-ртов громадного вибрирующего месива, оплавившегося, как брусочек сливочного масла в огне. Руки-ноги плясали чечетку агонических судорог, полупрозрачное нечто стало потихоньку пропадать, оставляя за собой едва различимую зеленоватую дымку.

Последний загробный плач душ, сплавившихся в мерзопакостное создание, сорвался в оглушающий inferнальный вой, от которого задребезжали стеклянные колбы по всему залу дружным хоровым криком. Анна сразу упала на пол, вырисовывая круг из мела, Иен готовился выстрелить в банши, до полного ее превращения оставалось пару секунд...

Но нет, он опоздал.

Банши сформировалась полностью, она стала невидимой и неуязвимой из-за, хоть и довольно тусклых, газовых ламп натканых вдоль стены.

Иен старался перекрыть нахлынувший вой новорожденной банши:

— Нужно отключить освещение, Анн! — она расслышала его только со второго раза и согласно закивала, не собираясь спорить в такой критический момент.

Звуковая волна сбила их с ног, не позволив спрятаться за недорисованным кругом из мела.

Они поднялись, отряхиваясь от стразов осколков, и разбежались кто куда.

Анна побежала перекрыть подачу газа, а Иен, подчиняясь интуиции и указаниям пса, способного учуять врага, отстреливал лампы, чтобы выследить в сумерках передвижения банши. Проскользнул едва различимый образ, напоминающий помесь огромного слизняка и демонической лягушки или что-то вроде того. Он попытался выстрелить, в первый раз промахнулся, во второй попал в полупрозрачную шкуру. Банши заревела, но пуля прошла насквозь, причинив ей лишь только неудобство, и воспламенила облачко газа, вытекшего из разбитых пулями газовых ламп, высеченной рикошетом искрой.

Банши стала неуязвима в свете на мгновение вспыхнувшего огня.

Иен обругал себя за глупость и начал судорожно перезаряжать опустевшую обойму, то и дело, роняя патроны неловкими пальцами. В итоге зарядил только один, остальное покатилося по полу вон. Вой призрачного демона наполнял уши расплавленным железом, еще несколько мучительных мгновений этой какофонии, и у него лопнули бы барабанные перепонки. Атриум погрузился во тьму, видимо, Анна вывинтила подачу газа в газовой трубе в осветительные рожки, и он, не без труда, разглядел болтышающуюся тушу и попал в нее единственной пулей в обойме. Оглушительный вой сорвался на полутоне, прозвучал хлопок, и духа разорвало на эктоплазменные куски. Сильнейшая ударная волна подкинула Иена, и он врезался в покосившийся стеллаж, в его спину вклинились стеклянные сколы, заставляя его беззвучно крикнуть от обжигающей боли...

Ужаснейшая боль!

Что-то вроде камня, лихо подхваченное взрывом, попало ему в голову, разлетевшись в крошку, и вырубил его, позволяя больше не тонуть в оглушающей боли каждого из его взведенных нейронов... Пред ним промелькнула алебастровая юбка, маковые коробочки, очерченные лучами черного солнца, обнаженные тела и рога какого-то чудовища...

Колокольный звон заклинил у Иена в мозгах, из ушей тонкой струйкой текло что-то клейкое. Иен ощущал, что прямо сейчас он лежит на животе, лицом приложившись к щетине ковра. Постепенно он приходил в себя, однако не чувствовал спину, а конечности онемели, лишь кончиками пальцев ему удавалось совершить неуловимое движение.

На разбитых губах ощущался металлический привкус, он приоткрыл глаза, и ему в лицо ударил свет ручной керосиновой лампы, которую кто-то из его товарищей отыскал в служебном помещении, чтобы не включать простреленные рожки, и те не заполнили зал взрывоопасным газом.

— Не шевелись, — просипел до боли знакомый голос.

Он повернул глаза, с превеликим трудом различил опухшее от синяка лицо Марка.

С ювелирной точностью он удалял пинцетом красноватые от крови осколки стекла.

— Я вколол тебе анальгезирующий препарат недолгого действия, для таких случаев. Сейчас удалю стекло, обеззаражу, забинтую, и двинем в штаб-квартиру, там я полечу тебя конкретнее...

— Ты... вы будете в порядке, — сообщила Ханна, глаза ее были на мокром месте.

Иен невнятно пробурчал, но Маркус разобрал, что он спросил:

— Уж не помрешь. Но сегодня ты побил свой рекорд по увечьям за день.

Иен одними губами произнес "да пошел ты", и Маркус улыбнулся на это.

Иен прикрыл глаза и сразу же провалился в липкий, как клей, сон.

Во сне Иен путешествовал по лабиринтам готического дворца; он, дворец, выглядел опустошенно и, казалось, в нем никто не живет уже сотню-другую лет. Однако Иен искал бальный зал, где рассчитывал встретить *Короля*. Он шел, бесконечно петляя по лабиринту в поисках выхода, но никак не мог найти его, а на пятки ему наступал грим. Он медленно шел за ним, дожидаясь, когда силы Иена покинут его, и он повалится замертво, но тот не оставлял надежды добраться до зала.

Наконец, он нашел, что искал.

Бальный зал был украшен позолотой и серебром, мраморные колонны, оплетенные виноградной лозой, подпирали зубчатые своды высокого потолка, скрытые какой-то сизой дымкой... Нет, не дымкой. Иен взглянул наверх и разглядел, что это был перевернутый пруд, в котором юрко плавали оранжевые рыбы и девушки-сирены из детских сказок, у которых тело прекрасной девы и рыбий хвост. Зал был наполнен шумными гостями, здесь были все, кого он помнил. Навстречу ему вышла Анна, шурша алебастровой юбкой, у нее оба глаза были на месте, но почему-то деревянная нога. Она пригласила его потанцевать под песнопения девушек-павлинов и уродливых карликов-херувимчиков, напоминавших краснолюдков, но он отказался, и пошел дальше. Маркус, крепко-крепко обняв огромную винную бочку, лежал на мраморном полу, в чем мать родила, а рядом с ним распласталась обнаженная Ханна, когда он выдернул из бочки пробку, взбрызнув ее, Ханны, прекрасные груди струей шампанского она раскатисто засмеялась и позволила ему с ней пошалить.

Иен совсем не хотел на это смотреть и поторопился дальше, по пути столкнувшись с толстоватым монахом с серебристой бородой и приплюснутым сизым носом, на плече у него сидел альбатрос. Иен хотел поговорить с отцом, но батюшка Фауст прошел мимо, не обращая на него внимания. Он почувствовал отвратный гнилостный запах, перебивающий симфонию благовоний и ароматов сотен знакомых ему людей, попадавших на пути за те недолгие тридцать с лишним лет жизни, что он себя помнил. Он обернулся и увидел того, его, Желтого Короля на троне из мумифицированных тел младенцев.

Возле него стояли маленькие слоны на длиннющих ногах-ходулях.

Он сидел в черно-маслянистых латах, его остроконечный шлем угрожающе смотрел рубиновыми огнями из-под забрала, длинный желтый плащ тянулся из-за спины на пол, где плавно переходил в растекшийся ручеек желтоватой желчи. Король двинулся с места со скрипучим угрожающим лязгом, указывая куда-то наверх, Иен проследил за пальцами, инкрустированными горящими inferнальным заревом самоцветами, и что же он увидел? Прилипший к потолку пруд покори́лся гравитации, вода многотонно свалилась вниз, мозг Иена заполняло басистое распевание марианских монахов, холодная вода пронзала кожу, точно на него обрушился град кинжалов.

Иен открыл глаза, пот проступил на его лбу, пощипывающая боль ютилась в каждой клетке его тела.

— Не вставай резко, — посоветовал Маркус.

Он приподнялся на локте, Маркус подал ему руку и помог ему встать. Иен опасливо надел на плечи грязную от кровоподтеков рубашку, дырявую как сыр, подобрал пиджак. Сиреневый шейный платок он не нашел и стал перепугано озираться по сторонам в его поисках. Он оказался у Анны, она задумчиво вертела его в руках, Иен схватился за него и выдернул из ее пальцев, сиреневая ткань вытекла из ее жемчужной ладони.

— Все носишь его? — спросила она таким тоном, будто не хотела, чтобы он отвечал.

— Нам пора уходить, мы и так долго слишком здесь просидели, — сказал Маркус.

— Сначала заберем тело для идентификации, — бескомпромиссно заявила Анна.

Они поплелись в противоположный конец атриума.

Иен оценил характер разрушений и невольно улыбнулся сам себе. Анна считала, что в подобных случаях виноват он и только он, но теперь он сомневался, что она, после всех последних стычек, будет продолжать думать так же. Маг разнесла половину этажа, многие души были уничтожены, в дальних углах залы продолжали разгуливать полупрозрачные призраки. Проходя мимо них, Иен любезно поздоровался с либреттистом Карло Сант, тот скромно кивнул ему в ответ. Они вшестером шли в ненарушимом молчании, идя по следу разбрызнутой всюду крови мага, вытекшей из ее простреленного золоченой пулей живота.

— Это же самый нижний ярус, да? — спросила Ханна. — Куда она могла сбежать, если только не наверх?

— Лестница на верхние этажи в другой стороне, — ответила Анна.

— Ну не могла же она сквозь землю провалиться?..

Они встали у здоровущей, напоминающей раскрытую пасть левиафана, дыры в полу.

— Она пробилась сюда из-под земли, по заброшенным катакомбам города мертвых. Придется нам спуститься туда, — недовольно произнесла Анна. — Подожди здесь, Иен.

— Я пойду, — безапелляционно ответил он.

Они поочередно спустились в зияющее отверстие и оказались в округлом коридоре с низким потолком, о который Волчонок постоянно бился головой, и был вынужден идти по-собачьи. Грязные каменные стены были сплошь покрыты паутиной, коридор освещали средневековые факелы, набухшие от влаги, дубовые балки придерживали потолок, с него свисала какая-то странная грязь, похожая на слизь.

Прямо у входа в этот подземный лаз они обнаружили кровавый шлейф, тянущийся вглубь коридора.

— Ее кто-то оттащил, возможно, сообщники, — Анна озвучила догадку Иена.

Они, вооружившись, проследовали по кровавому следу.

Запах Иен не ощущал, но, глядя на маски отвращения, отраженные на лицах коллег, он сделал вывод, что воняло в лазе изрядно.

Отдаленно они слышали только звук капающей воды, и больше ничего.

Вскоре они нашли тело.

Она лежала посередине древнего туннеля в неосвещенной факелами части катакомб, точно выброшенная на задворки жизни старая кукла, разорванная пополам, и лишь только разбросанный ворох кишок соединял оторванные половинки тряпочной пружинкой.

— Кто это с ней проделал, позвольте спросить? — просипел Маркус и дрожащей рукой выудил из кармана полупустую флягу, смочить горло.

Иен наклонился вперед, сдерживая жалостливый стон от боли, и поднял с земляного пола золоченую пулю. Анна сняла с шеи мага опаловый амулет с выгравированным на его тыльной стороне серийным номером и именем мага, которому он принадлежал.

— Имя мужское... маг-криминалист, эскулап-танатолог, — прочитала Анна. — Какой-то Пит...

— Значит, Магос Теус ловят лицензированных магов, убивают, а их амулеты отдают своим несанкционированным, — шепотом перечислил Иен.

— Они что-то затевают, — севшим голосом констатировал Маркус.

— Верно, что-то требующее участия множества магов, они их посменно отлавливают, а чтобы амулеты не пропадали даром, ими вооружают своих последователей, — сказал он.

Производство амулетов строжайше контролируется государством, так же как и сбыт кровавых опалов.

Волчонок и Збынек встали на дыбы, рыча и лая вглубь неосвещенного коридора. Все уставились в темноту, приготовившись к нападению, оттуда им навстречу блеснули два громадных глаза-огня с вертикальным зрачком. Бесшумно к ним вышел чудовищный змей с оперением маслянисто смоляного цвета, с жутким зазубренным клювом, перья на голове зеленого окраса с золотистым кантом и красными каплями в виде слезы в белой окантовке образовывали широкий воротник. На конце четырнадцатифутового хвоста ядовитое жало, точно как членный хвост скорпиона, вдоль туловища были две пары кожистых крыльев, покрытых черными и редкими кроваво красными перьями и острыми когтями.

Василиск, пританцовывая на четырех руках-крыльях, шел на них, как летучая мышь.

Высокоуровневый магический дух зло шипел на них, хлестнув воздух раздвоенным языком, с зазубренного клюва свисали кровавые лоскутки человеческого мяса. Раздались выстрелы, поразившие всех в уши в замкнутом пространстве, василиск бросился на Иена и прицельно ужалил хвостом, от чего последний выронил револьвер и завалился наземь. Нестерпимая боль саданула его в плечо, яд быстро распространялся по телу.

Все звуки приглушились, будто под толщей воды.

Все перед его глазами накрыла молочная пена.

Иен быстро проваливался в многоцветный водоворот красок...

— Скорее, отловите ублюдка! — слышался сдавленный монотонным стуком в ушах Иена голос Маркуса. — Мне нужен его мешочек с ядом, нужно приготовить антидот!

И это было последнее, что он расслышал, прежде чем сосущая благословенная мгла натекла ему в глаза и рот и утащила его с собой в пучину бессознательного.

Воздух, окружавший Иена, был морозным, лишенным запахов. Единственный запах, что Иен чуял в девственной пустоте нового мира — это его собственный запах. Его глаза были зажмурены с тех самых пор, как он тут очутился. В его ушах стоял приглушенный и отдаленный шум, напоминавший неровную барабанную дробь. Нерадивый барабанщик не попадал в ритм, думалось Иену, однако потом он уразумел, что это был его собственный сердечный перестук, а это значит, он был еще жив. Холодный эфир тек вокруг его нагого тела, наполнял его легкие, едва покалывая их изнутри топотом муравьиных ножек.

Наконец, он осмелился разомкнуть глаза.

Ослепительно-белый свет прожектора бил ему в лицо откуда-то сверху из открытого люка, а вокруг него была только бесконечная чернота. Он висел посреди аспидного океана абсолютной пустоты, и, помимо направленного луча прожектора, не видел ничего, потому что здесь больше ничего и не было.

Здесь он не чувствовал боли, лишь ее полузабытый отголосок настолько далеко, что, казалось, она отделена от тела или ее вовсе не существует и никогда не существовало. Он безмятежно дрейфовал в небытие один час, сутки или века, он не знал точнее. Ощущение времени покинуло его, и возможно, он продрейфовал не один миллион лет, не способный ни умереть, и ни воскреснуть. Вдруг его одеревенелая спина коснулась чего-то холодного и гладкого вроде льда. Он встал, почувствовал, что совсем заиндевел и обрадовался, когда обнаружил неподалеку от себя сваленный на полу ворох льняной одежды.

Он надел ее, она была ему как раз, а от ран не осталось и следа.

— Здесь кто-нибудь есть? — закричал Иен не надеясь услышать какой-либо ответ, его голос эхом разнесся по безбрежному океану вечной мерзлой ночи.

Он присмотрелся к полу, на котором стоял: красновато-матовый, точно клубничный лед, он алчно поблескивал в ослепительном круге прожекторного света; Иен опустился на корточки, щупая полированную поверхность, оставляя на ней дымчатые отпечатки ладони и подушечек пальцев, как зимой на обледеневшем стекле.

Нечто приглушенно барабанило по другую сторону пола, он наклонился и прижался к клубничному льду щекой, поморщившись от inferнального холода, и прислушиваясь к рваному бою кулаков.

— Вам нужна моя помощь? — закричал он, прижимаясь ухом к полу.

Неожиданно ослепительный круг прожектора погас, издав оглушительный хлопок, как когда выключают освещение в театре. Вязко-паточная чернота напустилась вокруг, заполняя пространство. Она была настолько тяжеловесной, что раздавила Иена, вынуждая прижаться к полу. Он начал задыхаться, легкие опорожнились, и холодный пот проступил на его лице бусинками. Он захлопал ртом, как выброшенная на горячий песок пляжа рыба, не способный губами поймать воздух, и шепчущая темнота сдавила грудную клетку, грозя разломать в порошок его ребра. Из-под полупрозрачного пола потек малиново-алый свет, развеивая губительный мрак, с низким гулом, напоминающий дребезжание включающейся электрической лампочки.

Студеный и какой-то липкий будто нуга, воздух хлынул в его легкие, обдирая горло и пищевод булавочным покалыванием. Иен, зажмурившись от наступившей боли в груди, дышал как никогда, и, перевернувшись на спину, он прижимал свои руки к рокошущему

сердцу, его пальцы рук вздрагивали в конвульсивном плясе.

Он был все еще жив... Ну, или вроде того.

Он все лежал, а его лицо облепили крохотные снежинки.

Иен распахнул слезящиеся жемчугом слез глаза и увидел, что над ним теперь кружат рдяные хлопья снега, выхваченные малиново-алым свечением пола из темноты, а изо рта клубится морозный конденсат. Своим языком он пробовал выпадающий снег и отчетливо ощущал знакомый привкус солености. Он поднялся на локте и окинул взглядом алеющую ширь, обряженную в миллиметровую фату из снежинок, уходящую вдаль в пунцовеющую полосу горизонта.

Барабанный перестук откуда-то снизу повторился, и Иен опустил глаза.

— Боже, сохрани... — выдохнул он и визгливо поскользнулся на руке.

Под толщей клубничного льда масса обнаженных тел мужчин и женщин сплетались в гуттаперчевые плети, внушая всепожирающую жуть, будто сошедшие с кроваво-бурых стен л'Хасл. Молочно-бледные, кожа в брегах морщин, как корабельный парус, ниспадала с костей сухопарых тел, их движения напоминали судорожное танго. Иен чувствовал, как жалостливо заскреб его желудок, а пищевод схватил спазм, точно он проглотил морского ежа. Костлявые грешники, плененные льдом, тянулись к нему своими пальцами-гребнями, будто тшили прикоснуться к живой душе.

Иен находился прямо над узилищем Тартара, в который давно уже не верил.

Он судорожно встал на колени и принялся зачитывать молитву, тщаь припомнить текст, который давно не повторял. Вокруг него напел угрожающий сумрак, жаждущий заграбастать его с потрохами и вечность высасывать из его грешившей души терпкие соки мучений.

Зажмуриваясь, он просил Бога-Первоотца всего живого смилостивься над ним.

Он чуял морскую воду, слышал отдаленный крик альбатросов, его плотно закрытые веки лизнул блеклый свет ущербной луны. Он открыл глаза и обнаружил себя в эпицентре разразившейся метели по пояс в наметенном снегу, в черном небе едва сияла, закутанная в снежную дымку, убывающая луна. Северный ветер бил по розовевшим от холода щекам. Иен приподнялся и в раскорячку поплелся в никуда по бугристым сугробам арктической пустыни. Снежная мошара одаривала его оплеухой за оплеухой, заставляя прятать лицо дрожащими от холода пальцами. Пройдя всего несколько метров, он завалился на колени, не в силах противиться галдящему ветру.

Он попытался откопать снежный холм, думая, что обнаружит внизу почву.

Но нет.

Под покрывалом замерзшей воды был все тот же пол, горящий изнутри малиновой мглой, а за ним болтыхающиеся мертвецы.

Иен чувствовал слезы на глазах, они тотчас затвердевали бисером на его ресницах.

— Я должен убраться отсюда! — закричал он, но его голос утонул в реве бурана.

Вьюга насмешливо дудела кларнетным воем, затекая в его покрасневшие уши.

Он шел, проваливаясь в снежные дюны, впереди замаячили, увитые белой глазурью лунного отсвета, горные пики. Он узнал их с первого взгляд, и у него екнуло под сердцем. Он был в нескольких днях пути от Цвейке-Махани.

Но как такое возможно?

Ему пришлось поднажать, выбившись из последних сил, чтобы скорее добраться до гор. Каждый рваный шаг приближал его к подножью скалы, с которой в далеком прошлом он

обнюхивал свое маленькое королевство, свой маленький мир, сотканный из тоненьких нитей паутины запахов соленого моря, экскрементов хохочущих альбатросов, потрохов и жира тюленей и рыбы. Серо-свинцовые скалы укоризненно смотрели на него сверху вниз, а он, преодолевая зимнюю стужу, пробирался сквозь снежный вихрь, тяжело дыша, и пар клубился у него изо рта. Бриллиантовый иней коркой вырос на одежде и посеребрил ему волосы. Еще долго Иен поднимался к скалам, давным-давно задубев, но он не чувствовал приближения смерти, а потому он продолжал идти по снежным дюнам навстречу своему полузабытому сну. Откуда-то слева до него донесся звук и запахи моря, но, сколько бы он не вглядывался в запорошенную снегом тьму, до самого горизонта тянулась платиновая пустыня. Единожды ему причудился гогот альбатросов и запахи их гнездований. Дудящая кларнетами, метель безжалостно метала его из стороны в сторону, засыпая лицо мушками снега. Истерзанную непогодой кожу барабанили булавоочные уколы озорных снежинок, он не чувствовал ног, рук, не чувствовал своего лица от хлесткого шквала.

Наконец-то, он добрался.

На дне пищевода у него зашевелился червивый ворох, когда он начал думать, а что же ему делать дальше? Ответом ему стала уродливая расщелина у подножья горы, к ней он и направился. Спрятавшись в этой расщелине, он привалился спиной к стене заледенелой пещеры, с тем чтобы немного отдохнуть и вовсе задремал, внюхиваясь в запахи почвы, мха и пещерного камня. Неугомонная стихия продолжала бушевать где-то снаружи, Иен забился глубже внутрь горы, где было вырвиглазно темно.

Несколько раз он снова и снова пытался молиться, с трудом вспоминая правильные слова, а по его щекам ветвистыми ручьями текли слезы.

В очередной раз, проснувшись от ужаснейших видений, он плакал, слезы застывали на его щеках звездным следом. Мерзлый воздух жег раненное от кашля горло. В конце концов, его нос окончательно заложило, и он утратил единственного спутника — обоняние, оставшись один на один со зловещим роком в преддверии адского котла.

Несколько безынтересных дней (он вычислил по фазам еле видной луны), Иен жил в заледенелой пещере, питаясь каким-то безвкусным мхом. Систематически он выбирался из убежища наружу и готов был поспорить на что угодно, что видел в отдалении какую-то движущуюся фигуру, крупнее человеческой. Он прятался в расщелину, как напуганный и брошенный ребенок, и это пробуждало в нем воспоминания...

Посреди этой грохочущей пустыни марианского чистилища, времени поразмыслить над своей жизнью, у него было в достатке, в смиренном ожидании лучафэровой гончей, которое может продлиться годы или даже века...

Желтоватое грязное небо возникло над ним, в нем проглядывала блеклая луна, точно занесенная песком. Над плоскими крышами Каерфеллских многоэтажек пронесся шелест невидимых крыльев ветра. Оживленный гомон мегаполиса стоял под его болтающимися ногами, а он, точно Бог на облаке, сидел на карнизе небоскреба Секретария, и с усмешкой наблюдал за сумасбродным мегаполисом, пышущим разнообразием жизни.

Струи выхлопов поднимались снизу и несли с собой беспричинное беспокойство.

Беспокойство принадлежало многомиллионному населению города, проживающему сломя голову и без оглядки в несмолкаемой суматохе столицы империи свои никчемные жизни. Отсюда, с высоты четырнадцатого этажа, он наблюдал весь город как на блюдечке. Внизу беспрестанно рябил живой ковер человеческих макушек, и с наступлением жаркой ночи народу на обширных улицах не убавится.

В Каерфелле движение никогда не останавливалось.

Иен опасно поддался вперед, сидя на самом пяточке карниза, стиснутый вопреки из темной бронзы по оба плеча, чтобы получше разглядеть эспланаду, раскинувшуюся перед мраморными ступеньками здания тайной полиции. За его спиной плясали подхваченные ветром через раскрытое окно кипенные занавески.

— Все сидишь? — раздался мелодичный голос откуда-то сзади.

Пугливые голуби, услышав голос незнакомки, разлетелись прочь, раскидывая перья.

— Да, — бескомпромиссно ответил семнадцатилетний он.

После выдержанной паузы, они ее конек, Анна сказала:

— Профессор Шольц очень ругалась, что ты пропустил дорожку с препятствиями.

— Я не в форме, — с горечью пробурчал он. Крохотная снежинка упала ему на щеку, и он поднял глаза к желтоватым небесам Каерфелла.

Это был вечер накануне летнего солнцестояния, какая снежинка?

Воспоминания обуревали его все сразу, не давая сосредоточиться на чем-то одном...

В ту судьбоносную ночь (ему об этом рассказал отец) свирепствовала метель, когда неизвестный мужчина, непонятно как добравшийся до стен монастыря и непонятно куда делся после этого (в рыбацкой деревеньке он не останавливался), с четверть часа ломился в двери. Когда встревоженные монахини монастыря взяли годовалого младенца в одних пеленках, мужчина, не сказав ни слова, исчез в снегах, будто его вовсе никогда не было.

— Я не в той форме, — повторил Иен, и снова очутился на краю карниза готовый вот-вот прыгнуть вниз, но знал, что не сделает этого.

— Иен, — сказала она и крепко взяла его за голубоватую рубашку, втягивая его внутрь окна.

Она всегда была довольно-таки сильной.

Когда его утянуло назад, и побеленный потолок взметнулся вверх, его воображение выбросило его обратно в прошлое...

Вместо веселых игр со сверстниками, которые обходили стороной найденыша из-за его чужаковости, он в свободное от молитв время протирал свои штаны в монастырской библиотеке. Иен зачитывался книгами о мегаполисах с их многомиллионным населением, нелюдских расах, и, конечно, о магах, об этих дьявольских ублюдках, коим место только в Тартаре. Иен в это не верил, он и сам обладал талантом чужать людские секреты, их ложь, их преступления.

Местные жители недолюбливали его, потому что боялись, что он видел их насквозь, так оно и было. Его феноменальный нюх пугал всех, так его учительница матушка Шелла побила его только за то, что он унюхал на ее одежде мужской запах пота, стыда и семени.

Девичий голос снова вернул его в солнечный день, когда ему было семнадцать лет:

— Иен, — повторила она, глядя в его лицо.

Он лежал на спине, она склонилась к нему, щекотно касаясь золотистыми локонами его щек.

Вечернее солнце заливало ее кудри пунцовеющим ореолом.

Иен зажмурился, тщась понять, где, черт возьми, он сейчас находится: он ждет свою смерть от лап лучафэровой гончей, навсегда покидает стены монастыря в сопровождении двух пчеловодов или находится в штаб-квартире Секретаря с Анной в семнадцатилетнем возрасте?

В голове Иена была каша из воспоминаний, он вспоминал все и сразу...

Как, например, то, что его имя на староархском звучало как "божий дар", Иенатарис, а по-современному, Иен, его названным отцом, принимавшим его как своего родного, стал батюшка Фауст, и он же был единственным, кто по-настоящему любил Иена. Но когда он уходил вместе с государственными шпионами экзархия, то ни разу не обернулся для того чтобы увидеть отца в последний раз.

Отец всю его жизнь талдычил ему одно и то же: "никогда никому не говори о своем нюхе", и Иен думал, что он подозревал в нем мага, потому слушался и напрямую никогда не заявлял во всеуслышание о своем запретном таланте. Да, казусы иногда случались, но люди просто принимали его за чудака и сторонились, и однажды он затеял то глупое пари с деревенскими мальчишками в таверне, когда был подростком. Ему завязали глаза и два-три часа подсовывали еду, рыбу, тряпки всех присутствующих, требуя идентифицировать их принадлежность. Он угадывал раз за разом, ни разу не ошибившись, и его безусловные таланты приветствовали бурными овациями, будто он какой-то фокусник в цирке.

Пчеловоды, которых все в округе давным-давно знали как неразговорчивых братьев-рыболовов, шпионили за всеми, на предмет запрещенной деятельности, они видели, какое шоу он устроил накануне. Только в штаб-квартире тайной полиции ему объяснили, что он — редчайший случай, и его обоняние обязано послужить на благо всей империи.

— Иен, — она повторяла и повторяла его имя, будто он ее слышал. — Что случилось?

— Ничего такого, не беспокойся, — солгал он.

В ее красивом лице читалось неверие, она смотрела на него с какой-то материнской укоризной.

— Это снова сделали близнецы? — констатировала она, это был не вопрос.

Он потупил взгляд в сторону, и она все поняла без слов.

— Сильно болит? — спросила она.

— Не очень, — опять солгал он. — В этот раз просто кровь течет, никак не остановится. Нос не сломан, если ты об этом хочешь знать.

Из его ноздрей торчала вата, пропитанная кровью, лицо оттеняли ссадины и лиловые гематомы. Майкл и Аластер Хиггонсоны были однокашниками и злейшими врагами Иена за время магоборческой подготовки с момента его появления в Каерфелле. Они оба были родом из Орлика, шахтерского городка на севере, они родились в неблагополучной семье, родители часто били близнецов, запирали без еды на несколько дней.

Они выросли склонными к членовредительству, частенько сбегали, но суровые зимы гнали их обратно в однокомнатную квартиру в шахтерском общежитии. В голодные годы родители попытались убить детей, но дети убили их сами, сожгли в квартире, подмешав в хлеб снотворное. Они ни капли не раскаивались в убийстве родителей, их по малолетству отправили в дисциплинарный дом. Очень скоро их обнаружили пчеловоды, они отправили их в генеральный штаб, где малолетних преступников завербовали в ауто-да-феры.

Почему же секретарское начальство так поступило?

Работая в паре, они были исключительно эффективной боевой единицей — близнецы обладали невероятной эмпатической связью, это делало их скооперированными. По своей природе они были самыми настоящими палачами, им нравилось убивать, и это доставляло им непомерное удовольствие, а уж на государственной службе, тем паче. Со стороны они выглядели нормальными и серьезными учениками, потому дар Иена, позволявший ходить ему в любимчиках всех профессоров, не прилагая никаких усилий, ужасно раздражал их (как и других). И они периодически били его по носу, чтобы нейтрализовать его чудесный нюх,

чтобы он не зазнавался. После обучения он не раз с улыбкой до ушей вспоминал тот факт, что на квалификационных испытаниях, когда ему делали иммунитет от магических эффектов, больше половины курса попросту не пережили адаптивный период, подохнув в жутких корчах. Майкл успешно прошел испытание, а вот его брат отбросил коньки. Затем и Майкл беспричинно умер в своей постели на следующее утро, а виновата во всем была их эмпатическая связь.

— Вставай, пойдем! — улыбнулась Анна и потянула Иена за руку.

— Куда? — растерялся он, но она уже встала с него и бежала впереди.

Он недолго постоял на месте, бросил короткий взгляд на раскрытое окно, и побежал за ней вслед по длинному, украшенному синим с золотой окаемкой ковром, холлу. Слегка отдуваясь, он бежал за ней вверх по закрученной спирали ступеней из темного мрамора. Они поднимались все выше и выше и, наконец, вышли под самую террасу крытого сада, расположенного на последнем пятидесятом этаже небоскреба.

С Иена градом тек пот, он задыхался, дыша по-собачьи через рот.

— Почему мы не воспользовались лифтом?.. — застонал он.

— Только не говори, что ты устал, — усмехнулась Анна, поправив налипшую пружину волос со лба, и он почувствовал, как у него краснеют уши.

— Нисколько, — соврал Иен, схватившись пальцами с порозовевшими костяшками за лестничные перила. — На лифте-то быстрее...

Выдающимся спортсменом он не был, и особенно в семнадцатилетнем возрасте, он всегда был щуплым и каким-то нездоровым, что давало его недоброжелателям еще повод побить парнишку в несколько пар кулаков, он ничем не мог ответить. Практически всех своих кандидатов тайная полиция составляла из детдомовских детей и малолетних воров и убийц, отличившихся разными качествами. Штаб-квартира Экзархасского Секретаря, расположенная в центре Каерфелла, была для них единственным домом и шансом стать полноправными членами общества, а для таких как эти Хиггонсоны, еще и возможностью убивать в свое удовольствие лиц неугодных государству. Были те, кого родители продали государству за денежное вознаграждение, как, например, сделала мать Анны, прожженная алкоголичка и дешевая проститутка. Кэйтли Гиллерт не была образцовой матерью, как и, разумеется, не лучшей моделью поведения для подрастающей дочери.

Отцом же Анны являлся какой-то из сотен клиентов ее матери, коим она уже к тому моменту потеряла счет.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил Иен, когда Анна попыталась открыть кованые двери на лестницу вверх в оранжерею отмычкой.

Она не ответила и продолжила работать отмычкой.

Замок прищелкнул, и решетчатая дверь открылась, они сразу же взметнулись наверх по лестнице и очутились на широченной площадке профессорской оранжереи в двухстах пятидесяти метрах от грешной земли. Просторное поле крыл стекольчатый купол в форме половинчатого икосаэдра или сот, солнечный свет заходящего кварцево-алого диска топил персиковые стволы, клумбы, всяческие кактусы и всюду слышался гомон попугайчиков и жужжание пчел. Солнечный дождь лез в каждый закуток под каркасной паутиной купола, заполняя сад концентрированным жаром. Иен почувствовал, как по его телу прошелся зуд текущего под одеждой пота, заставляя его ежиться от тошных ощущений.

Каких цветов тут только не было, и какая несправедливость, подумал Иен, что в этой области его воспоминаний у него кровоточил нос, и он не запомнил все их запахи! Позже

они возвращались сюда много раз, вплоть до выпускных испытаний, но...

Каждый раз запах был разным, и он не знал, как пах сад в этот самый первый.

— Студентам тут не место, Анна, — с опаской произнес Иен, не смея оторвать глаз от цветов.

— И что с того? — презрительно плюнула она. — Правила написаны для того, чтобы их нарушали. Но если ты всегда предпочитаешь поступать правильно...

Она выжидала театральную паузу. Иен же на сказанное только хмыкнул, вспоминая, как нарушал правила отца, и как последний акт непослушания привел его в штаб-квартиру тайной полиции.

— ...Тогда сам решай, что правильно, а что нет, — закончила свою мысль Анна. — Тут так душно, пошли, откроем окно.

Они быстрым шагом прошли вдоль высаженных гвоздиками, пионами, анемонами, георгинами пестрящих красками клумб, кустов розы и деревьев, отбрасывающих тени на мощеные нефритовым камнем тропинки. Они вышли на маковый лужок, Анна подбежала к оконным створкам и распахнула их, впуская внутрь оранжереи воздух. Ветер подхватил алебастровую юбку Анны, ослепительно-белая в свете солнечной половинки диска ткань зашумела и вздулась от порывов вечернего ветра, подобно корабельному парусу фрегата. Багровый закат окаймлял ее золотистые пружины волос ало-красной короной. Коробочки маковых головок судорожно трепыхались на ветре рдяными крылышками-лепестками, как будто пытались куда-то улететь.

Иен неторопливо подошел к окну в человеческий рост, Анна, протянула ему руку, и он ее крепко схватил, когда она опасно накренилась над пропастью. Холодные дуновения развивали ее платье, золотистые волосы в васильках и сиреневый платок на шее подобно флагу. Она весело закричала навстречу хлесткому ветру, и ее безумствующее торжество оказалось чертовски заразительным. Удивительный вид мегаполиса открывался на высоте птичьего полета: остроконечные пики небоскребов рвались в небесную твердь точно из моря выхлопной дымки, нависшей над оживленными дорогами. Железобетонные стебли зданий тянулись в самый верх, гадкой черно-лиловой тенью, закрывая крохотные домики-кусты от макового солнца.

Малиновые облака алюминиевыми киями пронзали толстобрюхие цеппелины.

Иен кричал, колкие слезы проступали у него на заветренных глазах. Он воображал, будто летит над всей этой громадой города точно схваченная солнечными ветрами птица. Он почувствовал, что Анна начала выскальзывать из его вспотевших ладоней, и втянул ее обратно внутрь.

Она свалилась прямо на него, хихикнув.

— Прости, — засмеялся он, лежа спиной на почве, подмяв под себя алые маки.

— Неуклюжий простофиля, — она ударила его в плечо и лучезарно заулыбалась.

Включилась автоматическая система полива, откуда-то со сводов потолка забрезжил морозящий дождь, окропляя темными пятнышками изумрудно-медные листочки деревьев и головки цветов, вспугивая рассерженных ос. Он повернулся к Анне, она, уловив на себе его взгляд, обожгла его своим, блеснув бирюзой небесно-синих глаз.

— Чего пялишься, Охотничий?

Иен приоткрыл, было, рот, чтобы что-то ей ответить, но она опередила и, неуклюже столкнувшись носами, прижалась поцелуем. Он почувствовал, как у него покраснели уши, а она, отпрянув от него, лишь ехидно заметила:

— Не обольщайся, ты не в моем вкусе, — бриллиантовая капелька воды застряла у нее в ресницах.

Последние лучи заходящего солнца ложились на ее золотистые волосы окаймленные румянцем щеки. В небесно-синих глазах полыхал огонь похоти и игривость, как у горной пумы, когда она замучает пойманного в лапы козлика, прежде чем живьем содрать с него кожу и полакомиться бурлящей кровью нерадивого парнокопытного. Иен же ощущал себя этим козликом, которого собирались разорвать на куски, и он не скрывал, что алкал этого, глядя в сапфировые огни глаз Анны.

— Ну а как друг? — усмехнулся он, все еще ощущая жгучую неловкость.

Она несколько минут молчала, зная ответ заранее, но хотела его позлить. Анна была той еще змеюкой, ядовитой гадюкой, чьих паточных укусов Иен хотел ощущать на себе снова и снова, пока яд не прожжет его внутренности насквозь, а горящее страстью сердце выпрыгнет из его разорванной грудной клетки, оставив на своем месте только дымящуюся дыру.

— Только как друг.

Она одними губами расстегнула ему рубашку, всю мокрую от разбрызгивателей.

У него кожа пошла мурашками.

Все происходило так быстро!

Юношеские гормоны разыграли с ними шутку. Ее руки прижимали Иена к влажной почве, не давая пошевелиться, она взяла всю инициативу на себя, даже не позволила ему помочь со шнуровкой ее корсажа. Когда они закончили, она обвязала своим платком его шею, и сказала, что теперь платок его, и Иен до сих пор надевал его, куда бы он ни пошел. Иен распахнул глаза, и заново очутился в заледенелой пещере в преддверии Тартара, и холод сразу же напомнил ему о себе. От липкой дремы сладостных воспоминаний Иена разбудил истошный вопль лучафэровой гончей, раздавшийся в непроницаемой метели. Он был оглушительным, злобным, напоминающий крик бабуина. Завернувшись в обмерзлую льняную ткань посильнее, Иен сжался за темными зубьями-сталагмитами и сталактитами расщелины, делающие ее похожую на чудовищную пасть левиафана.

Он зажмурился, стараясь побороть пробившую его дрожь, попытался представлять разные запахи, вроде карамельных сморщенных яблочек, сахарной ваты и пересоленного попкорна, циркового загона, мускусного пота посетителей ярмарки, сена и верблюжьего помета...

Он не торопился размыкать веки, вдруг бабуиновая харя смотрела прямо на него?

Воздух густел от ярмарочного гула, барабанного ритма и танцев чернокожих дев из маарских племен, что живут на юге Арха, серповидном полуострове, обнесенном горным хребтом.

Иен услышал звуки лопающихся воздушных шариков, хохот, шквал громогласных предложений ярмарочных зазывал, войти с головой в клокочущую вакханалию ароматов и разнообразия развлечений. Вдруг до его носа донесся знакомый запах лаванды и жасмина — аромат любимой туалетной воды Анны под названием "Мефратина", названной в честь домарианской богини похоти и разврата.

Он осмелился открыть глаза, и в них ударил прожекторный свет.

— Испытайте удачу, юноша! Может быть, фортуна на вашей стороне? — кричал ему зазывала, наряженный в заплатанный лиловый фрак и накрененный в сторону цилиндр.

Он указал тростью с большим набалдашником в виде бараньей головы в короне на лотерейный лоток. Вокруг все громозвучно грохотало, позвякивало, вертелось волчком и

мигало, лишь бы люди не проходили мимо и раскошелились на несколько звонких монет в карман ярмарочному антрепренеру. Светильники светились завистливо-зеленым огнем, флагштоки с белоперым грифом на государственных флагах украшались серебристым серпантинном из бумаги. Площадь Вестр-Круш была липкой от разлитого сиропного соуса и затоптанных яблок, весь Наристск тонул в праздновании летнего солнцестояния, пьяных драках, мошенничестве и блуде.

— Охотничий! — его окликала со спины Анна и взяла за плечо, привлекая внимание.

Он обернулся, перед ним стояла она, уже немного старше, и оба глаза были еще целы. Немного промешкав, Иен понял, что находился в том злополучном дне, когда его с Анной отношения испортились навсегда по нелепой случайности...

— Наставница ждет нас в той палатке ясновидающей, — она махнула рукой в сторону дальневосточного шатра бежевого цвета. — Пойдем скорее!

Она потянула его за руку, рванув вперед сквозь галдящую толпу ротозеев.

Оглядываясь по сторонам, Иен видел лес палаток с разнообразной едой и сладостями, стеллажи набитые игрушками и сувенирами, ларьки с шутихами, хлопушками, петардами, а на обнесенных оранжевыми конусами полях стояли габаритные конструкции каруселей и водных горок. Они пробежали мимо биотуалетов, от которых наповал разило фекалиями и аммиаком мочи, и тут их оглушил громopodobный взрыв аплодисментов и улюлюканья толпы. Со свистящим визгом в холст ночного неба вылетело несколько рыбок-огоньков, они выписывали немыслимые узоры, оставляя позади себя искрящийся трень всполохов. Затем, подобравшись высоко к желтой луне, обрушились сверкающим ливнем, разрываясь тысячами маленьких ультрамариновых, изумрудных, красных и лиловых солнц, наполняя летнюю ночь пороховым запахом.

Фейерверк удался на славу.

Они перешагнули через воняющего рвотой распластавшегося свиным брюхом вверх на приторно-липкой траве толстяка. Они вошли в шатер, внутри него было сумрачно, свет рожков едва освещал внутреннее пространство алым огнем. Полукруглая комнатка внутри напоминала чайную, деревянная мебель, а именно овальный стол и два стула с высокими спинками, украшенные цветным стеклом, воняла дешевым лаком. Они прошли по коврику из войлочных бусин мимо невидящей чернокожей ясновидицы с глазами в пленке молока в национальных нарядах из цветного тряпья, бардовой сетчатой вуали, позвякивающими бусами и расшитым бисером. Когтистыми фалангами (ее ногти были невероятной длины) она придерживала чашу бутылочного цвета, наполненную дымкой, на железной подставке в форме морской актинии. В сизой дымке плавали голографитовые дракончики, извергая в воздух языки прозрачного пламени.

Здесь было до одури накурено благовониями, и Иен прикрывал нос.

Отдернув бренчащие шторы из бусин, они вошли во вторую полукруглую комнату, где их уже ждали трое.

— Наконец-то, — сурово произнесла Лидия Кэйрнс.

— Мы вас двоих уже обыскали! — заявил Гаспар, и Анна кинулась к нему в объятья, одаривая короткими поцелуями в губы.

— Привет, Волчонок, — улыбнулся Иен кинокефалу, потрепав его шакальи уши.

Пятидесятилетняя Лидия была наставницей Анны и Иена и назначенной хозяйкой Волчонка. Это была долговязая женщина в кожаном жакете с декоративными подвязками, кружевными рукавами рубашки цвета слоновой кости и бежевыми брюками клеш. Волосы

ее, изумрудно-черные с нередкой сединой, собраны в учительский пучок над головой в форме сердца. У нее был горбатый орлиный нос, тонкие побелевшие губы, изогнутые по форме фигурной скобки и черные глаза, источающие внутреннюю силу и неприступность. Ее дугообразные брови всегда были направлены вниз, что создавало ощущение, будто она все время злится, да так оно и было. У нее была отменная репутация, она раскрыла немало дел, а в секретарских кругах имела вполне оправданное прозвище "Цельнометаллическая стерва". Многие из ее завистников считали, что Лидия — переодетый в женщину мужчина, настолько она была категорична и тверда.

Лидия была вооружена ручной баллистой и оперенными дротиками, и позолоченное острее каждого дротика она смачивала ядом кураре. Она всегда действовала наверняка, а еще от нее за километр разило виски, и этот запах стал Иену настолько привычен, что он комфортно чувствовал себя с Маркусом с первого дня их совместной работы.

— А где маг? — спросила Анна, оторвавшись от своего жениха.

— Он будет с минуты на минуту, тогда начнем, — заявила Лидия, расправляя на столе пожухлую карту города.

— Ему можно верить? — спросил Гаспар. — Он кажется мне подозрительным.

Гаспар канн Берри был мужчиной тридцати пяти лет с ореховой кожей и прямыми чертами лица, зализанными к затылку блондинистыми волосами, раздвоенной козлиной бородкой, заостренными ушами с серьгами-кольцами. Одевался он, как подобает офицеру военно-воздушного флота, строго, в шерстяной светло-синий костюм, кремовые перчатки, светло-голубую сорочку с полосатым галстуком и серебряные запонки в виде скарабеев с инкрустированными слезовидными рубинами в их надкрылья. Гаспар был из старинного аристократического рода тринадцатым претендентом на родительское наследство, потому он решил пойти в тайную полицию, где ему было интереснее, чем на званных ужинах в поисках какой-нибудь богатенькой дурочки в жены. Берри с детских лет проявлял интерес к человеческой анатомии и традиционной медицине, потому пошел в аптекари. Его глаза были холодны, один темно-синий, а другой светло-жемчужный напоминающий алмаз.

Берри и Анна завели отношения за год до того судьбоносного дня и только недавно они решили жениться.

— Значит, я хорошо играю свою роль, — прозвучал голос за их спинами.

К ним в полукомнату шатра вошел Ласло.

Пружинистые волосы, аккуратно стриженная борода и лохматые темные брови, а еще видящие глаза были лазурно-серыми и источали обезоруживающую теплоту. Он все еще выглядел на фактический возраст. Он был наряжен в пиджак в горизонтальную полоску и оранжевый галстук-бабочку, брюки и носатые лакированные туфли.

Единственное, что выдавала в нем мага — были те самые желтые моли, спрятавшиеся в его волосах и за воротом пиджака, чтобы их никто не увидел.

— Теперь, когда все в сборе... — произнесла Лидия. — Фог, давай рассказывай, что тебе удалось узнать.

— Они укрылись вот здесь, — он ткнул на место на карте.

— Что? — вырвалось у Берри. — Усадьба четы Макинтаир? Это что, какая-то шутка?

— Вовсе нет, я всю последнюю неделю провел с Магос Теус, и они говорили об этом доме, мол, там их основное укрытие.

— Какое отношение имеют к террористическому акту Кларе и Пауль Макинтаир?

— Косвенное отношение, полагаю, — заявил Ласло и добавил: — Особенно, учитывая

тот факт, что супруги мертвы с начала лета.

— Это как понимать? — приподняла дугообразные брови Лидия.

— В начале этого лета повариха убила их, подлив в суп с морепродуктами мышиный яд. Затем маг-реаниматор сделал их марионетками, чтобы у отступников было свое место и скудное, но хоть какое-то, финансирование из фонда Макинтаир. По завещанию после смерти обоих супругов все деньги должны были уйти на благотворительность, а усадьба переформироваться во вдовый приют. У отступников нет выхода к администрации города, и достать завещание они не смогли, поэтому пришлось действовать так.

— А как же их сын? — уточнила Анна. — Разве не он должен был получить наследство, после смерти родителей?

— А вот и нет, — сказал Ласло. — На это магов подговорил Леренц Макинтаир. Да-да их сын, потерявший право наследия, и об этом мало кому известно. Супруги отреклись от него, когда он связался с революционерами. Они не осмелились сдать его тайной полиции, но признавать его своим сыном они больше не желали. Все случившееся было частью его плана, маги-ренегаты были лишь исполнителями.

— Для чего? — спросил Иен. — Для чего аристократу, хоть и из самого богатого рода, но уважаемого, понадобилось помогать экстремистам, да и еще самому организовывать их деятельность? Эти фанатики разве не нацелены на анархию и освобождение магов? Зачем им подчиняться кому-то, кроме себя? Они ведь не наемники.

Революционное движение Магос Теус объединило множество несанкционированных магов повсеместно в империи, но, лишь идеологически. Меж отдельными группировками малефиков из этой революционной организации практически не было никакой связи, они действовали разрозненно, беспорядочно и без плана. Их цель — вдохновлять других магов сбросить оковы мантий цвета ненавистного золота.

— Именно освобождение сын Макинтаир им и пообещал. Он намеревается встать во главе магов-революционеров, чтобы как Гвидо Завоеватель захватить власть в провинции, так как считает себя наследником одного из древнейших архских королей, что правили в Наристском королевстве до образования Милоска. Леренц Макинтаир хочет вернуть то, что, по его мнению, принадлежит ему по праву крови, — Фог покачал головой, встряхнув волосы-пружинки.

— Вздор! — крикнул Берри. — Флотилия Великого экзархия не позволит ему захватить даже небольшой клочок империи и добиться суверенитета!

— Он помешанный юноша с большими амбициями, — сказал Ласло.

— Тогда, — произнесла Лидия. — Мы отправляемся в усадьбу, пока народ развлекается на фестивале летнего солнцестояния. Фог, ты нас проведешь к ним, они тебе доверяют.

Они отправились на другой конец города в усадьбу Макинтаир.

За последнее время в городе происходило, Лучафэр знает что. В начале половодного сезона на металлообрабатывающей мануфактуре случился страшный пожар. Выжил один: Джошуа Макензи, он перевоплотился в мага-Исхода подобно огненной птице из мифов в саже и костях своих товарищей. За чудовищной метаморфозой последовало море убийств, магическое пламя охватило рабочий квартал.

Еще немного и...

Но Лидия Кэйрнс предотвратила катастрофу, убив его сразу, не пытаясь спасти его.

На тот момент, она была права: у нее не было времени ждать, когда Макензи возьмет верх над нечеловечьей сущностью своего второго "Я". Однако магическое сообщество с ней

не согласилось, и ей оставалось лишь только терпеть шквал осуждений и угроз. Маги устроили забастовку и заблокировали все входы в маговский квартал. Во всем виновата натура магов — предсмертный крик Исхода, их природного вожака, разнесся на многие километры, задев каждого, кто чувствителен к магическим колебаниям за живое.

Маги прочувствовали на своей шкуре боль Макензи, как свою собственную, и в них проснулась первобытная помрачающая разум ярость. После объявились маги-радикалы и, подстегнутые всеобщей истерией, они стали терроризировать город: устраивали поджоги, закутывали город в ночные кошмары, от которых многие люди не проснулись поутру.

После в Наристске объявился мессия, очередной пустозвон, подумали власти города, предрекающий уже тысячный конец света. Скоро самозванный Спаситель начал разжигать среди людей идею восстания, дабы они сбросили оковы тиранической власти экзархия и вернулись к доимперской эпохе власти королей. С этим полицейские уже считаться были не намерены, лжеспаситель вынудил своих последователей пойти против властей, чему последние были не рады. Восставших наказали, лжемессию повесили на площади. Спустя три дня лжеспаситель вернулся целым и невредимым.

Его казнили еще раз.

Каждое новое его возрождение из мертвых раскаляло общественность добела.

Полицейские стали действовать ожесточеннее, в последний раз лжемессию утопили, кастрировали, сварили в кипятке и расстреляли, а останки отдали собакам. Но он вернулся через три дня, а затем...

Затем он предложил вознестись вместе с ним тех, кто предан ему, к Первоотцу.

Им, а их были тысячи людей и полукровок, предложили испить вина из деревянного кубка с драгоценными камнями.

Спустя месяц все его последователи стали кровососущими гулями, и приуменьшили население Наристска вдвое. Немногим известно, кровь магов способна излечивать любые раны и заболевания. Однако человек вкусивший кровь мага только лишь раз становится навсегда зависим от своего донора и по истечению месячной ломки без повторения дозы превращается в кровососущего гуля. Гнусный прием колдунов еще домарианской эпохи — накапать в колодец пару капель крови и наблюдать, как все население маленького хуторка сходит с ума.

Это и случилось с жителями города в этот раз.

В последний день грозового сезона городские власти решили устроить празднование летнего солнцестояния, ранее отмененное из-за вспышки пандемии еще в начале сезона, в надежде, что возможное народное восстание и религиозный бум погасят блуд и дешевый алкоголь. Цены на спиртные напитки и табак были законодательно снижены, полицейская охота на торговцев дурманов приостановилась до окончания фестиваля.

Несколько часов езды по шумящему в пьяном угаре городу, и охотники оказались в квартале благородных, где было тихо и темно, лишь редкие электрические фонари лизали белым огнем ровненькие асфальтовые дороги, окруженные живой изгородью. Изумрудно-медные стены стриженных кустов проваливались в бездну от налипших теней безлунной ночи. Веяло вязкой свежестью, будто бы недвижимый воздух застыл студеной массой, и с трудом проваливался в легкие.

Сглотнув сгущенный студеной воздух, Иен уловил паточно-гнилостный запах, когда они подъехали к кованым воротам усадьбы. Они приняли выжидательную позицию, Ласло первым вышел на улицу и поплелся к усадьбе. Черный кузов полицейской самоходки был скрыт от

любопытных глаз непроглядной темнью кутящей пьяной ночи.

Скоро ворота с жалобным лязгом приоткрылись и впустили Ласло внутрь, его сразу поглотила тьма. Капелька пота потекла по виску Иена и противно застряла на подбородке, заставляя его, стряхнуть ее рукой.

Ожидание, казалось, длилось вечность.

Наконец, послышался короткий вопль боли, и снова оглушительная тишина, только возбужденный рев цикад иглами вонзался в уши. Спустя несколько мгновений за оградой появился Ласло, он раскрыл настежь ворота, чтобы через них протиснулся их омнибус, и они припарковались под окнами злополучного дома. Выбравшись из салона, Иен оглядел двухэтажную усадьбу снизу вверх: к усадебному дому вела липовая аллея, само здание с фасада украшали овитые плющом белые колонны, гранитно-серую черепичную крышу венчал дощатый бельведер со шпилем в виде стрелы, голубые стены были заштукатурены, квадратные окна смотрели на улицу слепыми провалами глазниц чудовища.

На веранде лежало два мага часовых с оплавленными восковыми лицами, в которых еще ютились моли Ласло. Внутри было вырвиглазно темно, пол был застлан холмистыми сугробами пыли и грязи, разрезанные следами ног.

Иен распростер свое обоняние, просачиваясь, как бесплотный призрак, сквозь стены, охватывая все здание от подвала до мансарды. Иен выискивал каждый запах, расслаивая воздух в уме, анализируя каждую мельчайшую частицу в нем: протухлый запах кислого молока и объедков, тяжелая амбра различных химикалий, солей для ванн, очистительных средств, залежалой почвы и травы, пот чьих-то ног, тел мужчины, женщины и их сына в чулане для швабр. Они остро отдавали трупным ядом, отчего охотник даже поморщился. В своей голове по запахам он рисовал карту коридоров, мысленно отмечая расположение противников: здесь было с дюжину магов.

Выйдя из нюхательного транса, он поделился мыслями с коллегами, и они пошли по этажам. Впереди шел Ласло, только они встречали караульных на пути, он направлял в их своих молей. Его магические духи заставляли провалиться лица внутрь черепов, оплавляя, их точно воск. Все, что они успевали, так это коротко вскрикнуть и повалиться на спины с гулким стуком. На втором же этаже они обнаружили тела Макинтайр в том самом чулане: всех троих. Тело юноши, Иен так понял — сына, было изуродовано сильнейшими ожогами.

— Похоже, планы малефиков поменялись, — шепнула свое подозрение Лидия.

Внизу их встретило восьмеро.

Ласло направил на двух магов в первых рядах молей. Первый маг вывалился в окно, на полы весело посыпались снежинки стекла, второго кинуло об стену, его лицо знакомым образом расплавилось подобно воску, обрызгивая присутствующих розово-алой кашцей вскипевших мозгов. Третий противник выстрелил в узкий коридор телекинезом, подкинув тело с оплавленным вовнутрь как горшок лицом. Пол пошел волнами, доски врывались от натуги в щепки.

Волчонок порвал цепь и одним махом преодолел расстояние до врага.

Маг не растерялся и швырнул в кинокефала огненный шар, опалив его щетинистую шерсть.

Волчонок отскочил в сторону, визгливо хрюкнув от боли.

Иен выстрелил в отступника.

Он промазал, но шальная пуля все-таки попала в опаловый амулет ренегата.

За уничтожением амулета проследовала ослепительная вспышка, яркая боль в глазах и

надрывный комариный звон в ушах каждого в узком холле. Этой короткой неразберихи хватило Волчонку, чтобы накинуться на ошалелого мага и разорвать ему горло, обрызнув кровью ужасающую шакалью морду, раздраживая свой чудовищный аппетит. Вгрызаясь в податливую плоть, Волчонок отодрал клочок вражеского мяса от кости.

Анна, выбросив перед собой два пистолета с ударно-кремнёвыми замками, атаковала двоих противников разом, целя им во лбы.

Узкий холл наполнился запахами жасмина, лаванды, паленой шерсти, крови, пороха, слежавшейся пыли и горелой плоти магов. Она выстрелила еще, сорвав шмат щеки и уха с очередного врага. Маг, не поднимаясь с пола, сбросил на Анну кусок потолка, она упала, выронив пистолеты из рук. Гаспар замахнулся жердью и с силой ударил лежащего мага по лицу, отбрасывая того на спину, затем рукой сорвал его амулет с шеи и, придерживая рот мага открытым, запихал в горло целый клубок *меток* с противомagическими знаками.

От них из его рта повалил сизый дым как пар паровоза, глаза вывалились из орбит.

Лидия убила предпоследнего мага, Ласло же надул как пузырь и поднял на воздух в кроваво-костяной колонне взрыва последнего.

После заварушки они обошли нижний этаж еще раз, затем спустились в подвал через кухню. Там было холодно, как на леднике, белый пар вырывался из их ртов, обширный зал подвала едва-едва освещало всего несколько газовых рожков по форме средневековых факелов, забитых в свинцово-серую кладку плесневелого кирпича древней стены. Кое-где виднелись угольно-черные следы сажи, будто совсем недавно здесь случился пожар.

— Что это? — спросила Анна, глядя на четыре керамические ванны с полупрозрачной желтовато-зеленой жидкостью, та пахла лакрично-сладко и вязко; Иен понял, что это был питательный раствор для каких-то медико-magических процедур. В ванны, поставленные в ряд, змеились пучки трубочек и лоз проводков, подключенных к алюминиевым шкафам с моргающими лампочками и трансформаторам.

— Смотрите, — шепнул Ласло, наклонившись к одной из ванн: внутри каждой лежало обнаженное тело того лжеспасителя — рыжевато-блондинистые кудри, белая как мел кожа, гладкая, через нее просвечивали провода и трубки. — Это гомункул, — констатировал он.

— Вот и весь секрет воскрешения из мертвых, — выдохнула Лидия. — Они вырастили искусственное тело и загрузили в него чью-то или сконструированную с нуля личность.

Иен хотел было что-то сказать, но тут его вывернуло, и он выблевал все содержимое своего желудка, ощущая желчный вкус во рту на грязноватый кафельный пол, согнувшись в три погибели.

— Иен? — крикнула Анна, наклонившись к нему.

— Что с ним случилось? — закричала Лидия.

В этот кошмарный момент Иен отдал бы все на свете, лишь бы кто-нибудь сломал ему распаленный гнилостно-сладостным запахом нос. Его вытошнило в переполненную ванну еще и еще, и он упал на четвереньки, руками ступая в склизкое месиво желудочного сока и желчи.

Его на миг отрезвил лишь крик Анны.

Иен переглянулся и обнаружил, как ее, схватив за горло, прикрываясь ей как живым щитом, оттаскивал исполинский рыцарь в маслянисто-черных доспехах и желчно-желтом плаще. Через саблезубое забрало угрожающе глядели два ало-рубиновых огня-глазницы, в причудливый остроносый шлем был воткнут пучок лебяжьих перьев, огромные пальцы в кольцах-коронах венчали самоцветы. Из-под черного панциря слышалось пощелкивание и

бренчание дьявольского механизма, а через сочленения лат проглядывался ход шестерней и зубастых колес.

Живой доспех весь был сделан из небесного металла упавшего метеорита.

— Это альвейгская магия... — прохрипел Иен, чтобы все слышали, но тут его снова поразил приступ рвот.

Внезапно для всех альвейгский робот заговорил заупокойным голосом, больше всего похожим на трение зубчиков пилы:

— Вот и вы, экзархасские ищейки — пока он говорил, из сочленений лат чадил едкий пар.

— Отпусти ее! — закричал Берри.

— Что ты такое? — спросила Лидия, преградив путь к пришельцу Берри, уже готового сорваться с места, чтобы атаковать метеоритного демона жалкой жердью.

— *Желтый Король*, — прохрипел альвейгский робот.

— Ты Леренц?

— Уже не совсем, нет... — прохрипел он. — Нечто более значимое... Я отказался от уз человеческой плоти, и мою душу перенесли в тело лучше старого...

— Как такое возможно?

— Это не было частью плана. И, тем не менее, это было необходимо, чтобы выжить... После несчастного случая в лаборатории мне потребовалось новое тело...

— Случился пожар, возможно, загорелась проводка, — догадался Ласло.

Король махнул огромной ладонью и взорвал из-под пола одну из ванн, затем махнул еще, и обрушился потолок. Лидию опрокинули и задавили опорные балки, ее бледнеющая рука выглядывала из-под горки штукатурки и сколотого кирпича. Берри лежал рядом без сознания, по его лбу текла тоненькая полоска крови.

— Для чего все это? — Ласло не сдвинулся с места.

— Мой древний род берет начало еще с доимперской эпохи, — он сдавил горло Анны, дабы она перестала лягаться, и продолжил. — Моим прямым предком был архский король, Ричардий Диар, что славно правил в Наристском королевстве задолго до появления Гвидо Милосского. Моего славного прапрадеда предали огню, но его преданные слуги спрятали его единственную дочь и отдали на воспитание ближайшим родственникам-аристократам. Разгадав тайну семьи, я желал вернуть себе то, что мое по одному только праву рождения! Но бесхребетный папочка с мамочкой решили оставить меня не с чем, когда я поведал им о своих блистательных планах. Милосский барон вынудил моих прадедов побираться на дне аристократии, а теперь я поступлю ровно так же с правнуками этого Гвидо и возвращу себе королевство. Наристск — это лишь начало, далее я посею семя восстания среди людей и магов по всему материку, а с новым телом я буду вечным Всеархским королем.

— Но... откуда такая технология? — полюбопытствовал маг.

— Да, — признался он. — Найти альвейгу, что согласится мне помочь, было нелегко, но моим цепным псам-магам удалось выкрасть одну такую из-под носа моего богатого дяди. Конечно, и его и всю его семью пришлось предать земле, но это стоило того.

Альвейгская магия, как любая Иная, не обнулялась ауто-да-ферской аурой, но магии Ласло аура Анны в руках рыцаря не давала напасть на Желтого Короля и спасти ее из его проклятуших когтей. Единственное, что могло помочь в этой ситуации, это непроводящее магию вещество, например — золото, для этого Ласло продолжал тянуть время, задавая все новые вопросы Лоренцу, не имеющие практического смысла, однако отвлекшие его от

единственного из ауто-да-ферского отряда, кто мог держать в руке оружие.

Иен приподнялся на локте, хлестко скользнув по желудочному соку, и попытался прицелиться из своего револьвера в сочленение под наплечник доспехов, нажал на курок...

Но его совсем мутило от альвейгского зловония...

Короткий оглушительный хлопок, вскрик боли.

Первый выстрел пришелся в правый глаз Анны по касательной, сняв в придачу еще и кусок ее переносицы...

Иен собрал всю волю в кулак, сделал еще выстрел и угодил пулей туда, куда целился в прошлый раз. Ручище механического демона мертво обвисла, отпустив тряпичное тело Анны, маг-Исход, телекинезом разорвав рыцарю нагрудник, будто проткнул карандашом бумагу. Из его лона брызнуло смоляно-черное масло-кровь, за клубился пар. Исполинский рыцарь накренился вперед, тяжело встал на колени как в поклоне и грохнулся всем весом в бурлящую лужу.

Берри спас Анну, но спасти ее глаз он не смог, как не старался. Он тысячу раз клялся ей, что будет любить все равно, однако она не приняла своего уродства, и их отношениям пришел конец, а Иен из лучшего друга стал самым ненавистным врагом.

— Первоотца ради, Анн... — молил он ее, сидя возле кровати часами.

В гостиничном номере было сумрачно из-за задернутых малиново-бурых шторок, Анну раздражал любой свет.

Она полулежала на белых простынях, отвернувшись, и глядела своим единственным глазом на пыльную паутинку в углу под самым потолком.

— Никогда, — по-змеиному прошипела она. — Я никогда тебя не прощу, псовый сын.

— Я не хотел этого, — он, было, взял ее за руку, но она отдернула ее как опшаренная и ответила ему звонкой как удар монастырского колокола оплеухой.

— Когда в следующий раз захочешь промахнуться, промахнись себе в голову. Уходи, и перестань меня донимать!

Иен встал с табуретки и поплелся вон из комнаты. Когда он приоткрыл дверцу, она окликнула его.

— Да? — он обернулся, но она только бросила в него пузатый графин с букетом алых маков.

Он уклонился, и графин, как и их отношения, навсегда разбился в осколки о дверной косяк, разбрызгав ледяную воду.

После всего, Лидия Кэйрнс ушла из полевой работы из-за полученных травм, Анна проследовала за ней и метила в секретарское администрирование. Из-за глаза она больше не смогла уверенно держать огнестрельное оружие, которым так мастерски владела когда-то. Ее жених Гаспар Берри ушел работать с другим ауто-да-фером в другом городе, Иен его больше не видел с того дня, как он потребовал с него стреляться на дуэли, но Иен отказался и прослыл трусом, зато остался жив. Желтого Короля забрали, тайная полиция организовала его перевозку в департамент исследований несанкционированной магии, где от людских глаз государством прячутся все наиболее специфические артефакты.

Стылый воздух палил Иену легкие, и он резко распахнул глаза, и снова очутился в темной расщелине. Рев лучафэровой гончей вырвал его из воспоминаний окончательно. Он видел налитые кровью глаза гигантской обезьяны, и зловонное дыхание ударило в его лицо с inferнальным пылом, даже сквозь заложенность носа он отчетливо ощутил запах тысячи мертвецов. В глазах-блюдцах чудовища Иен Маршак будто бы увидел отражение своей

никчемной жизни с начала и до самого конца: приходская школа, батюшка Фауст, заснеженные горы, запахи альбатросов и моря, пчеловоды, Каерфелл, запах духов Анны — лаванда и жасмин, Наристск, Каннескар, укус василиска...

У него навернулись слезы, и ком сожаления застрял в горле морским ежом.

И все-таки он не пожелал сдаться.

Вложив свои последние силы в ноги, он оттолкнулся от обледенелого камня и сломя голову побежал вон из расщелины навстречу метели.

Гигантский бабуин перемахнул следом через весь туннель в несколько прыжков.

Иен вырвался наружу, столкнувшись со свирепствующей пляской снежных хлопьев, а выюжный ветер встретил его оглушительными пощечинами. Он бежал под горой, ногами постоянно завязая в дюнах зимней пустыни. Его икры будто б налились свинцом, ледяной пол, занесенный сугробами, лип к подошвам тряпочных ботинок.

Под ребрами выстрелила оглушительная боль, его глаза заслезились, и он свалился в снег. Парная кровь хлынула изо рвов в его коже, растекаясь бурым пятном на обмерзлой одежде. Хриплый свист выскользнул у него из сдавленных легких, а сердце колотило по ребрам с внутренней стороны, как дробь по детскому ксилофону. Он кинул помутившийся взгляд вперед, там, в ста метрах от него, вырисовывался островок ослепительного света, ниспадающий с блюдца полной луны, как с божественного ока.

Талый снег прилипал к его платиновым от инея ресницам, бровям и волосам. Внутри его загорелось понимание, что он должен добраться до этого островка света любой ценой. Он полз и полз, гончая неотступно следовала за ним, покапывая на его спину зловонной щелочной слюной. Обезьяний рев зазвучал у него за спиной, гончая нетерпеливо ревела, ожидая его скорой кончины от кровоизлияния, чтобы полакомиться его трепыхающейся душой. Затылком он чувствовал пронизывающий дух взгляд кроваво-алых глаз. Этот путь на животе тянулся вечность, даже больше, чем он прожил в клыкастой пещере, питаясь мхом, и углубляясь в болезненные воспоминания.

Но, когда он почти дотянулся кончиками пальцев до колонны ослепительного света, гончая заревела. Она взяла его как кутенка и отмела в сторону. Иен приподнялся на локте, преодолевая колкую боль, и посмотрел на своего надзирателя.

Гигантский бабуин ступал почти по-кошачьи.

Его обезьянью малиново-бурую голову обрамляла золотистая грива, как будто языки пламени, прочая короткая шерсть напоминала жесткую щетинку щетки, а клыки опасно выглядывали из-за массивной пасти окровавленными саблями. Он ударил массивными кулачищами, Иен откатился от удара, и кулаки ударили по розово-алому льду, по другую сторону которого безмятежно дрейфовали грешники.

Эта пляска продолжалась долго, монстр пробовал ударить Иена всем своим весом, а, тем временем, Иен отползал или откатывался в сторону, и весь удар обрушивался мимо на ледовый пол. В последний раз гончей удалось не промахнуться, и он раздавил Иену ребра. Тот наблевал кровью себе на грудь, не в силах больше перевернуться.

Вот и все, подумал он.

Всепожирающая боль пронизывала каждый нерв в его раздавленном теле.

Снежинки недвижимо повисли в воздухе, будто бы на фотокарточке, замороженные в недвижимом и прозрачном хрустале остановившегося времени.

Иен слышал треск, лед растрескался и проломился внутрь под весом чудовища. Он не мог повернуть головы, но расслышал, как ревущая лучафэрова гончая, утаскиваемая на дно

грешниками, коих должна была охранять, тонет. Последовал громкий всплеск воды и абсолютная тишина, нарушаемая только мокрым посвистыванием легких Иена. Он лежал, рассматривая аспидно-черную гладь неба и повисшие в твердом воздухе снежинки, слезы текли по щекам, он думал над тем, кем же он являлся. И прежде, чем благословенная тьма закутала его, чтобы переварить без остатка, высосав последние соки посмертной жизни, он мучительно завыл как умирающий пес.

Он и был псом.

Охотничьим псом.

* * *

Внутри его груди что-то навязчиво постукивало, и он не сразу понял, что стучит его собственное сердце. Иен приоткрыл глаза, и в них ударил луч света из окна гостиничного номера "Проходного двора". Он откинул в сторону накрахмаленные простыни и ощупал грудь. Она была целой, только кое-где виднелись застарелые шрамы и белесые рубцы. Он был худощав, как никогда. Он, поморщившись, выдернул трубку капельницы, и поднялся с кровати, что было трудновато — ноги плохо слушались, он подковылял к окну, открывая его нараспашку, в лицо ему ударил морозный эфир и скоп снежинок-мотыльков.

Была глубокая зима, середина обледенелого сезона.

Захлопнув окно, он спешно набросил на себя свою одежду, которая висела мешком, и вбежал в ванную комнату. В зеркало на него смотрел совершенно чужой человек: лицо похудело до неузнаваемости, нос искривился в сторону, а еще была охровая борода.

Он трогал свое лицо руками, пытаясь себя узнать, затем оставил это дело и выскочил в безлюдный коридор.

— Кто-нибудь здесь есть? — он не узнал свой голос.

Иен прошелся вдоль коридора, и, придерживаясь рукой воткнутые в стену рожки, он добрался до номера Ханны и постучался в него, но никто не ответил. Он прошел дальше и постучался в номер Анны, но и там никого не было. Его одолела усталость, и он спустился на пол, прижавшись спиной к стене, и задремал. Когда он открыл глаза, он снова оказался под одеялом в кровати, а перед ним появились Марк и Ханна, Анна же безучастно стояла возле окна, а черный пес радостно лаял, прыгнув ему прямо на колени.

— Очнулся? — улыбнулся Маркус, у Иена возникло чувство, что тот слегка постарел.

Ханна схватила его за шею, обняв, и он не стал противиться, у него не было сил.

— Ханна, отпусти его, задушишь же, — рассмеялся и улыбнулся по-отечески Маркус.

— Что... что произошло? — спросил Иен и опять-таки не узнал свой голос.

— Василиск здорово ужалил тебя, ты был при смерти. Девчонкам пришлось побегать за ним, чтобы принести мне его ядовитый мешочек с хвоста. Когда я делал противоядие, я был уверен, что уже слишком поздно... Но ты выжил. Правда, пробыл какое-то время не с нами... а в коме, — ответил аптекарь.

— Сколько? — просипел он, и на этот раз ему ответила Анна, не поворачиваясь к нему лицом:

— Почти полгода прошло.

Встать с постели ему не позволил Марк, он утверждал, что ему еще некоторое время нужен сон, но ему позволили подкрепиться вкуснейшим свекольным супом с индюшкой, клецками, картофельным пюре с тушеным в луке мясом и подливой и медовым песочным тортом с взбитыми сливками. Это был лучший прием пищи в его жизни, да и не мудрено: он

не ел полгода. Все это время его кормили парентеральным путем. Он чувствовал себя на седьмом небе, он был жив и вырвался-таки из снежного ада.

— Кстати, — вдруг заговорила Анна, опалив Иена белесым глазом. Еда застряла в его пищеводе водорослевым комом. — С днем рождения.

День рождения? Сегодня? Иен перевел взгляд на занавешенное прозрачной гардиной окно, шел озорной снег, подхваченный веселым ветром.

Часть третья
ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Опять этот сон...

Ало-рубиновые небеса озарял пламенеющий ореол черного солнца как немыслимо-черной червоточины. Улицы Каннескара были полны мертвых мужей и женщин, детей и животных, кровь километровым цунами набрасывалась на стонущий город, сминая дома как origami ударом гигантского кулака. В красном море поднимались островерхие пики заборов и башен, контрастной тенью ложась на неровную гладь. Из ало-маковой пучины вырисовывались закрученные бараньи рога многотысячной армии бесов, рога венчали их уродливые головы подобно коронам. Низкий баритонный гул и звон церковных колоколов текли в уши, заполняя череп, точно кубок из оторванной человеческой головы.

Накрахмаленные простыни липли к мокрому от пота телу Иена, он приподнялся, не раскрывая глаза, и потер холодными пальцами лоб. Он дышал громко, звук, будто кто-то раздувает мехи горячим воздухом в горнило, отражался от стен гостиницы.

Во рту ощущался противный привкус железа от прокусанного им языка.

В номере царил уютный полусумрак.

Окна были закрыты парчовыми шторами, только куцее копые света едва пробивалось через щель. Иен встал, открыл окно и оглянулся в поисках настенных часов. Свет затопил комнату, выхватывая из полусумрака старую антикварную мебель.

Иен глянул на часы: одиннадцать дня, значит все уже ушли.

Холодный душ смыл остатки тревожного сна, Иен долго стоял под стылыми струями воды, в чем мать родила, а студёные капли барабанили гусиную кожу. Выйдя из душевой кабинки и обернувшись махровым полотенцем, он заглянул в зеркало. Ржавую бороду и желто-рыжие патлы он так и не сбрил, никак руки не доходили. Все последние две недели он провел в гостинице, слушая рассказы Маркуса обо всех пропущенных им событиях.

К концу осеннего сезона число похищенных магов перевалило за сорок человек, что вызывало нешуточное неудовольствие у общества магов. Они стали бастовать у городской ратуши, маги-криминалисты выполняли свою работу из рук вон плохо, врачи не лечили, а маги-инженеры отказывали чинить машины на заводах и пригородных фермах, и началась эпидемия безработицы из-за намертво вставшего производства. Городская казна опустела: властям пришлось закупать продовольствие из других городов провинции, чтобы только пережить голодную зиму.

Впервые каннескарцы в полную силу ощутили свою зависимость от магов.

Все стало только хуже с первым снегом: над городом пронесся самолет-кукурузник с сорвиголовой, завалившим улицы пропагандистскими листовками магов-экстремистов, а затем он влетел в пассажирский дирижабль.

Это вызвало массовую панику.

Лицензированные маги начали нападать на людей, а люди отвечали тем же. Полиция не связывалась в эти склоки, особенно после инцидента на Баттен-Марш в кровавую ночь зимнего солнцестояния, когда полицейская армада не справилась с демонстрантами из тех рабочих, что остались без работы, и изрешетила их в дырявый сыр.

После сего инцидента полисмены носили при себе только телескопические дубинки, огнестрельное оружие у них было отобрано, чтобы успокоить возмущенное полицейским самосудом население. Куча людей остались без работы, и они пили круглые сутки в пабах,

барах, не просыхая, а затем устраивали пьяные драки и грабили магазинчики.

Генерал-губернаторша по-прежнему отказывалась показываться на людях, только ее сын старался как-то оправдываться перед репортерами, ссылаясь на нездоровье матери.

А еще Каннескар вонял как никогда.

И не только спиртным, рвотой, фекалиями и химикатами, нет.

Он насквозь провонял сладковато-тошнотворной лакрицей, смрадом магии.

Из-за магического фона в городе вся автоматика приходила в негодность, а ее никто не чинил. Каннескар полнили магические духи. Громадные птицы с женскими бюстами на выкате гнездились под крышами, крохоборы и другие духи-мусорщики терроризировали людей в квартирах, некрофаги забирались на кладбище в поисках костей и мертвечины, от водяников скисало молоко, русалки обзрели: они рвали рыбацкие сети и переворачивали речные судна, чтобы полакомиться человечинной.

Несколько дней назад Анне, занимающейся магоборством последнее время за Иена, крупно повезло — у выловленного в реке мага она обнаружила почву под ногтями (обычно трупы оставались без пальцев из-за русалок, но, наконец-то, пришли заморозки, и русалки впали в спячку). Волчонок сегодняшним утром взял след по запаху, Анна с полицейскими решила спуститься в катакомбы для рейдовой чистки. После кропотливых изучений карт города мертвых, где в эру архских королей хоронили аристократов, она была полностью уверена, что знает, где находится логовище малефиков.

Иена она не взяла с собой, сославшись на его болезнь.

Отбросив опасную бритву, он снова не захотел бриться, вытерся от пены для бритья и надел фисташковую рубашку и брюки в белую полоску. Немного поразмыслив, он надел окрыленный ключ батюшки Фауста, а вот сиреневый платок Анны оставил на туалетном столике.

Он спустился в харчевню, где было совсем немного посетителей.

— Иен! — весело поприветствовал Арни, выдув тому в лицо облачко табачного дыма. — Подать обед?

Иен закивал и сел за дальний столик в углу залы, где стояло два антикварных кресла с узорчатой сине-золотой обивкой. Суп-солянку и гренки ему принесли довольно быстро, похоже, что, Арни ждал, когда он, наконец, соизволит спуститься. Расчудесный молочный запах не издавшего жизни тельца, чеснока, лука, лаврушки, перца и аромат оливок били в чувствительный нос Иена, заставляя выделяться слюну. Он очень отощал и стал похож на скелет как никогда, вся его одежда весела на нем, как на вешалке.

Арни в кремовом костюмчике подсел к нему на второе кресло. Он курил из длинной глиняной трубки, инкрустированной перламутровыми стразами, недорогой, но не шибко вонючий табак. У коротыша был вкус.

— Маркус оставил тебе газету сегодняшнюю полистать, — он кинул на столик свежий номер "Буревестника".

— Не "Правдоруб"? — удивился Иен, зачерпывая ложку супа. — На него не похоже.

— А ты и не слышал! — Арни поднял брови-гусеницы. — Ах, да... Ты же не слышал.

— О чем? Не томи, а то я быстро теряю интерес.

— "Правдоруб" прикрыли сразу после того, как ты откинулся на полгодика соснуть. Всех шелкоперов оттуда прямиком в каталажку отправили. Твоя подружка это сделала.

— Я, конечно, всегда считал, что писать чушь — это преступление, но не в тюрьму ж за это отправляют! За что она их так?

— Они на своей типографии клепали листовки и брошюры с известным содержанием.

— Пособники экстремистов? Вот уж не ожидал, хотя... Нет, наверное, что-то такое я ожидал.

Он доел суп, и Арни распорядился, чтобы им принесли виски. Иен сидел с граненым стаканом в руке, раскачивая маслянисто-огненного цвета напиток, читая "Буревестник". С первой станицы на него глядел светлый лик мэра Вишлина Омберсента, и вид у него был, мягко говоря, нехорош. То был приземистый мужчина лет шестидесяти шести с кучерявой ватой волос; умаянный взгляд его водянистых глаз, окаймленных рвами морщин, как бы кричал: "убейте меня".

"...В этом году уровень безработицы падает, медленно, но все-таки падает, — заявил мэр Омберсент Вишлин на пресс-конференции. — Мы договорились с главами маговского управления, и они заявили, что в скором времени Каннескарские фабрики и заводы снова запустятся, а вся техника будет отремонтирована в кратчайшие сроки. Наши магические друзья готовы сотрудничать с мэрией. Подчеркиваю, мы убеждены, что кризис миновал, и стоимость за ввозимые продукты питания, лекарства и алкоголь скоро понизится, будьте в этом уверены..."

"...Я отказываюсь откликаться на провокации недовольных политикой губернатора, — ответил Леопольд Хонканен нашему интервьюеру.

В интервью Леопольд Хонканен несколько раз повторил, что генерал-губернатор не может выступить с заявлением перед прессой из-за проблем со здоровьем..."

— Конечно же, — покачал головой Иен. — Сыночек защищает мамку, а вот передать-то сыну власть она не соизволила. Хоть полгода проводи в коме, хоть двадцать лет, а она все будет больна, а он все будет заступаться за нее перед прессой.

Арни презрительно хмыкнул, выдувая кольца сизого дыма.

"...Все это какое-то недопонимание с обеих сторон, — заявил архимаг Тетраконклава Каннескара Ласло Фог. — Магическое сообщество терпит раздор, и в этом вина не только пресловутых врагов империи, как все предпочитают думать, но немагического сообщества и самих магов тоже. Все сколько-то виноваты в сложившихся отношениях магов и людей, провокации и открытые нападки с обеих сторон недопустимы. Маги служат единственной цели: это улучшение уровня жизни и благополучия народа. Никто из нас не стремится к гражданской войне, мы тоже хотим лишь чувствовать уверенность в завтрашнем дне, но агрессивное поведение магоненавистнических банд вырывает нашего слабохарактерного собрата искать протекции у третьей стороны, у революционеров, что стали причиной бед. Нам всем, пока не поздно, необходимо сложить оружие, тогда наши бастующие братья зарюют топор войны, и все вернется на круги своя..."

Поначалу отступники спровоцировали людей на ненависть к каждому магическому собрату, а затем наобещали магам свобод и пряников, и самые психологически слабые из них (а это их наибольший контингент) выбрали из двух зол сторону отступников. Далее шла неинтересная статья о том, что за последние месяцы на остров "Адель-ленд" нередко заходили секретарские ревизоры и подвергали всех и каждого суровым проверкам на предмет запрещенной деятельности. Из тысячи двухсот лицензированных магов две сотни лиц были отправлены отсиживать в карцере в ожидании допроса третьей степени.

Следом шла курьезная статья о том, как управляющие нескольких строек заказали из соседней провинции партию грузоподъемных големов, надеясь заменить ими рабочих, чьи страховки были аннулированы из-за бастующих магов врачей.

Иен перевернул страницу с гороскопами.

"Селедки, сегодня вам крупно не повезет..."

А следом:

"...в пятнадцать двадцать жителей Ригэсса ожидает шоу астрономического масштаба — самое долгое за последние двенадцать лет полное солнечное затмение..."

* * *

В Каннескарском гетто Ханна была впервые за все время пребывания в городе, и ей бы хотелось и дальше оставаться в неосведомленности. Снег комьями падал с мертвенно-белых облаков, ложился на темные асфальтовые дороги-реки и сразу же таял, смешиваясь в коричнево-бурое месиво. Все из-за подогрева улиц: зимой простершиеся трубы-артерии под улицами заполнялись паром. Разносортная публика гетто встретила их, Ханну, Анну и Маркуса с неприкрытой неприязнью.

Иные не без основания не любили, когда на их территории появлялись люди, однако в присутствии полицейской свиты они не предпринимали попыток прогнать непрошенных гостей.

Ядовитые клубы зеленоватого тумана с резким химическим запахом рядили квартал тошнотворным одеяльцем. Асфальт был дырявый, как изъеденный гусеницами капустный лист или испестренная метеоритами лунная поверхность, в маленькие рвы и бассейны дыр тонкими ручейками стекались воды маслянисто-радужные и пахучие.

Фантаσμαгоричный муравейник поднимался над землей, опоясанный брезентовыми палатками, раскосыми шалашиками из досок и серо-бурыми шатрами, а над ними тянулся лес грибов-дымоходов и жирно-копченые колонны чада.

В этом железобетонном муравейнике жили так называемые богатые и старейшины всех рас, а в хорошо отапливаемых подвалах находились общие ясли и склады. В лагере-деревеньке, что разбился на несколько километров вокруг, огороженном каменной стеной от всего остального "нормального" города, жил рабочий класс. На краю гетто Иных были улочки с говорящим названием Днища: здесь выживали парии сообщества нелюдских рас, те, кто нарушил правила общины или обкрадывал-убивал своих же.

Краснолюдки, гретчины, алекхи, кобальты, полурослики, хоббы — в густонаселенном гетто проживала треть города, и в это было нетрудно поверить. От Иных непереносимо несло немытыми телами и болезнями, и Ханна невольно загримасничала от отвращения, сдерживая позывы рвоты. Толпа местных сопровождала ауто-да-феров и полицию лихой бранью на своем диалекте, когда они пересекали гетто до того самого муравейника, где уже ожидали старейшины общины и их жрецы.

— Ваш у нас появляться нет причина, — заговорил вождь гоблинов и кобальтов.

Он был поджарист, но жилист, его гранитно-серая кожа напоминала обломок скалы, кроваво-красные патлы заплетены в косички, кошачьи глаза злобно блестели при взгляде на Анну. В его остроконечных ушах гроздились гвозди и шурупы вместо серег, на груди висели амулеты из крышек консервных банок. На старике был плащ из собачьих костей да женский шнурованный корсаж, подобранный на свалке. Подле него стоял его жрец, вождь краснолюдков в рыболовных снастях и блеснах и его жрец, и алекха в кожаной накидке.

— Не вам решать, есть ли у нас причина, — холодно плюнула Анна и показала ему свой секретарский жетон. — Прочь.

— Вы не смейте говорить вождь непочтенно! — закричал его жрец. — Пусть ваш уходит, мы не нарушать законы город.

Он выглядел приземисто по сравнению с его вождем, его лысую голову увенчивала корона из проволоки, куриных перьев и птичьего помета, на шее удвоенной длины висели бусы из погнутых ложек и вилок, в руке водопроводная труба вместо посоха.

Анна вскинула руку над головой, и полицейские взвели курки.

— Мне наплевать, как разговаривать со всякой третьесортной челядью, — улыбнулась она, обнажив, свои белоснежные, как и ее слепой глаз, клыки. — Это дело тайной полиции, и если городские власти идут вам на уступки, то мы не обязаны вам вообще ничем. Или вы не мешаете нам работать, или все отправятся к праотцам. Если вы не поняли, вот это, — она ткнула вождя длинным носом в секретарский жетон. — Означает, что мы можем идти куда захотим!

Старейшины привыкли к безраздельной власти в своем крохотном королевстве, и их нужно было поставить на место, дабы они не вмешивались в дела тайной полиции.

Ауто-да-феры прошли внутрь муравейника, к входу подвезли полицейский омнибус, и из него вышел Волчонок. Маленькая армия полицейских и ауто-да-феры спустились на нижние этажи муравейника под самые ясли в продовольственный склад, расчистили дощатый пол от шматов почвы и пыльных тюков с прелым картофелем и отодрали доски. Блеклый свет ручных фонарей выхватывал из затхлой тьмы спуск в катакомбы, дыру, смахивающую на зев гигантского червя.

— Надеюсь, этот проход не засыпан, как другие, — тихо сказала Анна.

Они начали погружаться в жерло, Анна насторожено осматривалась в белесо-сером туннеле с вбитыми в деревянные сваи и подпорки крюками и факелами в стенах. Фонари в их руках направляли вглубь туннеля полусферу света, распугивая черноту впереди. Они спускались узенькой процессией, туннель шел под некрутым наклоном в несколько сотен ярдов.

Скоро они оказались перед развилкой, Волчонок стоял и вынюхивал след, пока Анна не высказала:

— Похоже, оба прохода ведут к нужному нам месту.

— Вы предлагаете... разделиться? — неуверенно пробормотала Ханна, поравнявшись с ней.

— Пожалуй, — ответила она, всматриваясь в вязкую тьму. — Ты пойдешь с Маркусом в левый проход, возьмешь с собой семерых парней и Збынека. Я возьму остальных.

Ханна кивнула и развернулась к аптекарю, тот выражал во взгляде неодобрение этой идеей, но промолчал. Они разминулись, и Анна пошла в правый проход в сопровождении кинокефала и шестерых парней, а Ханна с остальными в левый.

Анна нравилась Ханне как учитель куда больше даже знаменитого Охотничьего пса. Она не обладала экстраординарным даром, однако была находчивее знаменитого коллеги. Она научила ее как без специальных спектральных очков и астральных антенн вычислять направления магического ветра по поведению жуков или по тому, как собираются птицы в лучевидные стаи, как с помощью соли и свечного воска узнать время проведения ритуала на человеческой крови и так далее по списку.

Потому сомневаться в действиях своего временного и неофициального учителя ей не приходилось, но что-то неприятно екало у Ханны в груди и сосало под ложечкой; наверно, мыслилось ей, на нее так действовала тягучая, как смоль, беспросветность древнего лаза.

Их группка вышла в вытянутый зал с полукруглыми каменными сваями, кафель пола давным-давно выцвел, вдоль стен находились глубокие ниши, в коих лежали, обернутые в паутинную вуаль, будто бы постарался гигантский паук, мумии доимперской знати.

Каменные змеи опоясывали пузатые колонны, а в их глазницах мерцали зеленоватые стекляшки. Кто-то из полицейских подошел к нишам поближе, заглянул и толкнул носком ботинок пустующую урну рядом на полу. Пар выходил из ртов присутствующих, тут было довольно-таки холодно.

И воняло знатно.

А еще отвратительно жужжали мухи.

Збынек весь нахохлился как воробей и издал сдавленный скулеж в конец залы: там, преградив чернеющий зев прохода, стояла группка из нескольких человек, а их опаловые амулеты злобно поблескивали в полусфере света ручного фонаря. В сердце смертоносного оцепления стоял, окруженный зловещим заревом опалов, маг реаниматор-повелитель мух. Вокруг его исхудалой особы, обернутой в грязный серо-коричневый плащ монаха, кружил рой изумрудных мух, от него несло страшным фекальным смрадом.

— Именем экзархия, сдайтесь, — наивно выкрикнула Ханна, в ответ прищельцы лишь от души рассмеялись, и издевательских хохот разрезал затхлую тишину катакомб.

Ханна тянулась за шпагой, запрятанной в ее декоративной трости из слоновой кости. Ее примеру последовал Маркус и блеснул из рукава посеребренным лезвием. Повелитель мух взмахнул рукой, и его подручные бросились в атаку. Оглушительный звон мушиного роя обрушился на весь полицейский конвой, мухи лезли в уши, носы, во все мыслимые и немыслимые отверстия в теле.

— Будьте осторожны, не пораньтесь или вы сразу превратитесь в зомби! — закричала Ханна, пытаясь перебить мушиный шум.

Отмахиваясь от назойливых насекомых, полицейские начали слепую пальбу, сильно запахло порохом, звуки выстрелов врезались в барабанные перепонки. Их враги двигались слишком быстро, пули со свистом влетали в пузатые колонны, разбрасывая пыль и щепки отколотых кусочков.

Поджарый старичок с завязанной в косы бородой до ног прокричал что-то невнятное и сбросил с себя воняющий мочой женский халат в цветочек. Его белое, точно простыня, уродливое прыщавое тело осиял ореол инфернального света, мужчина скрючился подобно зародышу, из его спины в татуировках птичьих перьев вырвались два костяных отростка. Он ревел от мучительной боли, пока костяные отростки обрастали мясом и паутиной вен и артерий. Он оторыгнул под себя тягучую рвоту маслянисто-смоляного цвета, и она юрко поползла к нише в стене, забралась на каменный выступ и пропала где-то там.

Полицейские стреляли в него, из дыр в его груди вытекали тоненькие струйки чего-то смоляно-черного и пахучего, но он продолжал читать колдовскую молитву, и его раны затягивались, оставляя только белесые пятнышки на коже. Его ужасающая трансформация продолжалась, отростки обволокла розово-белая гусиная кожа, повылезли мокрые от алой слизи перья.

На полицейских выбежала босоногая женщина, ее тело крыл панцирь насекомого из коричневого армированного стекла. Ниже ее спины жил своей жизнью костяной хвост из позвонков с зазубренным крюком на самом его конце как жало гигантского скорпиона.

Она резво запрыгнула на плечи одного бравого паренька, на секунду задержалась на нем, вцепившись жилистыми пальцами, перевернулась назад и, пронзив хвостом насквозь,

сделала колесо, огрев мускулистыми ногами второго паренька, пробив тому горло все тем же хвостом. Маркус успел подбежать и вогнать выкидное лезвие промеж ее темно-синих глаз, красная полоска крови разрежала красивое лицо скорпионки напополам, и она упала навзничь, а ее хвост еще несколько мгновений продолжал атаковать воздух, пока Марк не наклонился и не сорвал с шеи мага амулет, и костяной хвост с зазубренным жалом замер. Маг-лжеангел изверг громоподобный клич, распростер ужасающие крылья за спиной.

В нишах показалось движение, и вскоре в зал вылезли две ожившие мумии в вуалях паутины. Двое погибших полицейских встали, их тела тотчас покрыли чумные язвы: мухи захватили их мозги, души несчастных пригодились лжеангелу-магу для мумий-миньонов.

Ханна окликнула занятого убийством двух зомби Маркуса:

— Живо дай мне масло!

Он достал из сумки фигуристый флакон и швырнул ей через половину зала.

Маг-лжеангел прикрывался крыльями от пронизывающего недвижимый воздух пуль, его миньоны-мумии атаковали полицейских юношей и Ханну, защищая создателя. Ханна ныряла под удары рук мумий, звякала шпага, точно булавкой бьющуюся из последних сил бабочку насквозь прокалывая лезвием тела противников, которые тут же падали замертво. Она подбежала к дьявольскому ангелу, он взревел и ударил крыльями воздух, отбрасывая противницу, но она не сдавалась, скача вокруг, как малый хищник, в жажде полакомиться более крупной и неповоротливой добычей. Ханна укрылась от ударов крыльев за резной колонной, судорожно вертя в пальцах флакон с эфирным маслом, пытаясь его откупорить, но пальцы соскальзывали.

Маг разрезал исполинским крылом колонну пополам, будто раскаленный нож масло, чудом не задев Ханну. Заливисто посыпались каменные осколки, облако серо-белой пыли поднялось непрозрачной стеной, позволив Ханне на мгновение скрыться от глаз колдуна. Она обежала его полукругом и, очутившись совсем рядом, бросила флакон, он лопнул на несколько лепестков стекла, окропив лицо мага эфирным маслом. Маг издал рык боли, его крахмально-белая кожа покраснела и пошла пузырями. Не теряя времени попусту, Ханна кинула в крылатого бородача бумажный ворох *меток*, чтобы он не успел опомниться, да и проткнула шпагой его под самый живот, поставив точку в его жизни и темных делах.

Несколько других мумий-миньонов колдуна сразу рассыпались в песок.

Четверо полицейских в упор стреляли в дряблую и мелкую старушку в плаще, пули рвали грязно-черную материю в лоскутки. Когда у молодцов закончились пули, старушка скинула свой дырявый плащ. Перламутрово-седые волосы, едва колышась, как водоросли под водой, закрывали жемчужным коконом овальное туловище в слизистых гнойниках и змеящихся проводков по телу. Ее коротенькие младенческие руки и ноги висели, но она уверенно шла, надвигалась как рок, и оставляла на пыльном полу следы невидимых босых ступней, летя по воздуху в двух ярдах над землей. Боем телекинетического кулака ведьма разможила в кровавую кашу лицо полицейского бывшего к ней ближе всего, и разметала его друзей усилием воли выбросом невидимых, но ощутимых мозговых волн.

Никто из полицейских не смог понять, откуда ждать следующий удар, потому, что ментальные руки ведьмы оставались невидимы, и оказывались там, где их меньше всего ожидали. Она рвала каждого на половинки, свалив на паточно-липкий от крови пол груды мутно-серых внутренностей. Ханна подкралась сзади и попыталась вонзить шпагу в спину старухи, но та, завидев девчонку периферийным зрением, резво развернулась и бросила на нее каменную глыбу от порушенной колонны. Та ничуть не ступевалась, только вытерла

тыльной стороной ладони свое лицо от пота. Ханна подняла с пола револьвер, но слишком поздно обнаружила, что тот был разряжен, а *меток* и вовсе не осталось.

В тот момент, когда колдунья чуть не убила ее, обрушив всю inferнальную силу невидимых рук, раздался оглушающий выстрел и усиленный эхом собачий лай. Маркус стрелял из револьвера, и, колдунья развернулась, он пулей попал в, запрятанный в копне волос-щупалец, амулет на железном цветке лилии. Короткая ослепительная вспышка как от светошумовой гранаты, оглушительный хлопок, и овальное тело с детскими ручками-ножками повалилось на пол, взметнув в воздух скоп пылищи.

Ханна осмотрелась: осталось четверо магов и ноль полицейских. Они с Маркусом и псом поравнялись и шли на последних магов, но те не захотели продолжать вечеринку. Магреаниматор напустил изумрудных мух, загородив охотников на магов живой стеной, а затем трое других вскинули руки к потолку и неслышно произнесли литании, обрушивая свай. Ханна, Марк и Збынек побежали прочь обратно к туннелю, из которого пришли. Рев падающих камней за их спинами кончился, они остались в непроницаемой тьме коридора перед засыпанным залом и без фонаря.

— Нам следует вернуться, и попытаться пройти во второй туннель, — шепнула Ханна. — Ты согласен?

В ответ только гнетущая тишина.

— Маркус?

— Да-да, я просто кивнул, — засмеялся он, и послышался звук открывания фляжки.

Они возвращались назад, медленно и осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, но все что они слышали — это косолапая поступь их собственных шагов и дыхание. Они добрались до рогатки туннелей и пошли в правый лаз, когда до них дошел звук борьбы. В конце коридора, кстати, более круто наклоненного, чем левый проход, забрезжил блеклый круг света ручного фонаря.

Там пахло смертью и порохом, все полицейские были убиты, их гуттаперчевые тела лежали в лужах липко-паточной крови, а с ними три-четыре мага (понять точнее никак не получалось: тела были разорваны на несколько частей). Полусфера белесого света фонаря выхватывал из затхлой черноты катакомб сражение двух чудищ.

Волчонок устремлялся на мага с дичайшим ревом, скаля свои кинжальные клыки.

Капельки своей и вражеской крови искрились на его иссиня-черной коже, покрытой жесткой щетиной, поигрывая светом на каменных мышцах. Зверя охватила жажда плоти, розоватые слюни текли с его чернильных губ, глаз горел в темноте злобой как маленький прожектор, второй глаз был закрыт, из рваной раны с него капывала кровь. В воздухе отчетливо чуялся его мужской псовый запах.

Этот маг, с которым он сражался, был могучим противником, чернокожий маар был неплохо сложен, его щетинистые перламутровые волосы сверкали на свету как снежный сугроб, а гримаса злобы и сосредоточенности застыла на гранитном лице, окаймленном швами, его лилейные глаза слепого пророка утопали в глубоких пещерах-глазницах, нос-картошка был переломан в нескольких местах.

Под выставленным вперед как у неандертальца, подбородком шла неровная линия ужасающего рта до неприкрытого лобка, этот гигантский рот жадно клацал треугольными зубами воздух, половинки торса мага при этом хлопали как крылья бабочки.

Маг поддавался вперед, Волчонок отпрыгивал назад, оба начинали ходить по кругу, и угрожающе клацать зубами. Пляска смерти продолжалась несколько мгновений, маг все

наступал, кинокефал все отпрыгивал назад, но вдруг он выставил заднюю лапу вперед и ударил кулаком в ужасающий рот. Рот как мясная мясорубка схватил руку кинокефала, затянул точно зыбучие пески противника по плечо, брызнули буро-красные струи, горло Волчонок сорвало криком, но он только придвинулся к магу ближе. Он, терпя вопли боли плененной руки, нащупал внутри мага его запрятанный амулет, напряг мышцы в руке и выдернул его из пасти, разбив в обломки зубы. Сжав в пальцах с кинжалами-когтями, он раздавил амулет, последовал хлопок, вспышка, и посыпалась на пол ало-рубиновая пыль. Маг упал на колени, ужасающий рот начал запрятываться в темно-коричневой коже, когда Волчонок взял за его края и порвал мага напополам, залив свое мощное мускулистое тело кипятком кровищи. Ханна подбежала к Анне, она опиралась, полусидя-полулежа, о пенек колонны, в обеих руках держа два золоченых пистолета.

— Вы живы? — спросила она Анне, боясь притронуться к ней.

— Ну, так... — сообщила она. — Пациент скорее жив, чем мертв.

— Похоже на перелом бедренной кости, — констатировал Маркус.

— Спасибо, детектив, я сама не поняла, — она смерила аптекаря стеклянным глазом.

— Нам нужно вернуться на поверхность... — начала была Ханна, но Анна взяла ее за руку.

— Нет. Я буду в порядке, вы должны остановить ублюдков. Нас подстерегали, пятеро магов, но мы всех убили, прежде чем они предупредили своих. Вот этот был последним...

— Мы упустили четверых, — призналась Ханна, и ее голос сорвался.

— Это плохо, — сказала Анна. — Мы должны пойти дальше.

— Ты ходить не можешь, дура самонадеянная, — шикнул Маркус.

— Меня понесет Волчонок, он сильный, — улыбнулась она. — Я еще могу стрелять. У нас нет времени, ведь если мы не нагоним их сейчас, они переберутся в другое логовище. Пожалуй, мы не в том положении, чтобы пытаться нападать, поэтому просто узнаем, чем они там занимаются, вернемся на поверхность и возьмем подкрепление.

Маркус все же настоял на том, чтобы задержаться и наложить Анне шину. Они шли вглубь катакомб. В воздухе висел запах чего-то неправильного. У Ханны пот выступил на лбу, противно налипли пружинки волос. Свет фонаря лизал каменные стены и кафельные полы древнего города мертвых, и, проходя под арками со сводами из нефритовых змей, согнувшихся в дугу перевернутой литерой "U", Ханна боялась, что фонарь предательски выдаст их врагу, укрывшемуся в тени очередного темного зала. Но они продолжали идти, некоторые залы сворачивали в сторону, соединяясь коридорами, круто накрененными под острым углом.

Спустя пару часов небыстрой ходьбы спереди забрезжило зеленоватое зарево, Марк приглушил свет фонаря, и они придвинулись к выходу из последнего зала поближе. Они вышли под куполообразный потолок на открытый балкон, с которого вниз вела округлая лестница, перекрытая высоченными колоннами. В неглубокие нефы стены были вделаны чугунные когтистые руки с факелами, горящими химическим зеленоватым огнем. В самом низу находилась каменная чаша бассейна, до краев наполненного зловещего цвета водой. В ней лежали голые мужчины и женщины бледные как молоко, их груди ходили ходуном от быстрого дыхания, их гусиную кожу утыкивали присоски с проводками, что змеились подобно маслянисто-черным лозам по каменному дну зеленоватого бассейна, а некоторые из них поднимались на поверхность светящейся воды и скрывались в трансформаторах. И снизу слышался ужасающий хорал. Маги находились в трансе дурмана и заливались, рвя

голосовые связки, магическими литаниями. Здесь еще было восемь магов, один возился с клеймами в переносной печи, четверо были теми, кого Ханна и Марк упустили недавно, один обрисовывал магические руны на стене и полу кровью из ведерка, а двое других проверяли узников. Один из этих двоих нащупал что-то на горле узника в бассейне, затем открыл тому рот, пока второй запихивал тому в пищевод длинную прозрачную трубку с воронкой на конце. Он засунул руку в непрозрачный контейнер и выудил оттуда ворошок корчащихся молочно-белых гусениц дурман-мотылька, кинул в воронку и начал давить их ступкой, и желтоватая каша потекла по прозрачной трубке в пищевод одурманенному узнику.

— Это, вероятно, не все из них, — сказала беззвучно Анна на руках кинокефала.

— Конечно же, их тут должно быть больше, — согласился Маркус. — Остальные где-то наверху, на поверхности или в других залах.

— Что они делают? — задумалась Анна, Збынек и Волчонок заскулили тихим хором. — Что? — придерживая Анну рукой, Волчонок протянул другую руку куда-то наверх, на что-то указывая. — Святая Марианна, сохрани!

Он показал сначала на связки трубок и проводов, они тянулись с самого дна круглой комнаты похожей на дно колодца по колоннам вверх прямо под купол, где был огромный кожистый шар на железной короне. Внутри что-то шевелилось, полупрозрачная оболочка розовато-охрового цвета сверкала от электрических вспышек и отвратительно колотилась сердечным пульсом.

— Секретарские крысы! — закричал откуда-то снизу маг, указывая на Анну на руках у Волчонка, Ханну и Маркуса.

— О, нас заметили, — выплюнула с желчью Анна, прицеливаясь пистолетами.

Ей удалось убить глазастого мага с двух выстрелов золочеными пулями. Маги внизу всполошились и гудели прогневленным осиным роем. Двумя выстрелами Анна уложила еще двоих. В воздух поднялся скоп мух, она подняла руки вверх и выстрелила в кожаный пузырь, из прорехи посыпались какие-то куски похожие на чьи-то внутренности, хлынула зловонная струя розовой липкой воды, и что-то темное в мокром восковом коконе упало на самую кромку выступающего под куполом балкона. Нечто внутри кожистого овалоида забарахталось как утопающий, порвало узилище с хлюпающими и чавкающими звуками и быстро выбралось наружу, поблескивая в зеленоватом свете факелов маслянисто-черным хитином. Магический дух был ростом с взрослого человека, стоял на четырех конечностях с крючьями когтей-каблуков. Его кожа слизистая оливковая туго заволакивала каменные мышцы и клетку ребер на бочкообразной груди чудовища. За спиной его ходили ходуном два хитиновых надкрылья, они отливались бензиновой радугой на трясущемся свете, под ними колотилась четверка исполинских крыльев, как у гигантского жука. У монстра была человеческая голова-черепушка, принюхиваясь тоненькими щелками ноздрей, он открыл разрезающий лицо от уха-воронки до уха свой рот, полный булавок-зубов, оттуда выполз лиловый язык, похожий на червя. Его высокий лоб крыл костяной шлем, из-под которого зияли глаза блеклым розоватым заревом, а голову увенчивал венок бараньих рогов цвета слоновой кости.

Анна заорала до хрипоты и выпустила в него всю обойму. Монстр обрушился с края площадки вниз в бассейн. Утонувший дух обмер, дрейфуя на дне зеленоватого резервуара. Вдруг он пошевелился, что-то разорвало его брюхо, малиновое облако крови растеклось под водой, скрывая тело, потом оттуда выскользнуло два его маленьких подобия на двоих

отступников. Маг-повелитель мух обрушил потолочные сваи, дабы освободить собратьев ужасного существа горловым выкриком магической литании.

* * *

Непроницаемо-черная сфера луны как дьявольский глаз, охваченный бурой короной языков пламени, глядела на лик Каннескара зловещей темнотой, кромешная ночь посреди бела дня. Этой картине аккомпанировали тряски, несколько домов в юго-восточной части города провалились под землю, разверзнув под собою саблезубые кратеры. По городским улицам разнеслась эпидемия слухов о каких-то там рогатых чудовищах.

Эквилибристика Люси Эванс, удерживая в руках краснокожего младенца с шипами на локотках, вышла на улицу из циркового шатра ля Бурдон вместе с любопытничающими ротозеями к разверзнувшейся дьявольской дыре на месте старого двухэтажного дуплекса.

Враз тесную улицу наводнила толпа самых разномастных горожан, скоро подросли полицейские, они заняли места у чернеющего зева. Полыхающий буро-бронзовой короной солнца диск луны угрожающе смотрел на вытянутые головы зевак. Полицейские, держа наготове дубинки, шли к краю чернеющего кратера. Горожане обеспокоенно шептались и нетерпеливо подпрыгивали на месте, чтобы увидеть, что там происходит. Где-то вдали слышался перезвон колоколов единственной в городе замшелой капеллы.

Один из полисменов наклонился вперед, глядя в кратер, когда его что-то схватило и утащило под землю. Ребенок на руках Люси закричал, и эквилибристика начала качать его, тщаь успокоить малыша. Несколько мгновений ничего не происходило, воздух закипал. Вдруг из адской дыры в сумрачный город вылез улыбчивый демон. Закрученные бараньи рога венчали костяной шлем уродливого лица, рассеченного от уха до уха тонкой линией рта. В бритвенных когтях он держал голову полицейского, запихнув жилистые пальцы в глазницы. От оборванной шеи тянулся алый шейф и молочно-белый хвост позвоночника. Крохотные глаза существа едва мерцали из-под зубьев костяного шлема и озирались по сторонам, примиряясь к новой добыче. Стуча когтями-каблуками, демон приблизился к толпе, полицейские пытались закрыть собой людей, но понимали, что им нечем убить эту страшную тварь.

Существо приоткрыло пасть, обнажив ряд зубов, и попробовало страх и растущую панику в воздухе червяком-языком. Оно махнуло вперед и завалило какого-то мужика, рвя его одежду и податливую плоть в лоскутки.

— Бегите, глупцы! — закричал, что есть мочи один из полицейских.

Люси, прижав ребенка крепче к груди, бросилась вон, но началась толкотня и давка, люди кричали и бежали, наступая на тех, кто упал. Мужчины и женщины, Иные и люди перли лавиной во все стороны под аккомпанемент рева, воплей и благого мата, топтали живой ковер упавших сотоварищей, ломая им спины, наступая на пальцы. Полицейские били рогатого зверя дубинками и дули в свистки, этот звук врезался в уши, прошибая точно пулей стену гвалта и ора. Пот струился у Люси под одеждой, тек россыпью бисера по лбу и щекам, застревая на ресницах; барабанный перестук сердца отбивал в ее груди по внутренней решетке ребер агрессивный ритм. Звериный рев со спины заставил акробатку обернуться через плечо, и тогда кто-то сшиб ее с ног.

Она упала, крепко придерживая плачущего младенца за тряпки, и ловко отпрыгивала от несущихся на нее ног людской толпы. Рогатый демон приближался, он двигался как элегантный кот. Люси отползала по грязной кашнице растаявшего снега назад, неотрывно

глядя на врага в его мерцающие огоньки глаз.

Она зажмурилась, прижимая ребенка сильнее к себе. Демон ринулся на нее, но тут прыскающий звук струи бензинового пламени, дикий рев ужаленного огнем магического духа. Люси различила сквозь свои зажмуренные веки оранжевые всполохи, последующие за ними крик и запахи горелого мяса, малиновой сладости и бензина с примесями.

Люси отважилась открыть глаза. Впереди горело рогатое чудовище в позе зародыша, а языки оранжевого пламени поднимались на многие ярды жирно-копченной колонной дыма. Рядом высился он, экзорцист верхом на матером вороновом скакуне с бензиновым баллоном за спиной в клепаной куртке с воротником из волчьего хвоста и в противогазе с хоботом. Вороновый конь повернул к эквилибристке голову, экзорцист в седле хлестнул поводьями. Из кратера показались чудовища, экзорцист направил на них воспламенитель огнемета. Кто-то из коллег-циркачей схватил оцепеневшую акробатку с ребенком за руку и потащил вон. Им на встречу уже бежали артисты полурослики и кобальты с винтовками наперевес.

Звуки выстрелов разрезали уличный шум, младенец в руках девушки все продолжал плакать.

* * *

Иен выронил стакан с виски, он разбился об пол на лепестки сколов, расплескав медово-янтарную веселящую воду. Звук бьющегося стакана разбудил задремавшего Арни. Мозг Иена наполнился обонятельными сигналами, тысячи тревожных запахов ударили ему в нос, заставив его почти полностью протрезветь.

Он чувал много крови бездомных собак, котов, крыс, людей, Иных, мужчин, женщин и их детей. Он чувал их смердящую смертью кровь и страх, напоминающий запах молока, сырой почвы, дефекаций и желудочного сока. Еще он чувал запах горько-сладкой лакрицы, он был куда сильнее, чем раньше, настоящая вспышка гнилостного аромата, он заполнил его легкие, и его желудок запротестовал, тщаь опорожниться. Несколько бутылок виски все еще били по мозгам, не давая сосредоточиться, но он кое-как встал и прилип лицом к стеклу окна, а затем небрежным движением ладони стер марево напотевшего конденсата, тщаь разглядеть улицу сквозь призму разводов приставшей к стеклу влаги. Но разглядеть что-то было нереально из-за солнечного затмения: было темно как ночью. Неотчетливые тени бежали куда-то влево, за ними неслись другие более быстрые тени, и разглядеть, кто это было невозможно, но это и не требовалось.

Он уже чувал их.

Иен резво промчался через весь зал харчевни к лестнице на свой этаж. Он вбежал по лестнице вверх, ворвался в свой номер и принялся судорожно рыться в шкафах в поисках револьвера и коробка с малокалиберными пулями из сплава с добавлением доли золота. Взяв в руку флакон с эфирным маслом, он выронил его на пол, вздрогнув от испуга: нечто большое ударило в окно, едва-едва не разбив его, и с дребезжанием крыльев унеслось как гигантское насекомое, прочь. Иен чувал, как воняет это существо приторно-тошнотворной лакрицей, малиной, чужой кровью и какой-то органикой, но идентифицировать его ему не удавалось: он никогда в жизни с подобными существами не сталкивался. Ужас захлестнул его с головой, с концами сбив с него алкогольную дремоту. Он услышал, как из харчевни закричал в его адрес Арни, и поспешил на его зов, прихватив с собой мелки в маленьком футляре.

— Черт тебя дери, что здесь творится? — побагровел карлик.

— У нас всех неприятности, — только и ответил он.

Посыпалось стекло витрины, вместе с холодным воздухом в помещение зала влетели снежные бабочки и сухощавая рогатая тварь. Иен пытался вспомнить эту тварь, ведь ему преподавали курс экзорцистики много лет назад.

Тварь раскрыла отливающие топливной радугой надкрылья из броневой хитины и раскинула по сторонам четыре исполинских крыла, свет газовых рожков взрывался по залу зайчиками от зеркалец крыльев монстроподобного жука. Жук махом перелетел зал и кинулся на одного из завсегдатаев бара, одним движением мощной челюсти превратив пьяную ругань в противный булькающий звук заполнившей горло крови. Арни с пьяным воплем накинулся на духа, нахлобучив картину с красивой толстушкой чудищу на рога, а Иен выпустил в него всю обойму золоченых пуль.

— Что же это такое, твою ж мать? — простонал краснолюдок.

Розоватая слизь текла через дырочки от пуль, отдавая запахами лакрицы и каких-то сладковатых ягод. Иен ткнул существо, и оно едва зашевелилось. Он принялся судорожно перезаряжать револьвер, роняя золоченые пули на пол, краснолюдок замахнулся бутылкой виски. В ушах сердечный пульс отплясывал бешеный степ, пот тек по щекам, запутываясь в бороде и упрямых волосах жемчужинами соленых капель. Иен вытер тыльной стороной ладони пот с лица. Демон перевернулся, нечто внутри него вскакивало буграми под кожей и вырывалось наружу, разрывая податливое брюхо. Из образовавшейся дыры текла буромалиновая струя, отдающая компотом. Из дыры рвалось две миниатюрные копии этого же существа в кожистых коконах с чавкающими звуками.

— Ну что ты стоишь! Стреляй уже, — кричал Арни.

— Это бессмысленно, — к его ужасу и удивлению он убрал револьвер в кобуру.

— Что ты такое говоришь! — отчаялся он, его лицо было белое как мел.

— Это прокоптус, от пуль будет мало проку, — выдохнул Иен, ощущая жгучую боль в своем желудке на дне пищевода и сосущее чувство под ложечкой. — Я никогда не видел их вживую и надеялся никогда не увидеть.

— Что ты такое несешь? — кричал Арни, брызгая слюной от нетерпения.

Но Иен не слышал Арни, он вспоминал старейший бестиарий, который учил давно в стенах секретарской штаб-квартиры:

"Прокоптусы, жадные пожиратели живой плоти, единственные из магических духов способные самовоспроизводиться без магии, и нечувствительны к переходным металлам медной подгруппы..."

— Если убить прокоптуса, он родит еще двух, и так может продолжаться бесконечно, если не применить излюбленную тактику экзорцистов.

Иен выхватил бутылку краснолюдка, выплеснул содержимое на кожистые коконы с малютками-прокоптусами и поджог их пламенем свечи.

— Огонь — это их самое существенное слабое место, — многозначительно произнес он, глядя в поднимающиеся языки пламени. — Арни, бери мел и раздай его постояльцам.

— Это еще зачем...

— Скажи им запереться в комнатах и обрисовать круги, чтобы спрятаться за ними, и сам так сделай.

— Нарисовать круги из мела...

— Это поможет защититься от прокоптусов, если они заберутся в гостиницу.

Он кивнул, и Иен добавил:

— И не пытайся обороняться винтовками. И не смотри на меня ты так, я знаю, где ты их держишь и мне наплевать, какие ты законы при этом нарушаешь, я не пчеловод все-таки. Запоминай: застрелишь одного, а получишь двоих, и не менее опасных. Прокоптусы вырастают во взрослое имаго всего за несколько часов, а их нимфы едят вшестеро больше собственного веса. Забаррикадируйте вход, когда я уйду. Я же попытаюсь помочь людям в городе, — Иен зашел за стойку бара и стал сгребать водку, ликеры, ром и виски.

Иен покинул гостиницу в широкополом плаще и с мешком бутылок с воткнутыми в горлышки пропитанными тряпками, а в кармане у него был стратегический запас спичек. Он шел по грязной от буро-красной грязи дороге и запахам смерти в сторону Ристалища. Над черными силуэтами зданий, вырезая их контуры в темноте оранжевым ореолом, как ребенок вырезает фигурки ножницами из цветного картона, поднималось зарево пожара, будто солнце заходило где-то на востоке. Но нет, конечно, оно оставалось высоко в темно-багровых небесах, непроницаемая черная сфера дьявольского ока.

Он простирал свое сверхчувствительное обоняние над темными стенами зданий, чуя запахи бензина, пороха, отвратительный запах тошнотворной лакицы и чего-то ягодного. Щупальца запахов протянулись в воздухе над шиферными крышами, и исток этих запахов находился в Ристалище, в гетто Иных.

Иен судорожно сглотнул, зажмурил глаза, пустив две горестные слезинки по щекам. Вся эта чужая боль, выброшенная в воздух с потом, касалась носа и таяла на языке как тошнотворный леденец. Он переступал обглоданные тела, выстрелом револьвера добивал тех, кому уже не в силах был помочь. Неподалеку от дороги по слякоти тянулась колея от колес, а возле перевернутой набок самоходки, врезавшейся в витрину какого-то ломбарда, Иен увидел двух прокоптусов, пожирающих жирного водителя под сопровождение его хрюканья и булькающих звуков. Иен зажег тряпку в бутылке водки и с силой бросил ее в их сторону, разбив бутылку о кузов самоходки. Озорные языки пламени расплескались по сторонам, и злобные духи вспыхнули маленькими солнцами.

Сверху послышалось дребезжание крыльев, еще один прокоптус, выпустив из своих когтей обезглавленное тело тучного мужчины (оно упало и нанизалось на пик крыши, как на шампур), спикировал на охотника. Он уклонился, зажег тряпку в очередной бутылке и бросил рогачу в костяной лоб. Оранжевое пламя охватило тварь ослепительным коконом, и прокоптус упал в слякотный сугроб как комета. Иен шел дальше, и все чаще натыкался на прокоптусов и горы потрошенных трупов, среди коих толпились пищание крохоборы, а над речными каналами мигали блуждающие огоньки.

— Иен, сзади! — закричал Мигель, направляя в его сторону дуло охотничьего ружья.

Иен поддался вперед, у него над ухом просвистела пуля и толкнула в костяной лоб прокоптуса за его спиной, она отлетела на несколько ярдов назад и завалилась замертво.

Дурарара и его бойцы устроились за оградой из мешков с картошкой перед входом в "Фаворит". Неисправный голографит вывески над входом сейчас моргал как маяк.

— Не стреляйте, — закричал Иен им, размахивая руками.

Тварь за спиной Иена задергалась, из ее белесого живота наружу вырвались ее копии в коконах. Он зажег тряпку в бутылке и собирался бросить, когда просвистела пуля у него под ухом, и второй прокоптус с дичайшим ревом льва набросился на него со стороны. Он выпустил бутылку, та ударилась об асфальт и расплескала танцующий ковер языков огня. Иен толкал руками напавшую тварь в рога, не давая ей приблизить ужасающую пасть, ее

смадная слюна, отдающая мертвечиной и малиновым компотом, текла на щеки и шею, а лиловый язык-червь хлестал по лицу. Иен почувствовал, что руки начинают уставать под дьявольским напором прокоптуса, просвистел выстрел, угодивший в жука, облепив лицо Иену паточной кровью из рваной дыры.

Только тогда ему удалось скинуть прокоптуса с себя.

— Вставай, быстрее, — закричал ему в ухо Мигель, схватив за руку.

— Спасибо, — пробормотал он и поднялся. — Их можно окончательно убить огнем и больше ничем. Тащи керосин, алкоголь, все что воспламеняется.

Им пристало удерживать свои позиции перед входом в клуб, прокоптусы летели на моргающий свет вывески, как бражники на пламя свечи. Они пикировали к ним, бросая на дорогу, зубья оград и копыя шпилей домов гуттаперчевые туловища с оторванными по шейные пеньки головами. Выстрелы из двух охотничьих ружей сбивали их с воздуха, и они грузно падали рогами вперед на земную твердь, раскидывая комья слякоти и снега. Мгновение тела улыбающихся до ушей демонов не шевелились и, прежде чем из их лон появлялись нимфы, Иен забрасывал их бутылками с зажженными тряпками.

Расплескивалось оранжевое пламя, черный дым поднимался столбом к самому небу. Мигель и его бойцы не заметили двух прокоптусов на крыше клуба. Те накнулись на них сверху, громила-охранник умер от сломанной шеи. Борец-зек встал на дыбы, замахнулся зажигательной смесью в мутно-зеленой бутылке с горящей тряпкой, однако вторая тварь накнулась на него. Он обронил бутылку и разбил, пуская в пляс ковер огня под своими ногами.

Сразу же огонь перекинулся на духа, и тот сгорел.

Татуированный краснолюдок пытался побороть второго прокоптуса в рукопашном бою, но по своей туполобости не взял в расчет не только силу противника, но и его когти-шпильки, и так он пал, придерживая руками вывалившиеся из разреза на животе кишки. Иен выстрелил из револьвера твари в голову, и она повалилась, тогда он разлил по ней керосин и поджег. Спустя еще двадцать минут оборонительного сражения, они с Мигелем остались совершенно одни перед сонмищем лучафэрских бесов. Запахи дизеля, крови и лакрично-ягодного смрада заполняли чувствительный нос Иена липким дурманом. Тварей все никак не становилось меньше, они окружали Мигеля и Иена плотным кольцом, ступая по горелым трупам собратьев, вырезаясь черными тенями на фоне полыхающего пожара.

Вдруг все буйство ревущего огня, рычания жадных до плоти чудовищ и чавкающая поступь их каблуков затмил предупредительный гудок военного дирижабля. Он, черный и грузный, был охвачен золотистым коконом пламени и падал, накренившись алюминиевым килем вниз. Прокоптусы сразу разлетелись с оглушительным верещанием, а Иен и Мигель побежали в сторону от линии падения военной махины. Срезав каркасным брюхом крыши и верхние этажи домов, он проволочился несколько сотен ярдов, руша стены в кирпичное крошево. А затем произошел взрыв совсем рядом с ними, Иен упал лицом вверх.

Он чувствовал, как по щекам течет что-то мокрое, слух пробирал колокольный звон марианского прихода, глаза встретились с дьявольским зеницей луны, закрывшей собой солнце. Там, вверху, над рокочущим городом была только бурая тьма, и ангелы исполины не снизошли с Райского первозданного сада к людям, дабы дать рогатым бесам Родителя лжи отпор, как завещала песнь о Воскресенском дне. Первоотец был мертв, божественные колоски еще не взошли в окровавленной почве, а людской молитвы было слишком мало, для того чтобы остановить весь этот ад земной.

Из последних сил оставаясь в сознании, Иен пытался молиться мертвому Богу.

* * *

— По рукам-ногам стреляй, — кричал Маркус, сорвав горло.

— А, что я, по-твоему, делаю, а? — отхаркнула Анна, опорожняя пистолеты.

— Вон тому ты попала в горло, он уже начал раздваиваться!

— Это у меня бедро сломано, не у тебя, — кричала она. — Попробовал бы ты попадать с моей-то болью! Ханна, быстро перезаряди...

— Они приближаются!

— Я без тебя вижу, Логан, будь так мил, заткнись!

— Есть, — объявила Ханна, возвращая ей в руки пистолеты.

Прокоптусы теснились в тесном туннеле и стремительно наступали им на пятки.

Анна то и дело пыталась расстрелять их по конечностям, а те из них, кто оказался слишком близко с ними, оказывался с пеньками вместо рук и ног милостью Маркуса и его лезвия. Уже не один час они продолжали блуждать по бесконечным коридорам, стараясь отыскать выход на поверхность из затхлых катакомб, но пока безуспешно. Когда случился обвал прямо над гнездовищем духов, площадка балкона накренилась, и им едва удалось не разбиться насмерть. После этого их преследовали демоны, однако сейчас им удавалось уйти, и, наконец, они завалили последнего из них и оказались в магической лаборатории отступников.

Закрыв проход с того коридора, с которого они пришли, бронированной дверью в заклепках, они сделали короткую передышку, пока Волчонок не вынюхает в какой из трех лазов впереди им нужно пройти, затем чтобы выбраться в город. Маркус безотлагательно наклонился к ней, дабы оценить ее состояние. В скорбном зареве восковых свечей, везде понатыканных в ниши с мумиями, она выглядела хуже: кожа белая, точно накрахмаленная простыня, струи пота вуалью стразов покрывали ее обескровленное лицо.

Она отмаливалась, мол, все в порядке, но это было не так.

Стрельба ухудшала ее положение с бедром: из-за глаза, она много мазала, и стрелять приходилось вдове больше, значит ей и дергаться от отдачи приходилось больше, что не лучшим образом сказывалось на бедре. Перелом бедренной кости — не шутка.

Сейчас Анна уже объективно оценивала свои шансы выбраться на поверхность, как маловероятные, и было кое-что еще, о чем она не рассказывала никому, что она прятала от глаз Маркуса сейчас и все полгода, что они работали вместе.

Ханна обнаружила, что запас золоченых пуль закончился, потому она села рисовать на рулоне бумаги чернильным пером, чтобы потом нарезать и получить немного *меток* на всякий пожарный, несколько раз по невнимательности и усталости ошиблась с завитком противомагическими знаками, и они вспыхнули, поджигая бумагу. Она вскрикнула, сунув обожженный палец в рот. Так или иначе, ей удалось намалевать *меток* из найденных в типографском станке в лаборатории листов.

— Похоже, что после закрытия конторки "Правдоруба", они обустроили типографию у себя в подземельях, — шепотом объяснила Анн и гладила голову Збынека, улегшегося у нее на коленях головой.

Маркус с сомнением смотрел на черного пса, внутренне проклиная себя за то, что не узнал ключ-слово, активирующее грима. Грим, пусть это незаконный метод магоборства,

очень был бы полезен сегодня.

Волчонок стоял вдалеке, внюхиваясь в душный воздух. Вдруг один громкий хлопок, вся вековая пыль и камешки колонн и потолка посыпали на их головы. Последовал второй хлопок, и стены хрипло задребезжали. Дверь с заклепками вогнулась внутрь, как будто на железном полуметровом листе возник большущий фурункул.

Звякнула шпага Ханна, покинувшая лоно костяной трости, Волчонок встал на дыбы, и даже Збынек выступил вперед, рыча, готовый встретить непрошенных гостей. Скоро в двери с жутковатым лязгом открылся рваными лепестками цветок дыры, через которую прошли три мага, среди них тот самый повелитель мух. Он распахнул свой грязный серо-коричневый плащ, его живой труп, сухопарый и белый, покрывали рябящие в свете свечей мухи, они шебаршились на рубиновом опале амулета. Он встал в боевую стойку, напустил на ауто-да-феров скоп мушиного роя и кричал команды своим товарищам.

Один из магов был полностью лишен тела, а его бритая голова была присобачена к трубчатой шее на железный остов скелета с ворохом кабелей и шлангов в области пупа. Трепыхающееся сердце в застекленной сфере в рамке колец из темного металла гоняло по прозрачным трубкам что-то желто-зеленое, пустые глазницы мага вспыхивали алым огнем из-за темных окуляров, лысину его крыл стеклянный купол. Жердевые ноги кончались с-образными стопами по форме изогнутой лыжи, а его руки были точно клешни богомола с бритвенными зазубринами.

Ханне удавалось отбивать выпады клешнями врага ловко, но трудно, пот скользил по ее щекам от напряженной сосредоточенности. Искусственное тело мага зычно лязгало и свистело в воздухе от нечеловечески быстрых движений выкидных рук. Эти руки резали воздух, выбрасываясь как маленькие катапульты, норовя отрезать магоборке голову. Она сделала выпад точно в сердце мага, но шпага лишь соскользнула с армированного стекла с жалостливым визгом.

От очередного выпада руки-катапульты она отпрыгнула назад, перекувыркнувшись, и заприметила, что в полете он срезал несколько пружин ее волос. Маг ослабился, стянув паутину морщин на своем желтоватом пергаменте лица. Ханна судорожно думала, где же он спрятал свой амулет, который должен был служить источником силы для работы всего дьявольского механизма. Она глянула на покрытые наплечники, напоминающие здоровых мокриц. Сделала удар по левому наплечнику, сорвав, под ним ничего не оказалось.

Ей стало предельно ясно, что амулет должен был находиться тогда под правым, но маг сразу понял, что она хочет сделать. Он повернулся к ней своей левой половиной тела и начал читать литании колдовства, направив в ее сторону пальцы-щупы с крохотными дулами. Вокруг его правого наплечника задрожал едва-едва заметной рябью прозрачный воздух, из дул щупов выскользнул свет ослепительно-белым конусом, он ударил пузатую колонну и свалил ее прямо на Ханну. Он повторял это снова и снова, но Ханна ускользала от него как песок сквозь пальцы.

— Волчонок! — закричала Анн, в попытке как-то помочь, тот с неистовством кинулся на мага, схватил за руку и не без усилий вырвал ее.

Из оборванных трубок потекла желтая смесь с резким запахом.

Ханна тотчас обежала мага со спины и напала на него, стиснув руками.

Как и следовало ожидать, нуллифицирующая аура остановила механизм, и маг упал на палки-ноги под ее весом, тогда Волчонок взялся за его голову и отодрал от тела вместе с хвостом позвоночника, рвя тоненькие проволочки связующих нейронов.

Второй маг телекинезом кидался в Маркуса всякими вещами, тот закрывался рукой. Мушиное облако сгущалось, портя видимость, Ханна метнула в мага несколько новеньких *меток*, но он легко от них отпрыгивал. Она выругалась про себя и решила, что нарисовала их неправильно. Тогда она вспомнила про то, как она недавно обожглась, и стала искать перьевую ручку, дабы нарисовать неправильную *метку*. Быстро-быстро вырисовав литеру с лишней завитушкой, она скомкала бумагу и запустила смятый шар в мага, когда *метка*, наконец, вспыхнула огнем, как маленькая падающая звезда или фейерверк, и ударила мага в грудь. Он попытался смахнуть с себя огонь, тот быстро захватил кусочек балахона, этой заминки было достаточно, чтобы Маркус налетел на мага коршуном и вонзил выкидное лезвие в горло.

Маг так и обмер с выражением досады на морщинистом лице.

Повелитель мух заклинал, скопище мух собралось в облако по форме кулака над его головой, но не успел он нанести удар, как кинокефал наскочил на него, и вогнал со всей силищей в его грудную клетку, прошибив ребра насквозь, один из золоченых пистолетов Анны.

Струйка крови скользнула через рот мага, разрезав напополам подбородок.

— Этот последним был, — выдохнул Маркус и вытер ладонью пот с лица. — Анна?

Но она молчала, он обернулся к ней.

* * *

Иен очнулся нескоро, где-то под вечер, когда небо обагрят пунцовый закат солнца, а по розовым курчавым облакам-овечкам ленно позли светлячки армейских дирижаблей.

— Иен? — произнес приторный голос. — Ты живой?

Когда его глаза сфокусировались, он увидел, что лежит в кирпичном коробе дома, оставшегося без крыши.

Мигель помог ему подняться.

— Живой, вроде бы... — он помотал головой и уперся рукой об обои в горошек, глядя через мутно-охровый оконный проем на разгромленную улицу Ристалища. — Не тяни пса за яйца, рассказывай все что знаешь.

— Когда тот дирижабль навернулся и разнес дюжину домов, я встал первым, увидел, что ты в обмороке и оттащил в безопасное место. С тобой все должно быть в порядке, цел и невредим, вроде как, я все же не врач. Очень скоро пришел экзорцист, а там и флотилия вся городская подтянулась, стали высаживать наземную пехоту для расчистки улиц. Я с тобой тут оставался все время, перевязал тебе голову, ничего такого, ссадина обычная, и ждал новостей. Когда пришли военные с армейскими магами, я вышел спросить у них что да как. Теперь более-менее безопасно выходить... клуб мой теперь воспоминание лишь...

— Мне жаль.

— Уму непостижимо, сколько народу полегло, — сказал он. — Гетто, говорят, устояло, хоть с них все и началось, но твари половину Приюта всего съели, как саранча пшеницу, и почти добрались до западной половины Каннескара. Просто кровавая феерия.

Улицы Каннескара не уступали по пунцовости заходящему солнцу, откидывающему по ало-бурым слякотным дорогам длинные аспидно-черные тени домов. Куда ни глянь — всюду горы пережеванных людей и груды пепельно-угольных мумий рогатых бесов. Шел снег, но тотчас таял, коснувшись изрытой бульдозерами и сапогами пехоты красно-бурой

грязи. Иен крепко держал свой нос платком, не желая чувствовать отовсюду сладковатый смрад разложения, бензина, выхлопов дирижаблей, помета лошадей экзорцистов, пороха, пота солдат, ягод и лакрицы.

Он чуть не поскользнулся, раздавив носком туфли дюймового крохобора, ругнулся, да и побежал дальше. Когда он вошел в дверной проем "Проходного двора" с сорванной с петель дверью, то не увидел никого, кроме Арни. Тот одиноко сидел на любимом кресле с торчащей из него пружины и ваты, и пускал кольца дыма, куря дешевый табак.

— Ты в порядке, — улыбнулся он, его лицо разрезал некрасивый шрам от когтей. — Очень жаль, что ты всю выпивку унес.

— Как у вас тут дела?

— Ты оказался чертовски прав, мел очень помог, — он выпустил облако сизого дыма. — Эти твои... как их там? Прокоптусы, вот... они как мухи о стекло разбивались, но в круг из мела попасть не смогли, спасибо за совет.

Иен вдохнул стылый воздух и почуял, что его коллеги уже здесь, поэтому поспешил на второй этаж. Они собрались в их с Марком номере, он был сравнительно цел: разбитое окно заслонено шкафом, пол застилала всякие разбросанные вещи, включая и сиреневый платок. Иен нагнулся за ним и взглянул на Анну, лежащую на кровати, а возле нее сидела Ханна, Маркус в другом углу комнаты отпивал из своей фляги, черный пес лежал на своей лежанке и кинокефал сидел на корточках возле него и трепал примитивного собрата.

— Анна? — спросил Иен, и все кроме Анны оглянулись на него.

— Она нам наврала, — сказал Маркус и помахал пред лицом Иена кожаным футляром с опорожненными одноразовыми шприцами.

— Это еще что такое, Марк?

— Инсулин, Иен. У нее сахарная болезнь, и она скрывала это от меня полгода, ты это представляешь?

— Что ты говоришь такое?

— Мы были внизу, она заграбастала себе перелом бедренной кости, и сам понимаешь, это и без того невеселое дело, а тут у нее инсулин кончился. Шприцы продырявились от удара, а она, дура самонадеянная, умолчала об этом. Она угодила в бессознательку из-за того, что у нее катастрофически повысился сахар, а в купе с таким серьезным переломом и той болью, что она испытывала, не удивительно, что ее, в конце концов, вырубил.

— Она... вообще будет жить? Откуда у нее, черт возьми, сахарная болезнь?

— Полагаю, из-за депрессивного состояния и долгого курса множественных лекарств, на которые она подписалась, когда по несколько раз переделывала пластику. Много раз ей потребовалось ложиться под нож, чтобы вернуть хотя бы прежнюю форму носа, после того, как ты... ну... выстрелил в нее. Но она скрыла это от меня, аптекаря, поставив под угрозу и свою жизнь, и наши жизни, и успешность всей нашей миссии.

— Что с ней будет, Марк?

— Сахарная кома, быть может. Она может длиться десятилетиями, если она не придет в сознание сейчас или в ближайшее время.

Иен ошарашено подошел к ней, смотря в красивое лицо, обрамленное золотистыми локонами встрепанных волос и, недолго думая, надел ей сиреневый платок. У него екнуло сердце, болезненно заклокотало под ложечкой. Его обуревало много чувств разом: обида, злость, раздражение, ненависть, печаль...

...любовь?

Нет, любви к ней он никогда не чувствовал, они были лишь друзьями, если не брать в расчет те вещи, что они вытворяли в профессорской оранжерее. Их он в расчет не брал, ведь это было подростковое наваждение, и не более того. Но, то, что сейчас из него будто вырвали целый кусок из того места, где у нормальных людей находилось оно, сердце, это было так. Его пальцы сильно дрожали, язык прилипал к небу, в глаза чесались, и он хотел дать себе поплакать, но слез все не было. В темно-фиолетовом небе, над очерченной алым отсветом линией горизонта, ползли армейские дирижабли.

— О, Боже... — простонала Анна, разлепив глаза. — Даже на том свете ты преследуешь меня, Охотничий...

— Ты пришла в себя! — радостно вскрикнул Иен.

— Ради, Бога, затки свой рот, твой голос очень раздражает, — хрипнула в полуулыбке она.

— Быстро, быстро, быстро! — кричал Эрнст Лоренсен, выбравшись из полицейского самохода.

Фешенебельный генерал-губернаторский дворец окружили остервенелые репортеры. Закрыв лицо воротником куртки от всполохов магниевых вспышек, детектив-инспектор неся по засыпанной нефритовой крошкой аллейке к дворцовым воротам вместе со своей сворой юношей полицейских.

— Каннескарский "Буревестник", — объявил молодой парень в широкополой шляпе. — Верны ли слухи о том, что сегодня ночью на генерал-губернатора совершено нападение?

Полицейские грубо оттолкнули парня в сторону, на его место выскочил еще один:

— Ригэсский "Пересмешиник", — заявил мужчина с раздвоенной бородой, — Так ли это, что кто-то проник в губернаторский дворец сегодня ночью, однако губернаторши и след простыл еще до прихода похитителей?

— Прочь, стервятники, — Эрнст ударил репортера в лицо и сломал ему нос: с тех пор, как на его правой руке были протезированы утраченные пальцы железными имплантами, он и забыл, что бьет слишком сильно.

Он шел, тря руку в перчатке о подол куртки, так быстро, как только мог.

— Имперская полиция, — объявил он двум сторожам, они, было, хотели возразить, но не успели, Лоренсен пулей вскочил с бравыми полисменами в вестибюль губернаторского дворца, игнорируя летящие ему вслед голосистые возражения.

Он с эхом раскрыл дубовые двери в большой зал, где уже работали криминалисты в кричащих мундирах от имперской гардианы, особой охраны высокопоставленных лиц. Он оглядел зал, высокий и вытянутый, похожий на залы кафедрального собора. Алые стены, обделанные красным деревом, проваливались в тених вытянутых нефов с черно-золотыми статуями в гипсовых венках. Окна от зеркального пола в кроваво-бурых ручьях ковров до сводчатого потолка в позолоте были открыты, и прохладный весенний ветер подхватывал и яростно вздымал белые занавески подобно корабельным парусам. На противоположной от дверей стороне над мелкими людьми поднимался грандиозный кафедральный орган с кишками духовых труб, обращенными к потолку с тортом бриллиантовой люстры. Внизу у подножья органа с короной труб лежали белесо-желтые тела четырнадцати наемников в черных комбинезонах и две разорванные напополам служанки. Но страннее всего было то, что луж крови под грудой сваленных тел не было видно.

— Кто вас сюда впустил? — послышался гортанный гул откуда-то справа от Эрнста.

Это был хорошо сложенный мужчина с русыми завитыми вверх усами в кричащем красном мундире и в меховом плаще с зелено-крыжовниковым кантом.

— Старший детектив-инспектор Каннескарской полиции Лоренсен Эрнст, — показал свое удостоверение он, но гарда такой ответ не вполне удовлетворил:

— Спрашиваю еще раз, кто вас сюда впустил? Этим делом уже занимается гардиана Его величества. Вам здесь делать нечего.

— Вы так и не нашли ее? — казалось, инспектор не слушает.

— Вас это не касается, — безапелляционно повторил он и обратился к подчиненным. — Выведите этих отсюда, живо.

В этот момент в залу ворвался Леопольд Хонканен. Он был похож на златогривого льва,

его красивые волнистые волосы подпрыгивали с каждым шагом высоких кожаных сапог с золотыми пряжками. Сапфировые глаза сияли и алчно блестели в плотных копьях солнечного света, и, как и светло-розовая кожа, выдавали его арисское происхождение, но не ригэское, и лишь орлиный нос говорил о его родстве с Хонканенами. Он был одет как кронпринц: в сиреневый камзол из бархата с нефритовыми пуговицами, отделанный позументом и орнаментированный узорами геральдических фамильных роз серебряными нитями, шелковую рубашку цвета фисташки с кружевными рукавами, а на его широкой груди подсакивал амулет с розой из слоновой кости. Он влетел в залу, плюясь огнем как мифический дракон.

— Ваше превосходительство, — поклонился русский гарт, а вслед за ним и полицейские и детектив-инспектор.

— Где моя матушка?! — завопил он, сорвав голос.

— Мы ищем ее, Ваше превосходительство.

Вслед за ним в дверной проем вошла придворная альвейга в мешковатых вишнево-бардовых шароварах и в шапочке с бубенчиками на лысую голову. Она, было, пыталась что-то сказать то сыну губернаторши, то гардианскому командующему, но на нее никто не обращал никакого внимания, и она будто сливалась с мебелью.

— Моя матушка мертва, ясно?! — продолжал вопить Леопольд. — Ее похитили и убили ее, это ясно как день. Я требую, чтобы похитителей отловили и четвертовали!

На лице гарда отражалось непонимание происходящего. Полыхающая сфера солнца скрылась за копной гранитно-серых облаков, напустив на город шаль угрюмой тени.

— Ничто не указывает на то, что она мертва, Ваше превосходительство...

С громозвучным свистом с одной из верхних ниш упала меж гардом и Леопольдом одна из бронзовых статуй, а именно — орлиноносая статуя Мареки Хонканен, оставляя на зеркальном полу белесую паутину трещинок-капилляров, колокольный звон ударил всем присутствующим в уши. Вся взметнули взгляды на нишу, из которой свалилась статуя, и вздохнули: там кто-то был.

Оттуда прямо на люстру прыгнула огромная зеленоватая раздутая от болезни туша, похожая на жабу. Люстра под ее весом оторвалась от потолка, и они вместе упали на пол. Красные от крови глаза твари торчали из глазниц и смотрели в разные стороны, широкая жабья пасть открывалась с противным чмоканьем и сочилась розовато-белесой слизью с характерным запахом мертвечины. Отвисшие, будто на мешки с мукой, груди покапывали с темно-зеленых сосков белесым творогом. На вздутой шее в волосатых бородавках висел амулет со всем знакомой розой Дома Хонканен.

Издав булькающий рев, Марека Хонканен набросилась на своего сына, лягушачьими руками оторвала ему голову и присосалась ртом к оборванному пеньку горла, сглатывая кровь, еще больше раздув свою тушу. Затем она швырнула побелевшее тело Леопольда в командира гардов и рванула на альвейгу. Та, озарившись нимбом света, выпустила из себя туман по форме громадного рыцаря в латах из сизого марева с шестью руками, в каждой по рубиновому полупрозрачному мечу. Призрачный рыцарь встал в защитной позе между губернаторшей и свалившейся на колени Иной. Марека-гуль прыгнула на неожиданного противника, тот с легкостью разрубил ее пополам, рассыпав мутно-серые внутренности, здоровый кровяной мешок и лягушачью икру. Когда выпученные глаза Мареки покрылись мутной пленкой, рыцарь из света и сизого тумана вновь вернулся в хозяйку.

Оторванная голова Леопольда лежала в сторонке и смотрела на все происходящее с

гримасой горечи и обиды.

* * *

С событий, названных Каннескарским инцидентом, прошел ровно один месяц.

Грозди военных дирижаблей висели над рокочущим мегаполисом.

В первый же день половодного сезона Иена Маршака разбудил гудок шифровальной машинки, подключенной к линии телеграфа. Весь последний месяц он, а с ним аптекарь Маркус и Ханна, работали день и ночью, вовсе позабыв, что такое сон. Анна отправилась в столицу империи к самым лучшим секретарским докторам, сняв с Иена свой надзор.

Иен поднялся, открыл окно, впуская в номер респектабельной гостиницы с видом на Имперский канал, немного студеного воздуха. "Проходной двор" Арни был разгромлен, и оставаться в нем было неудобно, и они переселились в благополучный район Каннескара, где не беспокоили банды Иных. К тому же, после нескольких актов насилия и грабежа со стороны нелюдской нищеты в черте восточных кварталов, власти разделили человеческую половину города от Иной стеной с колючей проволокой под напряжением, и ждали, пока бедняки не поутихнут. Соответственно полицейским снова выдали огнестрельное оружие, военные патрулировали улицы, а экзорцисты продолжали чистку от духов. Уничтожить всех прокоптусов им с трудом удалось, они быстро расплодились.

После быстрого и довольно-таки скудного, особенно для гостиницы такого высокого уровня (все из-за продуктового кризиса) завтрака с кофе, они отправились вверх по каналу в квартал благородных, что находился через Имперский мост. Полицейская самоходка еле тащилась, чихая и кашляя, термические печати на водяном баке стерлись и плохо грели в нем воду, ржавчина начала захватывать трубы, инженеры давно не осматривали машину. Никакой чуждый запах не тронул блаженный покой богатеев и дворян разного порядка, от мелких сошек до ближайших родственников самого экзархия. Эта часть города как будто не знала обо всех ужасающих событиях последнего месяца.

Скоро коляска самоходки на очень больших задних и маленьких передних колесах с двумя глазами-фарами, делающие ее похожую на очкастого книжного червя, встала у ворот губернаторской резиденции. Они спешно покинули пахнущий кожей салон и вышли по нефритовой дорожке, пробираясь через дебри папарацци и магниевого всплеска. Когда они оказались за автоматическими воротами, и те с жалобным лязгом закрылись, впереди раскинулась широченная эспланада с вечнозелеными лужайками, и темные стволы нагих деревьев, и сам дворец — жемчужина Каннескара.

Центральный фасад с ребрами высоких оконных рам от земли до самой крыши был живописно украшен характерными рельефами-гирляндами на молочном камне по форме плетей колючей розы. Серо-гранитные колоннады по обе стороны от центрального здания расходились полукругом и соединяли два побочных корпуса поменьше главного корпуса с пристройкой конюшни справа и маленькой обсерваторией слева. Шапкой дворца служила огромная оранжерея зимнего сада прямо над третьим этажом точно стекольный улей. В свете солнца, полыхающего в море лазурно-сапфирового неба, окаймленного штришками куцых облаков, шатры оранжереи отсвечивали и переливались подобно перламутру.

У мраморной лестницы, ведущей к входу во дворец, они наткнулись на Лоренсена и, сопровождающую его, полицейскую свиту.

— Детектив-инспектор, — Иен дал руку для рукопожатия и почувствовал его хватку

железных пальцев. — Вас неплохо подлатали.

— Верно, хотя никак не привыкну к этой штуке, — он постучал по импланту глаза. — Хоть видит как раньше, но в зеркало страшно смотреть на этот бильярдный шар. Только сейчас, когда вы меня тронули, в глазу потемнело, но, я так понимаю, это все ваша аура?

В отличие от Иена и любого другого ауто-да-фера обычные люди восприимчивые к магии, могут заменять свои части тел, если деньги или льготы позволяют, глаза, руки-ноги и так далее, и пользоваться ими так, как будто это были их родные части.

— Так и есть, — улыбнулся Иен и спросил: — Что вы тут делаете на входе?

— Гнусные гарды не пускают, говорят, не юрисдикция полиции! — зашевелил усами он в гневе. — Не наше дело это, говорят, как же! Генерал-губернатор мертва, и прокуратор мертв, нашли его сегодня утром в его постели с остановленным сердцем вместе с женой и детьми, и в городе твориться полный бардак, и это, видите ли, не наше дело!

— Роккет Волох мертв? Этого не знал, — Иен нахмурился. — Я попаду в яблочко, если предположу, что криминалисты уже определились, что здесь замешана магия?

Он кивнул, вытирая платком свой наморщенный лоб.

— Я сам узнал вот только что, я с раннего утра пытаюсь попасть внутрь дворца, а о смерти прокуратора стало известно после моего отъезда. Эти гарды помешались там, не дают мне делать свою работу, вечно у них своя игра.

Так оно и было, имперская гардиана не подпускала ни полицию, ни сыщиков, никого к делам, хоть как-нибудь связанным с аристократами и уполномоченными лицами тайной полиции. Но Иена-то с его людьми они не подпустить не могли, тайные агенты на порядок выше их самих по полномочиям и статусу в глазах Его величества экзархия.

— Прежде чем мы пойдем туда, можете что-то рассказать мне?

— Есть, что рассказать, только дайте закурить... — пробурчал он.

И он рассказал, что увидел, пока его и двух полисменов не вышвырнули из зала.

— ...И тут приходит, значит, ее сынок, Леопольд, и заявляет, мол, Мареку кто-то убил, и требует найти и четвертовать убийцу, — он рассеянно пожал плечами, и бросил под ногу бычок сигареты. — С чего он это взял, уму не приложу. А после на нас прыгнула сама она, Марека Хонканен, вся раздутая как пузырь, зеленая, и на себя не похожая... и она выпила из сына всю кровь. Просто ужас.

— Как же вам удалось ее остановить?

— Ее убила альвейга, — сказал он медленно, пробуя на вкус то, что сказал, будто не то чтобы верил в свои же слова. — Я такого еще не видел, вспышка света и будто бы ее душа отделилась от тела вся в каких-то доспехах, и с шестью руками. Очень все это странно.

— Ничего странного, — сообщил Иен не только детективу, но и Ханне и Марку. — Это их защитный механизм, они создают себе астрального защитника, когда им что-то грозит. Они обладают удивительной и мощной магией, ничем не уступающей магией магов. И эта магия ни на что не похожа, ей не страшен даже мой противомагический иммунитет. Что ж... — многозначительно выдержал паузу он, как это делала Анна. — Я так думаю, нам пора войти и самим во всем разобраться. Если хотите, детектив, можете с нами пойти, они вас пропустят со мной.

Збынек скакал впереди всех, они все гусиным клином вышли в вестибюль, отпугнув стражу секретарским жетоном, и направились в большую залу, где и произошла кровавая баня. Тут Иена достал мерзостный гнилостный запах альвейгской магии, перебивающий все прочие ароматы лакрицы, гниющих тел, икры и крови, растекшейся озером под двумя

обрубленными половинками Мареки-гуля. Охотник едва-едва сумел перебороть рвотные позывы, уже ощущая горький привкус желчи во рту.

Благо, что просторную залу обдувал ветер сквозь окна, и запах не концентрировался в замкнутом пространстве. Иен был вынужден войти через дубовые двери только после минутной заминки, крепко зажав свой сверхчувствительный нос платком, промоченным эфирным маслом.

— Я сказал, — закричал командир гардов, его лицо было свекольного оттенка. — Вон с места преступление, полиция тут не имеет никакой юрисдикции!

— Они со мной, — сказал Иен, его голос звучал гнусаво, как при насморке. — Ну а вы, мистер...

— Бенгт Эрвик, командир Экзархасской гардианы. А вы-то кто, позвольте узнать?

Он показал ему секретарский жетон с выгравированной литерой "С":

— Ауто-да-фер энсин Иен Маршак, и ведь это вы меня вызвали.

Он осмотрел величественный зал, груды разорванных тел и гуля, прикрытого двумя простынями в разных концах помещения. Сходства меж гулем и генерал-губернаторшей не было практически никакого, за исключением орлиного носа и лежащего на ее раздутой шее-пузыре розы из слоновой кости на тоненькой цепочке, фамильного знака Хонканенов. Рядом с ее телом лежала лицом вверх бронзовая статуя прежней Мареки, худой женщины с кудрями волос на изящных плечах и овальным ригэсским блюдом лица. Иен чувствовал, как у него кружится от запахов альвейгской магии голова и снова подступает тошнота.

— Ну и что вы можете сообщить? — нетерпеливо спросил командир Эрвик.

— Акт гулификации, очевидно же, — желчно отозвался он и обратился к Ханне. — Ну, что ты можешь сказать по этому поводу?

Ей было приятно, что Иен обратился к ней, это читалось на ее просиявшем лице. Иен стал к ней лояльнее после событий месячной давности, она это очень ценила, и он видел, как она старается изо всех сил не ударить лицом в грязь и показать на что способна.

— Ее кормили кровью мага, затем пропустили кормежку через месяц, — ответила она сразу. — Значит, если с ней это случилось сегодня ночью, месяц назад она попробовала маговской крови, как раз в то же время, когда в городе начались беспорядки. Возможно, ей отравили еду или питье, для этого достаточно всего капли крови.

— Точно так, — подбодрил ее Иен. — Мы можем побеседовать с альвейгой?

Иену не хотелось еще и лицом к лицу видится с причиной его позывов тошноты, но дело — есть дело.

— Мы поместили ее под стражу в одной из комнат, пройдемте за мной, — выговорил Эрвик и, поглядев исподлобья на Лоренсена и его полисменов, повел их по коридорам и лестничным пролетам.

Они оказались у двери в гостевую спальню, ее охраняли двое молодцов с суровыми и серьезными лицами в киверах с имперским грифоном, плюющим языками пламени, он держал в когтях стрелу по форме зигзага и розу. Они были вооружены винтовками, алые мундиры рябили глаза. При их появлении, они даже не шелохнулись и смотрели в одну точку впереди себя. Эрвик распорядился, чтобы они открыли дверь в спальню, и тогда в многострадальный нос Иена ударил тошнотворный запах альвейгской магии, вследствие этого его чуть было не вырвало прямо на начищенные сапоги сторожей.

— Да что с вами такое? — потребовал объяснений командир, недоумевая, отчего вдруг Иен согнулся в три погибели, и не пожелал войти в комнату.

Он лишь отрицательно закивал головой и отошел в сторону, открывая неподатливое окно, чтобы плотнуть воздуха. Занавески заплясали, подхваченные весенним зефиром, его чувствительный нос настойчиво требовал передышку, и он понимал, что войти к альвейге не сможет. Он стал судорожно думать, как же поступить, и подозвал к себе Ханну:

— Слушай, — проговорил в полголоса. — Тебе придется самой к ней зайти и обо всем расспросить.

— Но... почему? — ее глаза азартно заблестели, но в голосе он слышал беспокойство.

Он без слов ударил пальцем себе по носу, и она понятливо кивнула.

Он остался со всеми в коридоре и, прикрывая платком нос, смотрел на комнату через открытый дверной проем, когда Ханна вошла туда. Это была богато обставленная спальня мебелью из красного дерева с позолотой на орнаментах и пестрящей сценами мифологии вышивкой на обивке диванных подушечек, атласно-белые стены были завешаны коврами-гобеленами, двухместную кровать упрятывал полупрозрачный полог из воздушной ткани. Альвейга в мешковатых вишнево-бардовых шароварах и в шапочке с бубенчиками сидела на полу в позе лотоса и медитировала, что-то бубня себе под крючковатый нос на своем языке. Когда Ханна подошла к ней, она сама замолчала и открыла глаза, возрев на своего гостя с большим интересом. Иная была худа с белоснежно-молочной кожей, стягивающей скелет как одежда плечики вешалки. Волосной покров полностью отсутствовал, немного вытянутый череп как яйцо, был гол, у нее были выраженные скулы, маленькие округлые уши, согнутые в самых кончиках, а черные как агат глаза стягивало дымчатое второе веко. Ее длиннющие и, на вид, ломкие паучьи пальцы украшали перстни с крохотными пауками в окаменевшей смоле и провололочные браслеты.

— Здравствуйте... — неуклюже начала Ханна. Альвейга моргнула как ящерица и даже подняла уголки тоненьких губ в улыбке. — Я хочу с вами поговорить.

— ...Паха ля ша кету раса туи, дитя человеческое, — прозвенела она. — Пауки шепчут, что сегодня разрешится давний спор... спор с самим собой одного несчастного существа и второго... Этот второй... он уже окуклился и ждет превращения, Тиаваль уже сплел вокруг него золотую нить.

— Кто же это? — недоуменно спросила Ханна, поглядывая в сторону учителя.

— Тот, кто все чувствует, — улыбнулась она. — Тиаваль, Великий хранитель Паутины душ, никогда не ошибается в своих пророчествах, милая.

У Иена желудок сделал четверное сальто, облив дно пищевода желудочным соком.

— Откуда вы знаете?

— Говорю же, пауки нашептали, — хохотнула она и подняла ладонь вверх, по пальцам ее вниз спустился крохотный паучок на струнке паутины.

На материке альвейги получили права еще до принятия закона о выдачи нелюдских грамот, их на содержание брали аристократы из-за их необычайных талантов в ювелирном деле. За их дары человечество не только никогда не пыталось истребить чужеземцев, но и позволило жить альвейгам в роскоши на обеспечении своих богатых хозяев, передавая их по наследству из поколения в поколение, как реликвию и драгоценность. Они фактически бессмертны, обладают собственной магией и ясновиденьем.

— И все же, — снова попыталась завязать разговор Ханна. — Я хотела вас кое о чем спросить.

— О моей хозяйке, нес ха им уни кету раса... Мадам умерла сегодня ночью, — сказала она грустно, похоже, она любила свою хозяйку.

— Ну... не совсем, — сконфузилась Ханна. — Вы убили ее только недавно.

— Каше мулл тут, — резко сказала альвейга. — Она умерла, когда перевоплотилась, это была уже не она, нить ее разума оборвалась, перестав быть частью единого узора мировой паутины разумов миллиардов человеческих детей и таких как мы. Хотя пауки давно уже нашептывали мне дату свершения ее чудовищной метаморфозы, но я не могла сказать, что грядет беда, ибо хозяйка уговорила меня молчать, и я молчала, но не молчала лишь о том, что ощущала, как ее сын жаждет, чтобы хозяйка поскорее умерла от болезни. Он не хотел, чтоб ее лечили, тогда сюда приходил еще другой врач. Мадам не слушала, она в нем души не чаяла. Но потом... да ша каше ля мул тут... потом пришел второй врач, он ругал хозяйку и заставлял ее пить кровь, а кровь была его.

— Что же случилось ночью?

— Они, связанные паутиной данного ее сыну обещания пришли убить мадам, но она уже не была мадам, она была не собой. Она выпила их кровь и впала в дрему, я пряталась до тех пор, пока во дворец не приехал ее отвратительный сынок...

— Эй, не смей так говорить о Леопольде Хонканен! — пригрозил пальцем командир.

— Я могу, и буду так говорить, — звонко зашипела она на него.

— Кто, скажите же, кто был тем, кто заставлял ее пить кровь и ругал ее? — спросила Ханна в нетерпении.

— Он приходил сюда каждый месяц во тьме, чтобы его не увидели, — сказала она. — И он приходил всегда в разной одежде, но у него были такие синие круглые очки.

* * *

Огонь врывался в коричнево-черное от дыма небо, очерчивая здание КМШ нимбом оранжевых языков. Пожарище ревело, точно гигантский левиафан, жадно снедая на пути любую материю и сотню жизней. Над горой почерневших башен и крыш висел огромный пожарный дирижабль, от него подобно хоботкам бражников или ног-ходулей тянулись к самой Занюшке бежевые шланги, сосущие воду с помощью мехамагического насоса. Там на борту дирижабля баки с речной водой сразу же засыпались специальными химикатами для тушения магического огня, затем воду сбрасывали вниз молочным маревом падающих капель.

Они стояли в стороне, Иен, Збынек, Марк, Ханна, детектив-инспектор и даже Эрвик наблюдая страшную картину. Что-то полыхнуло с новой силой, верно, пламя добралось до магической лаборатории. Внизу собрались успевшие эвакуироваться студенты, сторожа и профессора, но не всем удалось выбраться, многих разбушевавшееся полымя удержало в узилище чернявых стен, дыма и глодающего мяса до кости жара. Запахи гари, приторной лакрицы, медово-горького пота, жженой травы, дерева и человеческой кожи ударяли Иену в чувствительный нос, заставляя прослезиться от пощипывания в глазах. Никто не слышал их криков, тех, кто находился сейчас там, их загораживал вой огня.

Произошел сильнейший взрыв где-то в северном крыле школы, раскидав мошкару щепок и каменной крошки.

— Смотрите! — попытался перекричать гул пожарища Маркус, показывая куда-то в ту сторону, где произошел взрыв.

Там, сквозь пики оранжевых языков пламени, пробираясь наружу, колыхало голубое зарево, а затем вверх, разбрасывая огненные искры по сторонам как из воды взметнулось

полупрозрачное существо, напоминающее змея с оленьими рогами, усами сома и когтями исполинского орла. Оно выныривало из огненной пучины и снова, описав дугу, кидалось в ад, хлыстнув ослепительно-белой бородой. Рогатый червяк с сияющим кругом ореола на верблюжьей голове поедал огонь перед собой как траву, освобождая дорогу толпе магов. Змей касался когтистыми лапами оранжевой стены пожара, пламя становилось холодного голубого цвета, и уже не жгло, давая веренице магов выбежать на улицу. А затем из чрева дьявольского огня вышла девушка с кипенно-белыми кудрями, жестикулирующая своему магическому покровителю, защитнику и воплощению силы Исхода. Аннабель продолжала помогать тушить огненный шторм, ее дух мифологического дракона выписывал в воздухе удивительные кульбиты над крышами маговской школы.

Мысли о магах-Исходах разбудили в Иене мысли о предателе Ласло.

Сейчас сверхчувствительный нос Иена атаковало уймище запахов, он не мог учуять след Ласло, задавленный всем этим месивом гари, жженой земли, химикатов и лакрицы, а потому он нагнулся к черному псу и нашептал ему:

— Возьми след Ласло, и я... — на мгновение он заколебался, но все-таки сказал это: — Я дам тебе съесть его душу.

Пес возбужденно залаял, маша хвостом.

Збынек вынюхал запах Ласло до Медицинского корпуса магов, подойдя к которому, Иен тоже ощутил его зловонный дух. Ворвавшись в рабочий кабинет Гурдун, охотники обнаружили ее мертвой, в кабинете был бардак, стол перевернут, каждый шкафчик открыт и перерыт вдоль и поперек. Гурдун была переломана, как почти год назад в ночь летнего солнцестояния были переломаны жертвы игрушки для реконструкции будущего, а значит, Ласло прибегнул к реконструктору, чтобы сбежать никем незамеченным из Каннескара. В противном случае ему не зачем было бы убивать тетраконклавку таким способом, если он хотел скрыть правду.

Мозг Гурдун был не поврежден, и это еще давало возможность опросить ее.

— Можете начинать, — кивнул Иен, маг-спиритуалист повернул рычажки на панельке спиритической доски.

Это была деревянная дощечка, похороненная под ворохом разноцветных проводков-червей, поставленная на неглубокий аквариум, заполненный пузырящейся от жара водой. Маг ввернул в небольшую нишу жертвенника, увитого змеями силовых кабелей, тотем, и завершил пальцем функциональный круг на грани аквариума свиной кровью.

— Отойдите, пожалуйста, назад, — сухо попросил маг, не смотря на секретарца. — Ваш иммунитет к магии создает фоновый шум.

Иен тотчас подчинился и отступил, за его спиной стояли, затаив дыхание, аптекарь, Ханна, детектив и командир Экзархасской гардианы. Маг произнес колдовскую литанию, функциональный круг налился синевой. Ровно минуту ничего не происходило, маг крутил глянцебитый диск на дощечке с выгравированными в нем рвами сигилов, пока в верхушке тотема не забрезжило зарево, затем в воздухе прошлась неуловимая рябь, сформировался полупрозрачный туман, и скоро туман сложился в человеческий силуэт в мантии в серых тонах. Ее мертвенно-бледная кожа лоснилась, жидкие пряди волос налипали на лоб из-под кипенной шапочки.

— Маршак?... — произнесла она загробным голосом, отраженным эхом.

— Так точно, Гурдун, — констатировал он. — Боюсь, вы уже мертвы, но вы еще можете нам очень помочь, думаю, вы знаете в чем.

— Вот оно значит, как обернулось... — прошептала она, не обращаясь ни к кому.

— Мне очень жаль, но у нас мало времени.

Она взглянула на него безынтересным взглядом.

— Я сочувствую, Маршак, — только сказала она. — Я была неправа. Он говорил нам, что мы делаем все правильно, что это ради нашего блага, а я была так глупа.

— Кто говорил? Ласло? — осведомился он, она непонятливо воззрилась на него.

— Нет-нет, — она отрицательно покачала головой. — Он назвал себя *Желтым Королем*.

Король?

Тот самый?

Этого не могло быть, думал Иен, ведь сейчас *он* находился под специальной охраной в артефактории тайной полиции.

— Он никогда не показывал своего лица, был всегда в уродливой железной маске. Он был очень убедителен, но сейчас я понимаю, что ошибалась на его счет, и мне жаль, что я участвовала в этом. Я и двое других тетраконклавцев, Джонатан Ил и Микаелян Бродвей, мы с лета прошлого года помогали магам-освободителям, отправляли им юных магов и водили за нос Ласло. Мы не знали, зачем им были нужны маги, мы думали, они готовят из них армию восстания. Однако они создавали под городом бесов для кровавой бойни ради кровавой бойни... Бессмысленные смерти, чтобы люди возненавидели нас еще больше. Не это была наша цель, мы хотели помочь революционерам, чтобы у нас появился шанс на свободную жизнь без унижений с желтушными тряпками цвета презренного металла, этих запретов на брак... мы как будто народ низшего сорта. Мы все-таки люди, не фермерский скор, хотим, чтобы к нам относились не как к животным! Но... мы ошиблись.

— Вы врете. Вы не могли так думать, если каждый юноша и девушка из танатологов и эскулапов, которых вы отправляли отступникам, скоро оказывались в речных каналах, умершие от передозировки дурманом.

— Мы отправляли им гораздо больше магов, чем находили мертвецов в речке. Почти половина из них возвращалась в ряды лицензированных магов, чтобы вести пропаганду *ихнастроений*. Мы полагали, они убивали тех, кто перетрусил и пытался бежать, а прежде их иссушали, чтобы питать какое-то оружие, которое помогло бы нам окончательно победить деспотию экзархасского режима.

— Пожалуйста, тиа Кар. Ласло уходит, у нас мало времени.

— Ласло? — удивленно уставилась она. — Он не знал о наших связях с революцией.

Никакого проку от общения с призраком Гурдун не было. Иен знал, что Ласло был тут, тем не менее, она продолжала доказывать, что не видела его с начала месяца, когда он помогал чистке города от прокоптусов, и что он не имел отношения к их с отступниками замыслам. Однако Иен-то знал, что она либо врет, либо не знает чего-то сама: он чувствовал его индивидуальный запах в затхлом воздухе кабинета. Двоих других тетраконклавцев нашли мертвыми в их же апартаментах в общежитии для магов: Джонатан Ил был утоплен в собственной ванне, а Микаелян Бродвей вообще повесился, и, судя по запаху, уже неделю как назад. Возвращаться в город за Волчонком Иен решил после того, как кто-то из гардов сообщил Эрвику, что из черты Каннескара, который уже месяц находится под оцеплением флота, вылетел армированный цеппелин, и он не имел разрешения на вылет.

Попытка связаться с дирижаблем вообще ничего не дала, и охотникам нужно было начать погоню за злостным отступником. Военные пытались сбить цеппелин, но риск, что

он упадет на город и убьет кучу людей и Иных, был велик.

С высоты птичьего полета, выглянув сквозь косое окно иллюминатора, Иен заметил, как все еще полыхает кострище на месте Каннескарской маговской школы, и рябщую от людских голов линию побережья у поднятых разводных мостов на остров "Адель-ленд", к которому доступ был закрыт еще больше полугода назад. Это были демонстранты, они не могли никак успокоиться, и каждый новый акт агрессии со стороны отступников только поддавал жару их недовольству полыхающему как пожар. Охотники оставили воздушное пространство Каннескара на легковесном дирижабле класса "Эфир", который был гораздо мельче и быстрее похищенного Ласло цеппелина.

Нагой черно-коричневый лес лежал под ними, раскинувшийся на многие километры от мегаполиса.

Они летели, выжимая из толстобрюхого светляка с гелием, весь потенциал скорости. Магической машиной управлялся экипаж из шестерых кудесников-инженеров и одного рулевого. Тем временем, охотники с детективом-инспектором, командиром Эрвиком, его цепными псами гардами, Волчонком и магом Ульрихом, который непонятно на кой черт увязался за Лоренсенем, сидели в салоне в напряжении. Хуже всех пришлось Марку, ему было тошно с того момента, как он ступил на борт, ну а сейчас его попросту лихорадило, и никакая концентрация алкоголя ему не помогала побороть стародавний страх полетов.

За половину дня полета они преодолели несколько фермерских аграриев и городок с населением не более ста тысяч голов под названием Йель, известный вкуснейшим пивом из красной смородины. Когда они добрались до обширной оливковой рощи, находящейся во владении какого-то весьма зажиточного аристократического дома, впереди замаячила крохотная черная точка на лилово-алом хосте неба набрякшего овцами облаков.

— Мы должны сбить его раньше, пока он сам не начнет нас обстреливать из орудий, — предложил командир гардов. — Корабль класса "Кашалот" хорошо вооружен, но чтобы он мог нас атаковать, ему потребуется развернуться боком, а мы имеем вихревой якорь, что дает нам преимущество во времени. Мы атакуем их в лоб.

Они нагнали огромный черный дирижабль с торчащими дулами пушек из отверстий обоих бортов. За его хвостом тянулся трен выхлопов от сожженной в печах магической пыли, отдающей запахом курева, лакричных конфет и пара воды. Иен почувствовал, как внизу его пищевода жалко поскребся желудок. Вблизи дирижабль напоминал огромного черно-зеленого жука с белоперым гербовым имперским грифоном на корпусе. Еще минут пятнадцать они приближались к вражескому кораблю, рассекая килем небеса и лоскутки блудных облаков с ревом и завыванием ветра, пока к ним на полном ходу разворачивалась черная неповоротливая громада.

В этот момент "Эфир" встретил цеппелина залпом вихревого якоря.

Из-под алюминиевого киля с оглушительным свистом вылетел ослепительный луч с шаром света. Луч троса описал в воздухе полукруг, и взятая в узду кроха-звезда понеслась к земной тверди, затем остановилась и стала возвращаться обратно как йо-йо.

Вернув полыхающий белым якорь в лоно якорной пушки, маг, дал залп в массивную цель еще раз, но опять промахнулся, и, описав дугу, похожий на рыболовную снасть якорь понесся вниз к оливковой роще кометой. Сияние пунцового солнца стремительно сползло с неба и укрылось за облачной гардиной. Когда "Эфир" подошел к "Кашалоту" вплотную, Иен увидел чудовищного кита-воздухоплователя в брызгающих зайчиками от последних солнечных лучей заклепках и железных ребрах его скелета. Он хлебал своим бушпритом

клубящийся облаками воздух и накренился на правый борт, смотря на суденышко с левого дулами-колоколами пушек. Прогремел выстрел, и вихревой якорь вошел в корму.

Последовала кратковременная вспышка и будто бы звуки сгинули на мгновение, а затем вихревое поле скомкало точно бумагу кусок обшивки в крохотную точку. Еще один удачный выстрел, и цеппелин лишился одного плавника-стабилизатора, а следом и всего остального хвостового оперения.

В этот самый момент, кит решил ответить им.

Из всех дул пушек-колоколов разом вылетели лучевые ножи, накрыв борт ядовито-розовой завесой магического пороха, и град световых лезвий продырявил баллон с газом "Эфира". Последовал взрыв, огонь разлетелся по воздуху щупальцами, маг же за якорной пушкой успел сделать последний выстрел и угодил прямо в баллон противника, а дальше нажал на язычок сброса, и луч троса оторвался и расплескался шустрыми искорками.

Высвободилось вихревое поле, хватив половину вражеского корабля.

* * *

Иен очнулся на влажной почве уже, когда напустились поздние сумерки.

Он поднялся на локте и попытался сфокусировать свой взгляд хоть на чем-нибудь, в ушах стоял бестолковый галдеж. Долбящую уши звенящую тишину в одночасье разорвала каша шумов и криков. В лилово-фиолетовое небо языки догорающих баллона и парашюта дирижабля, пузырящегося наружу из-за хлестких потоков жаркого дыхания пожарища, и сваленных олив выстреливали мошкату желтых искр. Ульрих, бегал от одного раненого к другому, стараясь остановить кровотечение или попросту облегчить навалившуюся на их черепные коробки оглушительную боль. Двое магов, четверо цепных псов гардианы и еще рулевой были мертвы, их расквашенные тела лежали неподалеку бесформенной горой, как небрежно сваленные окровавленные тюки.

Ульрих действовал умело и не волновался, он вынул из-за пазухи кожаный кошель с ампулами белково-глюкозного состава и вкалывал его раненым одноразовыми шприцами. Обтягивая подневольных пациентов ментальной плеврой, он впадал в кратковременный транс, угрожающе нашептывая заклинания, словом ускорял их, "пациентов", метаболизм, перемещая по сосудам питательную субстанцию в ткани, создавая им запас строительного материала для ремонта поврежденных мест. Он быстро-быстро жестикулировал пальцами, спаивал разорванные мышцы, раздробленные кости и раздавленные внутренности, и шил невидимыми ниточками клетку за клеткой. Опаловый амулет на его вздымающейся груди сиял, сосредоточивая вокруг ауру магических кварков, коих он касался энергетическими щупами своего мутировавшего мозга и направлял туда, куда ему хотелось, окрашивая их знакомым только Иену лакричным следом.

Иен оглянулся и обнаружил, что Збынек, Маркус, кинокефал, детектив-инспектор, Эрвик и Ханна в порядке, хотя аптекаря еще накручивало от воздушной болезни.

Иен подошел к ним, прихрамывая от ноющей боли в ноге.

— Живы? — спросил он их.

— Живы, живы, — прохрипел Лоренсен.

— У тебя кровь, — ворчливо констатировал аптекарь, завязав марлевый бинт на руку в мельчайших порезах.

Иен прикоснулся к своему кровоточащему лбу и вытянул руку вперед, безынтересно

разглядывая пятна крови на своих пальцах.

— Ничего. Мы должны пойти на место крушения дирижабля. У нас есть поддержка?

— Да, — сказал командир Эрвик. — Еще четверо моих подопечных, и я, и детектив, мы в состоянии биться, в случае чего.

— Тогда, нам нужно смочить вашу амуницию противомагическим маслом, и пойдём. Нам нельзя терять времени, где упала бандура?

— Вон там, к северу, — махнул рукой Лоренсен. — В километре где-то.

Скоро они отправились туда по жуткой колее расколотой почвы к горящему пузу половины "Кашалота". Смердную душу Ласло Фога Иен ощущал отчетливо. Маг стоял на возвышенности, на куске армированного каркаса, так похожего на громадную раковину или окаменелые ребра великана, где отчетливо виднелся закоптившийся грифон на серо-чернявом фоне. За спиной мага огненная гора угрожающе указывало в небо ослепительно-желтыми наконечниками языков, посылая Богу жирно-масленные башни зловонного чада и сажи.

— Ласло! — Иен закричал ему, взяв на прицел своего золоченого револьвера.

Маг смотрел сквозь прорези в уродливой железной маске с канавами узора по форме улыбающегося черепа, какие рисуют маарские дети на сладостях праздника мертвых. Его желтые моли-духи летали вокруг встревоженным роем, напозая на складки черно-серого плаща и торчащей из-под маски копны бороды. Ласло разнял руки и вскинул их вверх и из шторма пламени за его спиной посыпали золотые искры, это были крошечные моли, духи-защитники, олицетворяющие чудовищную силу мага-Исхода. Лукавые бабочки разрубали трясущийся от жара воздух, и собирались в кружащий шалый хоровод огненного торнадо.

Каждый застрелял в мага намоченными маслами пулями.

Ханна стреляла из пистолетов Анны, Иен из своего револьвера, Лоренсен из своего. Командир гардов отдал своим приказ стрелять из винтовок. Выстрелы долбили им уши, но пули застывали перед Ласло в воздухе, будто застрявшие в невидимой стене.

И даже... золоченые.

Одним неуловимым движением пальцев в лилово-черных перчатках Ласло взорвал в руках юношей гардов их винтовки, ударило запахами пороха и сожженной кожи. Кое-кто из них лежал на влажной от кровавого дождя почве и все еще ерзал, как сжатая в пальцах гусеница. Эрвик долго не простоял, Ласло выпустил все заставшие перед ним пули прямо в него. Его кричащий алым мундир стал еще краснее, и Бенгт упал мешком с кирпичами. Ханна и Маркус пытались, заползая за кусок дирижабля, бросаться *метками*, но Фог легко их обращал бабочками серо-черного пепла.

Маг устремил в них телекинетический хлыст и разрезал пополам их жалкое укрытие, заставив Марка и Ханну разбежаться в разные стороны. Иен расслышал девчачий вскрик, обернулся и увидел, что неопитка упала наземь. Очередной удар невидимого хлыста возле него, и черно-бурая земля взметнулась вверх клоками комьев. Ласло неотрывно глядел на Иена, тот, как загипнотизированный, смотрел на него. Ласло бросил в его сторону дробь желтых молей, они врезались в его нуллифицирующую ауру, распадаясь зернышками по сторонам, но их натиск был настолько мощен, что он свалился на спину и протаскился по земле, вырубая в ней колею.

Короткий вздох вырвался из его легких. Эрнст прятался все это время корабельными обломками, беззвучно бормоча молитву.

Иен нужно было подойти к Ласло поближе. Это увидел детектив-инспектор и кивнул

ему. Он выбежал из укрытия и побежал в лоб к Исходу, и тот отвлекся на него достаточно, чтобы Иену хватило времени подбежать к нему с другой стороны. Когда он ударил Эрнста телекинезом, забросив детектива-инспектора тряпичной куклой в рощу олив, Иен был уже рядом с Ласло лицом к лицу.

Маг-Исход обрушился телекинетический волной на его пустотный пузырь, соскочил с армированного куска дирижабля и пропал в стене костыща. Поднявшись на ноги одним скачком, Иен окидывал взглядом поле боя, оценивая потери: Марк осматривал Ханну, она была без сознания, кинокефал находился с ними. Лоренсен лежал бездыханным где-то там под бархатистым покрывалом напустившейся ночи.

Охотник подозревал черного пса и поспешил за Фогом, никому не сказав.

Отойдя от места крушения и поля боя подальше, он увидел: оливковая роща сплошь устлана разорванными мутно-серыми телами людей... нет, это были вовсе не люди. Иен наклонился к одному, перевернул и обнаружил, что у него совсем не было лица, сплошная ровная поверхность кожи на шарообразной голове.

Гомункулы.

Похоже, Ласло имел в слугах не только фанатиков да тетраконклавцев. Иен двигался быстро навстречу магу, тот убежал довольно-таки далеко, а у охотника еще поскуливала нога. Он повернулся и видел, что горящие обломки войскового судна отсюда смотрелись как оранжево-желтое пятно. Скоро Иен напоролся на одинокий сарай посреди обширного оливкового поля. Он подошел к этому сараю, в полной мере ощущая запахи трухи, жука-короеда, бочек с ядохимикатами против всяческой тли, и, разумеется, запах лакрицы и дух Ласло. Он легонько толкнул дверь вперед и оказался в затхлой комнатухе, в королевстве сваливающейся пыли и стародавней паутины, которую давным-давно покинул паук, и увидел сторбленную фигуру мага в молитвенной позе в окружении пуха, пылищи и фекалий крыс и едва слышно бормотал:

— ...Первоотец, сжался над презренным рабом своим, меченным презренной печатью Родителя лжи, ибо каюсь я в грехах и проклятуей крови своей...

Иен вошел, сжав вспотевшими пальцами револьвер, а Збынек вбежал за ним.

Из-за тучи лениво выползла полукруглая луна, ее желтовато-серый свет вошел через окошко сарая и отбросил на пол полупрозрачную тень мага, окаймив его сиянием лучей. Дверь за Иеном с визгливым стоном закрылась, будто подхваченная дуновением ветра, и Ласло замолчал на полуслове. Насупилась злобная тишина, нарушаемая лишь ритмичным стуком таинственного механизма внутри магического гексаэдра.

Квантовый реконструктор Олдеринга безучастно валялся возле Ласло.

— Ты пришел за мной, — не поворачиваясь, тихо пророкотал он.

— Зачем? — спросил только Иен, напряженно впялившись в его спину.

— Я не понимаю о чем ты, — не понял он.

— Зачем ты все это затеял? — спросил Иен, не отрывая от него окаменелого взгляда.

Он медленно повернулся, на его лице была та самая маска.

— Затем же, зачем ты работаешь государственным охотником на магов, — сказал он. — Чтобы сделать мир лучше.

— Какой смысл во всех этих убийствах? Радикальным магам это не поможет, мы уже почти всех их отловили и предали земле, а кроме того, столько людей погибло, и все для чего? Чьему миру от этого стало лучше?

— Твоему миру, мы оба же живем в одном, — засмеялся он из-под маски.

Он поднял скелетообразную руку, высвобожденную из перчатки, и снял железную маску, являя еще больше постаревшего Ласло.

— Причем здесь Желтый Король, Ласло? Ты работаешь на него?

— Бога ради, — он снова засмеялся, а затем закашлялся. — Конечно, нет. Я ни на кого не работаю. Король... — это только такое амплуа, с которым соглашались отступники по старой привычке. Маска — это только маска, а имя, вот в нем и кроется настоящая магия. Я помню Желтого Короля, и в нем не было ничего такого, чем стоило бы восхищаться, не подумай, что я проникся его туполобым амбициям! Однако это самое банальное прозвище весьма глубоко засело в головах магов вольнодумцев, слыхавших о Наристском деле. Мне были нужны последователи, и я решил остановиться на приверженцах Магос Теус. Ими так легко манипулировать! Большинство из них — люди, задавленные несправедливостью жизни. Я тщательно выбирал из них тех, кому хватит мотивации и жажды убивать, чтобы пройти до конца.

— Уж не в Орлике ты их всех насобирав? Тобсен Хенсен и Элиаш Мессарош.

— Так и есть. После того скандального инцидента в шахтах, когда местные власти не пожелали разгрести завалы, в шахтерском городке осталось много недовольных магов. И им не важно, что власти оставили умирать не только магов, но и шахтеров, у которых, к слову, были семьи. Но для них это стало личным оскорблением. Видишь ли, из-за законов, запрещающих магам быть нормальными людьми — создавать семьи и иметь иную судьбу, а не заниматься старящей магией для блага ими ненавистного государства, многие из них начинают считать всех немагов своими врагами, а весь свой магический род единственной семьей, которая у них есть.

— Они должны понимать, что не являются простыми людьми. Для непростых людей — непростая судьба. Все просто.

— Не думаю, что многие из них это понимают так же, как и ты. Ты же знаешь, маги психически неустойчивый народ из-за всех тех несчастий и бед, что пробуждают в них магическую силу. Они слабы, а я бил по самым слабым из них, чтобы переманить на свою сторону. Моя природа Исхода помогла добиться их расположения с меньшими усилиями с моей стороны. Они сами пошли за мной, блудные овцы, и я стал их пастором. Но знали бы они, в чем заключался мой план. Если бы они знали, то не пошли бы за мной, будь я, хоть дважды и трижды Исходом.

— И в чем же он заключался? — спросил Иен нетерпеливым тоном.

— Уничтожить магию на корню.

Иен так и встал, открывая рот, как рыба, вытщенная из воды на жгучий песок.

— Это началось еще давным-давно. Я разрабатывал и корректировал план годами, а сама эта идея воткнулась мне в мозг еще задолго до этого дня в возрасте шестнадцати лет. Однако если тебе интересна вся история от начала и до конца...

Иену вовсе не была интересна история его жизни, но, похоже, что он жаждал кому-то ее рассказать, так сказать, исповедоваться перед смертью.

— Я родился в семье знаменитого стеклодува восьмым ребенком, и с самого начала, как это происходит со всеми, кому предначертано стать Исходом, меня преследовали они, несчастья, болезни и смерти родных. Это... проклятье, это не дар. Ты рождаешься ни в чем еще не виноватый, но судьба пытается поломать тебя с младенчества, чтобы когда-то в будущем ты окончательно сдался всей боли и дал дорогу губительной силе магии. Это несправедливо. Во время родов умерла моя мать, затем мои братья и сестры, все один за

другим умерли в корчах от чумы, холеры, лихорадки, оспы, полиомиелита, лейкемии и простой простуды. Какое немыслимое совпадение, верно? Они умирали каждый год, и к восьми годам я остался единственным ребенком в семье. На следующий год, — продолжил он. — Когда должен был умереть и я, я так не умер, и отец решил, что это настоящее чудо. Моя мать была религиозна, и она вынудила отца принять марианскую веру, но до моего восьмого дня рождения он в Бога не верил, хотя все также учил всех своих детей догматам церкви, как завещала его почившая подруга сердца. Я всегда задавался одним вопросом — почему я? Все мои братья и сестры, их было семеро, и они не могли вырасти в великих людей? Почему мое превращение стоило всех этих оборванных судеб? К моему девятому дню рождения отец повесился, не выдержав груза горя, и я остался сиротой. Так я попал в детский дом и пробыл там около семи лет, до того судьбоносного пожара. В приюте, что носил громкое название "Орфанаж" в честь домарианской богини-матери я выдерживал издевки от ребят постарше. Дети, они и так одни из самых свирепых и жестоких существ в мире, а сироты и тем паче. Тот пожар охватил детский дом, и все, кто там находился в тот момент и сладостно спали в своих кроватях, умерли, захлебнувшись дымом, кроме одного шестнадцатилетнего подростка.

— Тебя.

— Во мне пробудилась чудовищная сила, но мне удалось ее взять под свой контроль самостоятельно. Местный ауто-да-фер, я не помню его имени, взял меня с собой и отвел в маговскую школу, и скоро я начал свое обучение длинную всего в четыре года, за которые я с легкостью освоил все четыре тетракласса. Все дело в том, Иен, что выучить теорию, комплекс магических формул и литаний не так сложно. Скажем так, после табуирования всех запрещенных практик, лицензированным магам остались жалкие огрызки магических знаний. Большая часть обычных магов не в состоянии освоить практическое применение всех тетраклассов, лишь потому, что у них не хватает внутренних сил. Я получил мантию и лицензирование и для начала выбрал стезю армейского мага. Я надеялся, что смогу так помочь человечеству, сражаясь с врагами империи и обеспечивая безопасность ее народа. Так я хотел расплатиться за свой проклятый дар, сделать хоть что-то полезное.

— И что же пошло не так?

— Участия в боях, в которых я мог убивать неудобных государству, приносили мне истинное удовлетворение и удовольствие. Разлитая кровь ударяла по моему мозгу какой-то жуткой эйфорией, моя магия от этого только росла, и когда я понял, что причина моего неземного наслаждения лишь в этом, меня пробрало до костей отвращение к самому себе. Я ушел с флота, чтобы начать другую войну, войну против истинного врага человечества — магов и присоединился к Цельнометаллической стерве. Отвращение к моим братьям у меня от тех событий в Наристске лишь умножилось. Я окончательно осознал, что должен покончить с этим уродством, и проклинал себя за то, что сам являлся магом.

— Ты шутишь? — не выдержал Иен. — Магия — это то, что подарило нашему обществу небывалое развитие и магическую медицину. Магия вырвала дегенеративное общество из узилища средневековых варварских устоев...

— Магия — опасная субстанция, пронизывающая наш мир со дня его сотворения из ничего, будь то Первоотцом милосердным, по обыкновенной случайности или непонятной нам космологической закономерности, плевать. Магия — зло, она вредна для всего живого. Там, где есть магические аномалии, не растет трава, и не виден свет солнца, только хаос и немыслимые чудовища из ночных кошмаров... Я видел это в Обледенелых землях... Я не

стану тебе рассказывать, как изучал годами этот вопрос, пытаюсь отыскать маговский ген, дающий мутационные превращения нервной системы, позволяющие нам, магам, слышать песнь магических кварков и направлять их, и как потерпел неудачу, так и не поняв причин возникновения магов в одном случае и не возникновении их в другом случае. Это было бессмысленной тратой драгоценного времени, которого у меня, увы, было слишком мало. Я твой ровесник, а уже девяностолетний старик! И вместо того чтобы пытаться бороться с магией как с богопротивным проявлением зла, искажающим всю суть божьего замысла, я решил бороться с магами, с этими извращенными пагубным влиянием магии мутантами, генетическими вырожденками, обладающими силой разрушать все, что любимо другими...

Ласло содрогнулся и будто бы проглотил язык.

— Чтобы справиться с отвращением к самому себе, я тешился одной лишь надеждой, что маги исчезнут с лица земли. Неутрачивающая детская боль и несчастья, сопровождавшие всю их жизнь, терзали их души, поэтому, наверное, стоило бы их и пожалеть, и все-таки я не стану их жалеть. Они все поголовно одержимы злом.

— Как и ты, — вставил Иен, но он будто не слушал.

— Долгие годы я таил в себе всю эту копящуюся злость, пока она не начала выжигать из меня всю человечность. И снова я чувствовал себя тем мерзким калекой, обладающим дьявольской способностью делать то, что дозволено только богу, каким был, — Иен увидел, как маг сжимает в руке окрыленный ключ, а ладонь его покрыта жуткими пузырящимися ожогами. — Я планировал это очень долго, для осуществления плана стал путешествовать по аномальным зонам по всему Арху и даже забирался вглубь лесов-джунглей Восточного материка, чуть не погибнув от магической болезни. Изучая множественные документы и записи тайной полиции, я обнаружил то, что должно было мне помочь в осуществлении моих планов...

— Квантовый реконструктор Олдеринга, — констатировал Иен.

— Так точно, — улыбнулся он нехорошей улыбкой, и белые глаза его сверкнули. — Я не мог представить, как мне сделать то, что я собирался без этой легендарной штучки. Я смог завербовать человека из архивов Магнум Официум, чтобы он помог мне достать те записи о правлении Инона Марие, где есть упоминания о вероятностных реконструкциях, которые для него проделывали придворные маги. К сожалению, доступа к артефакторию Секретария у меня не было, и поэтому мне пришлось искать тайную лабораторию магов Инона Марие своими силами. Как я и думал, я нашел лабораторию в Обледенелых землях. Там мне посчастливилось найти и зашифрованные фолианты, и чертежи реконструктора, и незавершенный экземпляр. Заниматься его доделыванием, у меня не было времени, на тот момент я пытался получить звание архимага Тетраконклава в каком-нибудь городе, чтобы иметь больше власти и влияния. Имея своего человека в Магнум Официум, я под именем умершего в прошлом веке промышленника Харалла Йенсена выкупил несколько зданий в Каннескаре, чтобы иметь штабы, где можно прятать книги, запрещенные приспособления и различные артефакты. К тому моменту я сговорился с отступниками из Орлика и других городов. Поверь мне, ими было легко манипулировать, я давил на их внутреннюю жажду бессмысленного конфликта и анархии. Кроме отступников магов мне нужны были люди, либо занимающие какие-нибудь полезные для меня должности в администрации, либо те, кто будет пушечным мясом. Я два года плел интриги как паук, а из Обледенелых земель я привез кое-что еще...

— *Проконтуса.*

— Какой ты догадливый. Да, но за два года работы с удивительнейшим из всех злых духов, я столкнулся с проблемами, чуть не испортивших все. Все эмбрионы клонов этого существа не желали расти, они постоянно умирали, все приходилось начинать сначала. В начале прошлого лета я под видом мага в железной маске смог уговорить прочих членов Тетраконклава начать вербовать для Магос Теус магов врачей-лечителей, так как мне пришла в голову идея выращивать прокоптусов иначе. При помощи загущенного фона магических концентраций, но для этого мне нужны были еще прислужники, которых не жаль пусть в расход...

— Почему же Гурдун не знала, что ты и есть маг в железной маске?

— Я не хотел, чтобы она и другие тетраконклавцы или кто-то еще подозревали меня. Я скрывал себя настоящего ото всех своих прислужников, чтобы уменьшить шансы, что кто-то меня предаст, и, чтобы стать для них всех обезличенным символом революции. Так или иначе, мне нужен был постоянный доступ к дурманам, чтобы вводить посланных тиа Кар магов в токсический транс и качать через них концентрированную магию в эмбрионы прокоптусов. После я послал Тобсена Хенсена в Бульвар розы, где он устроил видимость террористического акта, чтобы я мог незаметно убить несколько важных людей...

— Карделиус Китч...

— Мне нужно было назначить своего собственного прокуратора полиции, чтобы он заставлял всю полицию гоняться за торговцами дурманом и поставлял конфискат моим людям...

— Берри МакМерфин, главный архивариус городского управления...

— Он первым обнаружил несостыковки в бумагах на купленные мной дома и здания под видом Харалла Йенсена, и его пришлось быстренько убрать.

— И... племянник генерал-губернаторши? Зачем?

— Он оказался внедренным пчеловодом. Да, такое бывает. Мне он бы очень помешал, если б застал моего человека в доме псевдотетушки. У троюродного брата губернаторши никогда не было своих детей, а, появившийся не так давно на пороге его усадьбы бастард, а именно о сыне он мечтал всю свою жизнь, пришелся так кстати.

— Я убил твоего реаниматора, — пробормотал Иен, опустив голову.

— И ты мне сделал большое одолжение, убив его, он был слаб и раскололся, если бы его допрашивали с пристрастием. Так что, большое спасибо, мой юный друг, — театрально поклонился он. — Но, примерно тогда же, у меня возникли большие трудности. Леопольд. Два года генерал-губернаторский врач под именем Обера МакРибуса создавал видимость, будто губернаторша смертельно больна. По-правде-то сказать, она сама и без его помощи была нездорова. И думается мне, что дело в ее происхождении, ведь, как не многие знают, она родилась от связи ее матери Диабеллы с ее кузеном, а не от экзархасского мужа. Мой план был прост: довести Мареку до отчаянья от болезни и заставить согласиться выпить маговской крови, чтобы "излечиться" и стать зависимой от донора. Я хотел взять власть в городе и провинции, чтобы моему плану ничего не смогло угрожать, и подстегнуть людей на ненависть к магам опять-таки больше, когда бы они узнали, что именно они сделали из их губернаторши свою марионетку...

— Но все пошло под откос из-за ее сына, да?

— Леопольд очень хотел заполучить власть, а его матушка все не откидывала копыта, вот он и начал действовать более агрессивно. Он подослал наемников взорвать лечащего врача губернаторши, тогда стать ее врачом пришлось мне самому. Я ездил к ней каждый

месяц, стал для нее донором крови. Об этом, конечно же, никто не знал, а тетраконклавцы думали, что я лично озаботился вопросом безопасности губернатора. Апартаменты Обера МакРибуса пришлось предать огню, с тем, чтобы уничтожить некоторые хранящиеся у него шифрограммы. И даже это я выправил в нужное мне русло, обвинив в этом злостном поджоге магоненавистников, якобы убивших МакРибуса из ненависти ко всей маговской братии. Так я и начал настраивать магическое сообщество против немагов, для того чтобы они куда охотней перебегали на сторону ренегатов. Пока я был архимагом Тетраконклава и еще тайным врачом Хонканен, я не мог заниматься починкой реконструктора Олдеринга и поручил это подающему надежды магу-кузнецу Элиашу Мессарошу.

— О, полагаю, он слегка расстроил твои планы, — ехидно заметил Иен.

— Этот кусок мяса с его пассивностью, которая сама сбежала с ним, когда тот объявился в городе, решили подзаработать на реконструкции выигрышей. И попались, ха-ха! Хорошо, что Мессарош додумался бежать и передать реконструктор мне. Он был катастрофически мне нужен. Прокоптусы все умерли, я лишился всего генетического материала! — внезапно его голос сорвался в визг.

Он буквально старел на глазах, его волосы и борода становились все белее и белее.

— Мне потребовался новый генетический материал, и потому пришлось организовать еще поездку в Обледенелые земли, но нужно было торопиться вернуться в город до того момента, как я пропущу сеанс с губернаторшей и привлеку внимание пчеловодов тем, что долгое время не покидаю стен общежития. В день, когда в Каннескар частным аэростатом доставили усыпленную особь, мне срочно понадобилась диверсия, чтобы не попасться на обязательной проверке груза. И тогда...

— Я так и знал, что все это воздействие реконструктора Олдеринга, и это ты сделал бедняжку Аннабель Исходом, чтобы она отвлекла внимание на себя!

— Виноват, тут ты меня поймал с поличным, — хохотнул он. — С помощью квантового реконструктора я толкнул судьбу девчонки в сторону того, чтобы она перевоплотилась, и мне жаль, что из-за этого было столько побочных потерь среди гражданского населения. Я ведь ради них и придумывал весь свой план, но что сделано, то сделано. Пусть это будут необходимые жертвы во благо всего имперского общества. Переправив того прокоптуса в катакомбы города мертвых, я продолжил экспериментировать, но результаты повторных попыток меня не утешали. Мы продолжали кормить магов гусеницами дурман-мотылька, и они все напевали свои ужасающие хоралы, однако толку от этого было не много, как и в первый раз. Кроме того, возникли еще кое-какие трудности с моими прислужниками...

— Появление Исхода слишком их взбудоражило, не так ли?

— Так оно и было, они стали неуправляемы. Это весьма красноречиво показало мне в который раз истинную сущность всех магов, как нестабильных и опасных животных с неутолимой жадью человеческой крови. Ну а затем я наткнулся на то твое письмо...

— Почему же ты решил мне помочь, кстати?

— По старой памяти, по старой дружбе, — сказал он. — Ты не был мне врагом, ты мне только мешал из-за своей профессии, но не помочь тебе в том, в чем был виноват я сам, не мог.

— Призраки — это тоже твоих рук дело?

— Вроде того, — просипел он, задумчиво взглянув на потолок сарая, откуда свисали проржавленные крюки. — Мне все никак не удавалось заставить клонов прокоптуса расти и не умирать на переходной стадии эмбриона. Просто пытаться их убивать, чтобы они

множились сами... это было не в меру сложно, так как подпитывать выводок неактивных тварей магией гораздо проще, чем кормить их мясом и следить, как бы они не удрали на поверхность раньше времени. Поэтому мне потребовалось, дабы мой человек пробрался в Некрополь и взял для меня тотем лучшего исследователя магических духов прошлого века Стейнара Эйнарссона, сделав видимость, будто это бунтовщики сделали это для простого акта вандализма. В условиях всколыхнувшейся эйфории, никто бы и не подумал, что за этим что-то укрывается. Я не смог бы запросить санкцию на лицензированный спиритический сеанс, я не смог действовать открыто, чтобы никто меня ни в чем не заподозрил.

— Но эта дура решила конкретно так подурочиться.

— Да, она взяла и выпустила целую армию призраков на городские улицы, учинив беспорядки, и привлекла ваше внимание, заодно и, показав вам, откуда она пришла. Я же говорил, они стало неуправляемы, и все норовили сделать какую-нибудь гадость, угрожая успеху моего дела. Слава Богу, что в туннеле вы наткнулись на василиска... да, я помню, что ты из-за этого пострадал и пролежал полгода в коме... мне жаль. Но благодаря вашему замешательству, мои люди успели вернуться и забрать то, что мне было нужно, пока твои ауто-да-ферские друзья были заняты, спасая тебя. И снова, уже во второй раз, я говорю тебе — спасибо! После наши дела пошли гору, душа Эйнарссона мне очень помогла с моей проблемой. Прокоптусы росли как на дрожжах, я бы сказал, что даже слишком быстро. Я собирался выпустить их, еще больший выводок, чем ты видел, в день празднества летнего солнцестояния, когда люди наиболее уязвимы, и, кроме того символично воспроизведя те события в Наристске годы назад.

— Я не понимаю... но ведь ты сам участвовал в зачистке города весь последний месяц вместе в экзорцистами и флотилией Его величества...

— Я вынужден был вмешаться, когда рать прокоптусов распространилась за границу восточного города, и стала угрожать людскому населению. Видишь ли, я намеривался не уничтожить весь город, а только его нечеловеческую и нищенскую половину.

— А они-то здесь причем?

— Все просто: я хотел учинить геноцид всего нелюдского населения в Каннескаре.

— Зачем? Тебе только тебеподобные не угодили, то есть маги; причем здесь Иные?

— Я хотел спровоцировать нечеловеческое население по всей империи от Маарской республики до самых границ Обледенелых земель на повсеместные восстания, как это почти что не случилось из-за расовой карательной чистки на реке Марицы. Я планировал не дать шанса вооруженным силам флота спасти их от голода прожорливых прокоптусов, чтобы Иные по Арху обвинили власти в том, что те не попытались спасти их собратьев от ужаснейшей гибели в потрохах магически созданных чудовищ. Маги из других городов, вдохновившись Каннескарским инцидентом, должны начать повторять за мной, и архский континент разорвется от гражданской войны. Я думал, что преждевременная вечеринка все испортит, но городские власти сами ухудшили свое положение, и за это мое спасибо уже им. Они разделили город стеной пополам и оставили нищету, в основном из Иных, захлебываясь в грабежах и беззаконии. Когда все же случится гражданская война, всю вину повесят на кого? На магов, которые и заварили всю эту кашу, и гвидоский режим лицензирования магов сменится на менее терпимый. Магам это будет не по душе, терпеть новые табу, и они взбунтуются все, и попытаются устроить Вторую магическую войну. И тогда, как полторы тысячи лет назад, маги проиграют в этой войне, немагов куда больше, у них есть несколько не устаревшие противомagические инструменты борьбы с магией. За

прошедшие полгода люди в Каннескаре ощутили, ну а скоро и по всей стране ощутят, в полной мере свою зависимость от проклятушей магии, и тогда они сделают работу над ошибками, и начнут искать альтернативный путь. Путь превосходства разума над силами природы, а не ложная власть, данная Родителем лжи...

— Ты помешался, мой старый друг, — констатировал Иен, все еще держа револьвер в руке у его лба. Он выстрелил, но пуля повисла перед ним недвижимо, как будто врезалась в невидимую стену.

— Золото меня больше не беспокоит, Иен.

— Следовало попытаться... как давно?

— Давненько, — сказал он, золоченая пуля скомкалась, как конфетный фантик.

— Ты одержим магией, Ласло, как же ты вообще не потерял контроль над собой и не взорвался? — Иен старался говорить ровно, но не мог скрыть подступивший к горлу испуг.

— Я сумел найти врача-экспериментатора из немагов, и он удалил из меня импланты. С тех пор я был вынужден держать магию под строгим контролем, дабы никто не заметил моего могущества, и не заметил, что я свободен ото всех цепей и силен как никто другой. Конечно, от этого начало страдать мое тело, но какая вообще разница?! Если я и умру, мое дело будет жить. Но я все равно не могу тебе никому разболтать об этом, мало ли, как это сумеет помешать моим планам? Прости меня, ты мне нравился...

Он раскрыл рот и выстрелил из черной дыры скопом желтых молей, они ударили в нуллифицирующий щит, заставив Иена упасть на спину и проташиться по грязному полу два ярда до двери. Моли воспламеняли костром пол и стены, и вокруг растекалось жаркое пожарище, обрушиваясь на ауто-да-фера запахами гари и концентрированной лакрицы. Танцующие языки овладели всем обозримым пространством, Ласло прикрыл чернеющий рот, прекратив изрыгать молей, и Иен вскочил с пола и стал подбираться к двери. Глухая боль выстрелила в плечо, когда он сорвал дверь с петель.

Огненный ураган расплескивался, как вода из переполненного ведра, и обхваченные огнем куски разорванного сарая, точно миниатюрные метеоры, вели головокружительный хоровод вокруг неясной фигуры, ступающей из ревающего лона живого пожарища. Это был он, глазные имплантаты выжгло бушующее полымя, пустые глазницы Ласло Фога светили конусами прожекторного света, мертвенно-белое лицо оплавилось воском и стало похоже на каучуковую маску, рот представлял ослепительно-черный круг дыры. На поджаристом стариковском теле не осталось ни лоскутка одежды, огонь поглотил все, маг оплавлялся весь, как восковая свеча, больше тая, пока не начал пропадать на желтом фоне тоненькой полоской.

— Збынек!.. — попытался Иен перекричать огненный ор, но не издал не единого звука.

Черный пес появился рядом в ту же секунду, он поймал его периферийным зрением.

— Кушать подано, — сказал он ему так же беззвучно, но тот все понял.

Грим скинул с себя маску простой дворняжки и ринулся на мага.

Ласло направил на лжепса глаза-фары и одним кивком отбросил его тушу в сторону. Иен, казалось, расслышал отдаленный скулеж, и грим замолчал. Иен сжимал револьвер до боли в руке. Исход начал забрасывать его щупальцами огня, разбивая нуллифицирующую ауру. Дичайшей мощи удары сопровождались оглушительным звоном, как церковный бой колоколов, выстреливая громopodobным боем в барабанные перепонки Иена. Магические удары были очень сильны, под ними охотник упал на колени, не в силах стоять в полный рост, и чувствовал, что скоро все кончится, и...

Брызг!

Магическое щупальце преодолело его противомагический иммунитет, такая могучая сила была в Ласло, и вся эта несусветная силища обрушилась на Иена, принуждая каждый его нейрон вспыхнуть болью, какая доселе ему была невиданна! Его пригвоздило к талой земле огненным месивом, его кожа потекла между канавами лопнувших от жара волдырей крупными восковыми каплями, сметая одним потоком лоскутки горячей ткани одежды.

На мгновение он потерял сознание от слепящей боли, но сразу распахнул глаза.

Окружавшее его полымя вдруг куда-то подевалось.

Новая обжигающая боль резанула Иена по пальцам рук и крохотной точки на груди. Он бросил из обожженной до мяса и кости руки золоченый револьвер и судорожно содрал со своей шеи марианский атрибут веры, отшвырнув его куда подальше.

Его стошнило, будто бы колючий комочек морского ежа застрял в пищеводе, а затем выскочил через рот. Это была какая-то серебристая масса, его вытошнило еще и еще, и он увидел впереди себя сверкание. Там в зареве голубоватого света подмигивал малюсенький огонек, окутываемый дымкой нимба. Огонечек висел в воздухе, слегка покачиваясь в ярде над образовавшимся кратером в земле. Краем уха он услышал какое-то щебетание, какой-то распев молитвы. Ангельский хор заливался ему до боли знакомой мелодией, какую он когда-то слышал в юности в Цвейке-Махани. Иен видел пронзающую черно-лиловую твердь небес паутинку тончайших нитей магических кварков, перетекающих золотистым песочком по прозрачным трубочкам.

Они рассекали воздух с церковным трезвонem и сладостно-ласковым шелестением ангельского пения. Из марева ночной темноты показались фары бесчисленных глаз грима. Он хромал к кратеру, к мигающему огоньку, кричащему Иену о прощении и спасении. Его inferнальный плач пронзал его в костную твердь лба насквозь, заливая каждую клеточку мозга желанием коснуться его. Не понимая того, что делает, он полз к огоньку, протянув руку вперед и подбирая животом клочки почвы.

— Збынек, стоять, — булькнул он, не в силах остановить поток рвоты.

Пес заколебался.

— Не трогай это!.. — булькнул он сквозь полузакрытый рот.

Иен полз и полз, а черная громада грима стояла там, глядя на него с любопытством и недоверием. Но он узнал Иена по неизменному запаху души, и потому подчинился своему возлюбленному хозяину. Лилово-алая кровь стекала из его продырявленной туши, псовый облик дьявольского духа был убит магическим пылом и не позволял сокрыть ужасающее тело демона.

Ползя вперед, Иен дотронулся оплавленного внутрь реконструктора. Он вышвырнул короб в сторону и полз дальше, перекатился в чашу кратера, и почувствовал резкую боль во всем теле, не способный больше шевелиться. Он обреченно смотрел, как демонический пес поглощает трепыхающийся огонечек щупальцами языков, и индивидуальный аромат души Ласло навсегда пропал из мира...

Из письма Анны К. Гиллерт, адресованного Маркусу Логану спустя два месяца:

"Я знаю, ты, что-то скрываешь, я не верю, что Иен погиб от рук Ласло. Я уверена в том, что тебя заставили молчать, как это умеет делать Секретарий, но мне нужна правда, и я до нее докопаюсь, ты в этом не сомневайся. Я видела то, что видела, обугленный мешок почернелого мяса и костей, но он не был мертв, я уверена в этом... Я это почувствовала и не поверила своему глазу, он точно дышал, Логан... Уверенна я и в том, что на кладбище в Каерфелле под его надгробным камнем со слезливой эпитафией лежит совершенно пустой гроб, если не с подставным телом. И твое внезапное отстранение "по здоровью" выглядит подозрительным, ведь вместе с тобой куда-то подевалась и Ханна и маг, что был с вами в ту ночь. Возможно, что ты не получишь это письмо, и тебя и вас устранили из-за того, что вы слишком много знали, чего знать не следовало, но я должна попытаться.

Я этого так не оставлю, помани мое слово..."

Из заключения комиссии Секретария по рекрутингу лиц с "особыми" способностями для проекта "Псарня":

"Результаты всех биотестов объекта, именуемого как Иен Маршак, превосходят все ожидания. Каким-то образом клетки его тела впитали магическое излучение мага-Исхода, и вся сопутствующая взрыву мага магическая сила переместилась в него. Его тело впитало значительный запас силы, что позволило ему регенерировать себя самого без посторонней помощи. Оставшийся запас магической силы объект научился брать под полный контроль. Дальнейшие тесты показали, что объект не может брать магию из окружающей его среды, однако он способен высасывать магическую силу у любого носителя Дара и приумножать собственные запасы магии. Объект является пятым в наших списках лицом, обладающим похожими способностями к аккумулярованию магии и собачьим сверхобонянием. Проект "Псарня", наисекретнейшего отряда для реализации особо секретных миссий Секретария, одобрен".

* * *

По степи разлетелся холодный ветер, колыша желто-бежевую траву. Солнце слепым бельмом бледного блюда смотрело на Иена сквозь гардину сливочно-оливковых облаков с прохладным равнодушием. В нескольких километрах к западу где-то за линией горизонта морской прибой обдавал стылый воздух запахами соли и рыбьей чешуи.

Там же гаркали альбатросы. Впереди уже виднелась, пока что еще черными точками, рыбацкая деревня и серо-гранитная стена монастыря. Миловидная монахиня отвела его на монастырское кладбище, где он мучительно рассматривал могильную плиту с потертыми рвами надгробной надписи и рисунком окрыленного ключа несколько часов к ряду. Судя по рассказам монастырских матушек, его отец умер спустя только год после отъезда Иена в Каерфелл от свалившей его простуды.

Водорослевый ком противно заклинился у Иена в пищеводе.

Идя навстречу своим псарям в униформе имперской гардианы и невидимому брюху висячего над шепчущейся ветром степью дирижабля с маскировочными панелями, он все посматривал на убывающий вид монастыря, в который никогда уже не вернется. На плечо ему взгромоздился здоровенный и лохматый ворон — новый облик Збынека.

— Что, приятель? — сказал он своему ворону, надорвав голос. — Нам предстоит долгий

путь и новые приключения, ты рад? Я вот не рад, но что поделаешь...

Крик альбатросов становился все громче и громче.

— Все-таки, я вернулся, чтобы попрощаться, — утешил себя он.

Больше книг на сайте - Knigolub.net